

Л. ЛАЗАРЬ
КАРЕЛИН

ДЕВОЧКА
с
КРАСКАМИ

Д е т и и з

Annotation

Счастлиное, но и очень трудное лето выдалось в жизни Тани Васильевой - героини этой повести. Таня познакомилась со стариком художником, полюбила его искусство и сама захотела стать художницей. Это её радость. Но в семье у девочки разлад - и это Танино горе.

А разобраться во всём надо, даже необходимо.

И Таня начинает разбираться, глядя во всё - и счастливое и горестное - с зоркостью, чуткостью и непримиримостью одарённого юного существа.

Художник Олег Дмитриевич Коровин.

- -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
-

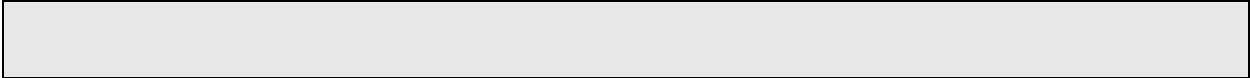
Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

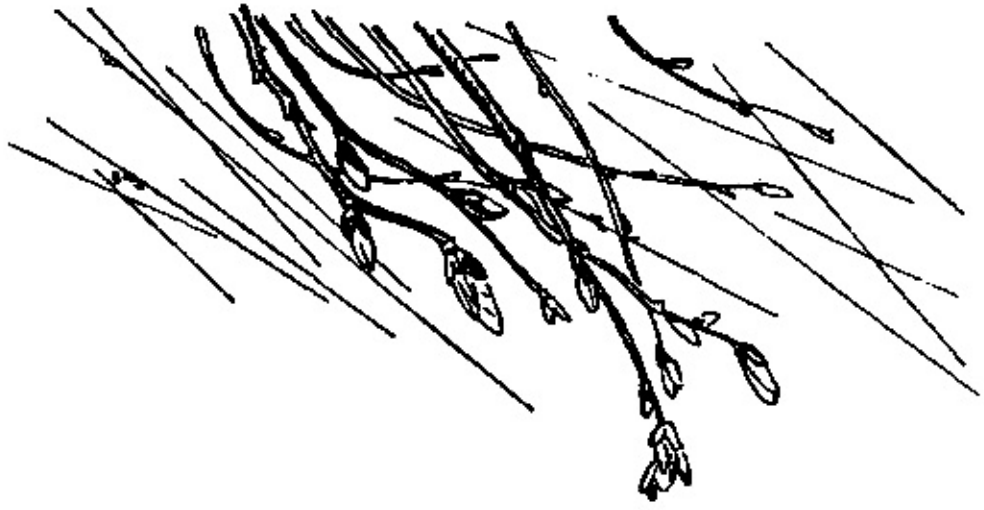
ЛАЗАРЬ КАРЕЛИН
ДЕВОЧКА
с
КРАСКАМИ
П о в е с т ь

•
РИСУНКИ
О.КОРОВИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Министерства Просвещения РСФСР

Москва 1963

В тот год лето в Ключевом запаздывало. Долго, почти до середины июня, ходили по городу холодные ветры, солнце всё пряталось, дождь по-осеннему не радовал. И даже птицы, которым давно бы пора прилететь в эти края, ещё не прилетели.

В дождь, в непогодь городок становился сереньким, скучным. Только в центре, перед зданием городского Совета, и на площади, исстари называвшейся Торговой, было многолюдно. Чуть позеленевшие с первым солнцем тополя, окаймлявшие площадь, как бы замерли в своём пробуждении. Огромные стволы, не даваясь ветру, стояли недвижно, но ветви их шумели, глухо, недовольно, роняя на землю прозрачные крупные капли. Кое-где занялись зеленью огороды. И тоже замерли, не зная, как быть им дальше без солнца, на холодном ветру.

Нынешней весной Тане Васильевой исполнилось двенадцать лет, а спустя месяц классная руководительница прочитала по тетрадке всех ребят, которые перешли в шестой класс, потом поздравила прилежных и поругала лентяев. Про Таню сказала: «Ни то ни сё».

«Ни то ни сё» вышла на улицу, как и все ребята, сразу продрогла и вприпрыжку побежала домой шестиклассницей.

Таня уже привыкла думать о себе: «Мне тринадцатый год», а теперь стала привыкать к мысли, что она шестиклассница. Думать об этом было приятно. Вот, собственно, и все события.

На углу своей улицы Таня увидела старика Черепанова, нелюдима соседа, которого всегда боялась. Он занимался своим обычным делом: по-птичьему смешно вскидывал голову и затем быстро дотрагивался кисточкой до маслянисто отливающего красками холста. Таня задержалась, разглядывая почти законченную картину. Ей стало интересно. Ещё вчера она равнодушно прошла мимо старика, а сегодня остановилась. И вдруг увидела то, чего не видела прежде. Влажно разлившиеся краски на картине слагались перед ней в тот самый неясный, тревожно волнующий мир, который минуту раньше она не умела разглядеть. Вот и дождь и пасмурно, а лето всё-таки наступило. Ну конечно же, лето пришло! Вот даже и солнце, вот за этой тучей...

По-птичьему смешно, совсем как Черепанов, вскинув голову, Таня всмотрелась в тот краешек неба, который показался ей на картине солнечным. И сразу же согласилась и не согласилась с художником. Верно,

в небе, в том же, что и на картине углу, светило солнце, но не так, не совсем так, ну будто бы тише, осторожнее, чем на картине.

И Таня принялась удивлённо оглядываться по сторонам. Оказывается, нынешнее хмурое начало лета было совсем не хмурым. Серое? Да откуда вы это взяли? Посмотрите, как зелено всё вокруг, как ярка только лишь вскопанная земля огородов, как празднично умылись стены и крыши Домов! Лето - да вот же оно, здесь, с нами! Чудаки, чего это вы мёрзнете?

Таня больше не мёрзла. Правда, руки и голые коленки у неё посинели, в носу нет-нет да и хлюпало, глаза смаргивали остуженные ветром слезинки, но Таня не мёрзла. Жарче самого жаркого солнца согрел её диковинный, неведомый доселе огонёк. Он даже, становился всё ярче, всё рос и звал, звал к своему свету. Вокруг было пасмурно, накрапывал дождь, налетал холодный ветер, а Таня только поспевала смотреть: вокруг было зелено, просторно, радостно, будто вот сейчас грянет солнце.

Дмитрий Иванович Черепанов, художник-любитель, «самаука», как называл он себя, привык к жадному любопытству ребятишек и даже любил, когда работал «на натуре», слышать у себя за спиной шмыгающие звуки ребячьих носов и почтительное перешёптывание.

- Похоже? - спрашивал он порой у какого-нибудь паренька, если и сам был доволен своей работой.

- Здорово! - изо всех сил кивал головой паренёк.

И верно, увидеть собственный дом или свою улицу во влажном разливе красок на крохотном лоскуте материи - это, конечно, было здорово.

Но мир вокруг был всё-таки интереснее, чем то маленькое и очень медленное чудо, которое творил своими кисточками старик. На реке слышались голоса приятелей, где-то бабахнул выстрел, за углом, тарахтя, катился мотоцикл. Куда ни глянь, везде интересно, везде чудеса. И вот уже не слышно за спиной шмыгающих звуков; обернётся старик, а паренька и след простыл.

С Таней получилось иначе. И час и другой стояла она возле старика, терпеливая, тихая, сосредоточенная.

- Здорово? - наконец и её в одну из счастливых своих минут, когда почудилось, что картина удалась, спросил Черепанов. Он посторонился, открывая глазам девочки холст, на котором была изображена её родная улица, если смотреть на неё с бугра у перекрёстка.

- Здорово, - помедлив, отозвалась Таня. - Только почему эта берёза у вас такая белая? Разве она совсем белая? Посмотрите! - И девочка, подбежав к берёзе, которую писал на переднем плане в своей картине старик, быстро провела по её глянцевитому стволу ладонью.

- А какая же она? - недовольно спросил Черепанов.

- Она грустная, - сказала Таня. И ещё добавила: - Она тихая. - Помолчала, подумала. - Она тут одна, других берёз нет - вот ей и грустно.

- Толкуй! - внезапно рассердился старик. - Ты мне про цвет скажи, а не про всякие там звуки. Тихая! А ну-ка, сыщи у меня на палитре такой цвет! Ну-ка!

- Я не умею, - сказала Таня. - Вы меня научите. Научите?

- Это чему же - как звуки писать? - всё так же сердясь, спросил Черепанов. - Я не композитор.

- Я вас обидела? - кротко спросила Таня. - Простите меня, я не хотела. Мне очень нравится, как вы рисуете. Очень! Только я подумала, что берёза не такая белая, не совсем такая белая. Вы не сердитесь?

- Нет, - хмуровато улынулся старик.

Его всерьёз обрадовало, что эта молчаливая, большеглазая девочка похвалила его работу. И вот не отходит который уж час. Да и про берёзу, пожалуй, верно. Может, под-желтить её малость? Или нет, подсинить? Тучи, проходя, так часто меняют освещение, то даря, то отнимая у берёзы солнце, что и не поймёшь, какая она - тёплая ли, холодная. Вот девочка сказала: «Грустная». А ведь верно! Одна стоит тут. «Печальная»... И верно, запечалишься, когда близких никого. Старика ли это не понять? А вот не понял - поняла девочка.

Откуда она взялась? Вчера будто ездил в коляске, а сегодня, глядь, стоит перед тобой - длинноногая, худющая - и знай себе спорит со стариком.

- Ладно, буду тебя учить, - неожиданно и для самого себя сказал Черепанов. - Серьёзно надумала или так, для баловства?

- Серьёзно...

- Ну, тогда держись. Я ведь злющий, придира, нетерпеливый.

- Я знаю.

- Откуда это? - Старик бранил себя так, на всякий случай, и его неприятно удивило, что девочка согласилась с ним. - Кто это тебе обо мне наговорил?

- Так ведь я же соседка ваша, - просто ответила Таня. - Меня Таней зовут. Таня Васильева. Не знаете?

- Знаю, озорница, неслух, - решил не остаться в долгу Черепанов. - Хуже иного мальчишки. Наслышан! Не пойму только, чего это ты со мной-то тихоней прикидываешься.

- А я разная, - сказала Таня. - Мне так интереснее. И потом, ведь вы рисуете. Разве можно шуметь, когда человек рисует?

- Не рисую, а пишу, - смягчился старик. - Маслом. Понятно?

- Нет, но я пойму, я обязательно пойму, - поспешно проговорила Таня. - Смотрите, берёза-то!

- Или улетела?

- Не улетела, а только ветер подул - и ей стало веселее. Теперь правильно, она белая. Только теперь листья совсем иначе у неё. Будете перерисовывать? - И тотчас поправилась: - Переписывать? Ох, как это трудно - рисовать!

И, вдруг решившись, она взяла из ящичка маленькую, испятнанную краской кисточку и зачем-то быстро поднесла её к лицу, точно понюхала или поцеловала, старик не разглядел.

Домой Таня пришла уже в сумерки. Распахнула дверь из сеней и переступила порог - одна нога в комнате, другая в сенях. Огляделась. Два окна ещё сверкали закатным, вдруг объявившимся к вечеру солнцем, но в комнате всё же было темновато. Свет в комнате лежал золотыми полосами лишь на одном-единственном стуле, на столе, на одной-единственной половице. И ещё чуть-чуть на бабушкиной иконе. Это была совсем маленькая медная картинка, вся очень тусклая. Сейчас ей повезло: солнце, проглянув, тронуло и её.

Как всё-таки замечательно смотреть на всё, чего касается солнце! Ведь вот даже эта половица в глубоких старческих трещинах-морщинах, какая она сейчас весёлая. Она будто подмигивает Тане всеми своими проглянувшими сучками. И стол, старый-престарый, даже издали знакомо пахнувший клеёнкой, даже он просветлел, стал гладким, сытно дохнул свежим хлебом.

Это всё из-за солнца.

И вот ещё шаткий стул. Он показался Тане лёгким, ладным, с напрягшейся, как парус, спинкой. Сесть бы на него, поднять ноги - и полететь!

Таня наконец переступила порог. Золотистые полосы тронулись с места, сузились, заколебались, растворяясь в воздухе. Солнечная минутка прошла. Из соседней комнаты прозвучал звонкий и молодой, будто горячий голос:

- Таня, ты?

- Я, мамуся.

- Ну, перешла?

- Перешла.

- И ладно. Умница. Садись-ка поешь - второе в печке, а суп, знаешь, весь прикончили. Дядя Гриша заходил.

Солнечная минутка теперь прошла окончательно. И пришли сумерки. Пол в трещинах, как пол, стул старый, как стул, иконы не видать и вовсе.

В комнату вошла мать.

Таня часто слышала от взрослых, что мама у неё красивая. Даже красавица. Но Тане в матери нравилось совсем не то, что взрослым. Они восхищались Мусиным лицом - маму все знакомые называли Мусей, - Мусиной, как у девушки, пышной косой, которую она то укладывала

вокруг головы туго заплетённым кольцом, то вовсе не заплетала, закалывая в небрежный пучок. Знакомые восхищались маминым голосом - она действительно замечательно пела, не громко, не звонко, как некоторые, а будто задумавшись, будто сама себе, голосом глуховатым и мягким. И всё-таки главным для Тани в матери было то, чего другие, кажется, не замечали. Главным было то, что была её мама удивительно молодой. Будто и не мамой совсем, а старшей подружкой. Должно быть, поэтому Таня и звала её «мамусей», сложив это имя из двух слов: «мамы» и «Муси».

Добрые, мягкие руки обняли девочку, смеющиеся, тёмные в сумерках глаза приблизились, залучились совсем рядом, и Тане стало вдруг так радостно, что нежданно захотелось плакать. Но что это? От маминых волос пахнуло на Таню чужим. То был запах табака, горький запах. Так пахло в доме всегда после ухода дяди Гриши. И дом сразу становился чужим. Дом - это и стены, и вещи, и мама, и сама Таня. Дом - это то, что очень легко разрушить и очень трудно сложить, - Таня помнила это ещё с тех лет, когда с помощью отца часами складывала из кубиков настоящие дворцы. Складывать трудно, а повела рукой - и нет ничего.

Таня всхлипнула и отодвинулась от матери.
- Что же ты, глупенькая? Радоваться надо. Вот ты и шестиклассница.
- Я и начала было радоваться, - сказала Таня. - А теперь не радуюсь.
- Почему это? - спросила мать, пытливо вглядываясь в приготовившееся к слезам лицо дочери. И первая же отвела глаза. - Ладно, садись ешь. Где пропадала весь день?
- Училась рисовать. Я буду художницей.
Мать испуганно вгляделась в лицо дочери:
- Кем?

- Художницей. Меня наш сосед Черепанов взялся учить.

- И не думай! Что ещё за выдумки? Нашла учителя!

- Мамуся, купи мне кисточки, - сказала дочь, - и краски. Только не игрушечные, а настоящие, в тубиках. Купишь?

- Что ещё за выдумки? - повторила мать, странно тревожно зазвучавшим голосом. - Танька, пожалуйста, не мудри.

- Я не мудрю, - упрямо наклонила голову Таня. - Это ты мудришь. Ты почему в нарядном платье - разве сегодня воскресенье? И почему он тут курит всегда? Я его не люблю. Слышишь?

Вот Таня и проговорила вслух то, что давно уже жило в ней и давно уже мешало, тяжело мешало её дружбе с матерью. Отчего вдруг сегодня решила Таня на это? Ведь сказать о взрослом добром и внимательном к тебе человеке «я его не люблю» совсем не просто. И вот решила. Не оттого ли, что все нынче у Тани вдруг? Весь день вспыхивает в ней это «вдруг», оборачиваясь то солнечным лучиком в сером небе, то правдой, подсказанной ширеглянувшими на мир глазами, то самой себе диковинно весомым словом, то вот точно изнутри вытолкнутым «я его не люблю».

Мать долго, удивлённо разглядывала дочь. Потом непривычным Тане тихим, усталым голосом сказала:

- Оставь меня и не смей меня ни о чем спрашивать. Ты ещё мала. Садись и ешь. Сил моих больше нет от твоих причуд да капризов.

Это было явной несправедливостью.

Таня была хорошей дочкой, совсем не капризной. Таня умела целыми днями обходиться без матери. Сама и обед готовила, и дом прибирала - мама же первая об этом всем рассказывает: «Танька у меня самостоятельная». За что же теперь так?..

Запрокинув голову, Таня глубоко заглянула в синие мамины глаза и огорчилась ещё больше. Мамины глаза показались ей холодными, скрытными.

- Бабушка на меня и за дело никогда не кричала, а ты вот кричишь, хотя сама знаешь, что я права.

- Разве я кричу?

- Голосом, может, и не кричишь, но я всё равно вижу, что ты на меня кричишь.

- Нет, доченька, не кричу.

- Ну, сердисься.

Мать отошла от Тани, присела на диван у окна, невидящими глазами посмотрела за окно на улицу:

- Нет, доченька, не сержусь.

В прошлом году у Тани умерла бабушка, мамина мама. Она и не болела вовсе. В самый день смерти ещё ходила по Дому, готовила обед, как всегда вслух объявляя кастрюлям и сковородкам, что она с ними собирается делать: «А вот я вас сейчас на огонёк... А вот и будет с вас...»

И только отчего-то все останавливалась и, присев к столу, грустно и пристально смотрела на Таню.

А Таня ничего не понимала и не чувствовала. Она сидела за обеденным столом лицом к печке и делала уроки. Задача, которую она решала, не давалась ей. Да Таня и не очень билась над задачей. Она смотрела в глубокое печное нутро, где дотлевали, собранные в горку, сине-желто-красные угольки. Удивительно интересно было смотреть на них. Угольки всё время менялись, тускнея и вспыхивая, точно кто оттирал их до блеска, а кто-то другой, наоборот, закидывал золой. Глазам было жарко и как-то сонно. И почти как во сне чудились Тане неясные картины: вспыхнет уголёк - одна, угаснет - другая.

Помнится, бабушка всё время отвлекала Таню странными и непонятными речами:

«Вот помру, и некому будет за тобой присмотреть», - говорила она.

«Вот ещё!» - сонно возражала Таня, не придавая значения словам бабушки. С чего бы это ей помирать?!

«Мать у тебя всё в бегах, всё в бегах - и часа дома не посидит».

«Она ведь у нас теперь судья, сама знаешь, - досадливо бормотала Таня, вот-вот было разглядевшая над угольками туманную картину. Бабушка опять её спугнула. - Не мешай, пожалуйста, мне решать задачу».

«Отца-молодца и след простыл, - пообождав немного, снова заговорила бабушка. - Как ты без меня будешь - ума не приложу».

Снова помеха. То вот вырос над углями целый большой город с вечерними мерцающими огнями, с извилистой тёмной рекой, а то и нет ничего. Кучка дотлевающих углей - и только.

«Бабушка, не мешай же мне решать задачу!»

«Не буду, не буду, Танюша. Много ещё этих задач у тебя будет в жизни. Ох, как много...»

А часом позже она умерла. Вдруг села на кровать, неловко привалилась плечом к стене и закрыла глаза. Заснула? Нет. Уж больно тихо стало в комнате.

Всю Танину жизнь бабушка дышала где-то совсем рядом, и где-то совсем рядом слышался её голос. А тут всё стихло, оборвалось.

Такого одиночества Таня не смогла выдержать. Она вскрикнула и выбежала на улицу.

Пришли соседи, кто-то сбегал за матерью.

На другой день бабушку хоронили. Тане запомнился этот день, зимний, снежный, чуть-чуть уже пахнувший весной. Никогда прежде не бывала Таня на кладбище зимой. Летом - другое дело: летом она частенько забегала сюда с ребятами. Здесь было интересно, было много цветов и росли самые большие в городе берёзы. И летом здесь было обыкновенно - много людей, иногда играла музыка. Как в городском парке. Но зимой, в этот снежный, безморозный день, всё здесь показалось Тане необычным. Могилы почти скрылись под снегом, кресты на них были как домики под снежной шапкой, как избушки на курьих ножках из сказок. И узенькие тропинки едва виднелись между деревьями, странно вдруг обрываясь у какого-нибудь снежного бугра. Берёзы за снегом не белели, а чернели. И было так тихо и так грустно, что звонким казался снежный скрип под ногами и больно было вслушиваться в собственный голос. Наверное, поэтому, все, кто провожал бабушку, почти не разговаривали между собой, а если говорили, то шёпотом.

К могиле шли гуськом, оскальзываясь, забредая по колени в снег. И каждый шёл, как за белым забором, отгороженный от других косо падающими крупными снежинками. Белое и чёрное, тихое и звонкое, глубокая зима и запах весны - вот что осталось у Тани от этого дня.

То, что бабушки нет больше и никогда не будет, Таня поняла не сразу и не на кладбище, а когда вернулась домой. Перед глазами всё ещё падал снег, стояли чёрные берёзы. И вдруг, как вспыхнувший огонь, увиделась ярко-рыжая в отвале земля у открытой могилы. И жёлтый гроб, и бумажные блёклые цветы, и бабушкино лицо, но не живое, каким знала его Таня всю свою жизнь, а застывшее и бледное.

- Прощай, бабушка, - сказала Таня, войдя в дом, и заплакала.

И вот она осталась одна с матерью. Отец уже три года был в отъезде. Он работал в Москве, он был архитектором. Таня никак не могла понять, отчего отец всё не ехал к ним и не ехал. Она соглашалась, что проектировать дома - дело не шуточное, но ведь месяц-то в году полагается людям отдыхать. Взял бы в этот месяц да и приехал. Мама объясняла - отец работает без отпуска. Проектировать дома сейчас нужно очень спешно: их ведь сейчас строят превеликое множество. Да, это так. Таня не пропускала ни одной заметки в газетах, где писалось о строительстве новых домов, она пять раз ходила на документальный фильм, рассказывающий, как создаётся в Москве огромный жилой район с морским каким-то названием - Юго-Запад. И дома в этой совсем новой Москве были точно океанские корабли - громадные и лёгкие. Они будто плыли по своим широким улицам,

уходившим до горизонта. Сердце замирало от удивления и гордости, когда возникали на экране эти дома-великаны, такие светлые, добрые, ясноглазые. И один, уж хотя бы один из этих домов, построен по проекту её отца. В нём поселились сейчас сотни семейств. И все они счастливы. Да, конечно, быть архитектором - дело не шуточное. И, пожалуй, пожалуй, архитекторы иногда и вовсе не берут себе отпусков. Может быть, так оно и есть, так оно и нужно, но... но всё же хоть на недель-ку-то отец мог бы приехать. А если не он к ним, то они к нему. Отчего они-то к нему не едут в мамин отпуск? Мать объясняла и это. Ведь дочь же знает, что быть судьёй - дело тоже не шуточное. А её избрали совсем недавно, она ещё и опыта настоящего не имеет. «Подумай-ка, легко ли судить людей? Понимаешь - судить? Тут уж не до отдыха - надо учиться всякий свободный час, надо столько всего узнать, доченька, столько всего...»

Таня понимала, конечно, - судьёй быть не легко. Но всё же, всё же, на недельку взяли бы да поехали...

«Нельзя», - отвечала мать тихо и печально и вся угасала, как вот сейчас, у окна.

Так они и жили одни - дочь да мать. После смерти бабушки Таня научилась сама растапливать печь, сама разогревала себе обед, если не было матери, сама прибиралась в комнатах. И даже сама с собой вслух разговаривать научилась, когда управлялась с кастрюлями и сковородками: «А вот я вас сейчас на огонёк... А вот и будет с вас...»

Хоть и редко, но отец всё же писал. Таню огорчало, что его письма были всегда очень короткими и почти об одном и том же. Здоров... Много работаю... Здорова ли дочь?.. Как учится?.. Вот и всё. Иногда от него приходили денежные переводы. Таня радовалась им. Она знала, все деньги, которые присылал отец, мать до копейки истратит на неё, на Таню, и станет покупать не какие-нибудь скучные нужные вещи, а что-то совсем неожиданное, что только Таня не попросит. Один раз купила фигурные коньки с белыми ботинками, потом огромную готовальню, совсем такую, какая была у отца, потом фотоаппарат «Киев» - очень дорогой и сложный. На фигурных коньках Таня не каталась - ей больше подходили её старенькие снегурки, готовальня ей была без надобности, фотоаппарат слишком уж был сложен. И всё же это были любимые Танины вещи, на которые почему-то было всегда грустно смотреть, хотя они были совсем новые и красивые. В них жила какая-то тайна, в этих вещах, тайна, связанная с отцом, и с тем, что он так долго не едет домой, так редко и коротко пишет им, и с тем, что деньги, которые он присылает, мать всегда тратит на подарки Тане.

Смутная тревога, как до поры притаившаяся боль, давно уже жила в Тане. Она разгоралась всякий раз, когда в доме появлялся дядя Гриша - старый мамин друг. Он был другом и отца. Они все были друзьями ещё со школьных лет. Таня хорошо помнила, как они вспоминали втроём, когда ещё жил дома отец, свои школьные годы. И кто как напроказничал, и кто что смешное сказал - в те давние-предавние времена. Ничего особенного смешного в этих воспоминаниях Таня не находила, но мать, и отец, и дядя Гриша, что бы им ни вспомнилось, тотчас принимались хохотать и так молодели и добрили лицами, что и Таня невольно улыбалась. Смешной народ эти взрослые: вспомнят, как провалился кто-то из них на экзаменах, и смеются. И громче всех дядя Гриша. Таня тогда очень любила его, всегда радовалась, когда он приходил к ним - рыжий, весёлый, громкоголосый. А теперь не радуется. Теперь, когда он приходит, Таня спешит придумать какую-нибудь причину, чтобы уйти из дома. Да и дядя Гриша не удерживает её, и вовсе не такой он теперь весёлый, как прежде. Всё больше молчит. Курит и молчит.

При нём и мать на себя не похожа. То слишком уж весела, а то вдруг загрустит, забьётся в уголок, как вот сейчас, и тоже молчит весь вечер, глядя за окно на дорогу.

- О чём ты, мама? - Таня подошла к матери, присела подле неё на валик дивана, пристально глянула туда же, куда и мать, - на укрытую сумерками дорогу.

Она показалась ей синей, как речка холодным утром, и незнакомой, таинственной, точно это была не та самая дорога, по которой всю свою жизнь бегала Таня, а какая-то совсем новая, нехоженая.

- Странно! - проговорила вслух Таня.

- Что ж тут странного? - сказала мать. - Вот вспомнилась бабушка, подумалось, что одни мы теперь с тобой...

- А я не о бабушке подумала, - сказала Таня. - Я про дорогу. Смотри, какая она незнакомая. И синяя какая. Как река, верно? И кажется, если пойти этой дорогой, то попадёшь не в наш город, а в какой-нибудь совсем незнакомый. В нём будут высокие дома - лёгкие и белые, как океанские корабли. Я даже знаю, как этот город называется. Сказать?

- Скажи.

- Юго-Запад. Мамуся, возьми на недельку отпуск, поедem к папе!

- Нельзя...

- Прошу тебя, ну прошу тебя!

- Нельзя, дочка. Да, о чём ты меня просила - краски тебе купить?

- Да, краски.

- Настоящие?

- Настоящие.

- Хорошо, завтра же пойдём с тобой в магазин и купим. А теперь мне идти пора. Не скучай, займись чем-нибудь.

Мать быстро поднялась, торопливо прикоснулась губами к щеке дочери, распрямилась, замерла на миг, точно заколебавшись, не решаясь сделать первый шаг, и порывисто шагнула к двери.

С порога обернулась;

- Только вот не нравится мне этот твой учитель. Скверный старик.

- А ты его и не знаешь совсем! - сказала Таня, отчего-то вдруг страшно рассердившись на мать.

- Встречались...

Мать переступила порог и притворила за собою дверь.

- Ну и что же?! Ну и что же?! Ну и что же, что встречались?! - крикнула ей вслед Таня и тихонько позвала: - Мама, вернись...

Подождала, вытянувшись, не откроется ли дверь, потом обернулась к окну и жадно глянула на дорог}'.

По синей, синей в сумерках дороге, странно высокая на тоненьких каблуках, странно переменявшаяся в лунном свете, будто продрогшая вся, шла мать. Торопливо и робко, торопливо и робко. Вот-вот оглянется, вот-вот поворотит назад. Но нет, не оглянулась даже.

- Дорога, дорога, - горестно шепнула девочка. - Куда ты?..

Уже и лето, и жара пришла, и тянет на речку, к ребятам, и множество ещё надо переделать дел, а Тане всё недосуг. Тенью бродит она за Черепановым, и не устаёт удивляться ему, удивляться чуду, которое творит он своими кисточками на полотне, и не устаёт мысленно спорить со стариком. Так, почти совсем так, а всё-таки что-то не получилось.

С Черепановым было трудно. Резок на слово, нетерпелив, насмешлив. Никто никогда так с Таней не разговаривал: «Держи! Неси! Жди!» А то и хуже: «Девчонка! Бестолочь! Увалень!» Какой же она «увалень»? И если бы не его умение творить из красок совсем похожий на правду мир, будто брал он на кончики кисточек крохотные волокна самой жизни и клал их потом - одно к одному - на холст, если бы не это волшебство, каким владел он, Таня ни за что бы на свете не стала дружить с ним. Дружил ли с ней Черепанов, она не знала. А она, конечно, дружила. Раз целыми днями все с ним да с ним - значит, дружит.

Была и ещё одна причина, которая удерживала Таню возле Черепанова. Старик умел рассказывать. Он знал такое, о чём Таня никогда и не слышала, хотя порой совсем рядом с этим неведомым шла её жизнь. Рассказывая, Черепанов всегда обращался к Тане как к равной, наперёд полагая, что она всё поймёт из того, что он говорит. Таня была благодарна ему за это. Она ненавидела сюсюкающий тон, каким разговаривали с ней иные взрослые, думая, что она ещё ребёнок, совсем несмышлёныш. А ведь она понимала, она всё понимала. Иногда она просто не решалась сказать об этом - о том, что всё понимает, боялась обидеть человека, который говорил с ней. Ей вдруг становилось жаль этого человека с его взрослой слепотой и простоватостью. И она покорно кивала головой и послушно и кротко соглашалась со всем, что ей говорили, не умея только в эти минуты прямо смотреть в глаза собеседнику.

То, что Черепанов говорил с Таней как с равной, очень нравилось ей. Но её пугала неизменная раздражённость, с которой вёл свои беседы старик. И мрачнел солнечный мир вокруг Тани, лукавыми и недобрыми становились люди, даже те, что всегда казались ей славными и открытыми. Будто бы и умно говорил старик, и занятно, и зорко, а всё-таки, всё-таки до конца его словам не верилось. Слушая его, Таня и соглашалась и не соглашалась с ним, как соглашалась и не соглашалась с тем, что изображал он на своих картинах. Но ей не всегда хватало решимости сказать ему об

этом. Она уже убедилась, что Черепанов не терпел возражений. Того и гляди, если начнёшь с ним спорить, рассердится и прогонит. А Тане теперь было бы очень трудно расстаться с Черепановым, с его наукой, с его рассказами и с его холстами и красками, с помощью которых, что там ни говори, он всё же умел творить чудеса. Вот и приходилось ей учиться терпеть да помалкивать, не ведая того, что это тоже наука - терпеть да помалкивать, - и наука не из малых.

В солнечные утра, какое выдалось и сегодня, Черепанов отправлялся, по обыкновению, писать этюды в недалёкий лес. Но он никогда заранее не предупреждал Таню о своих планах. Приходилось подолгу караулить минуту, когда старик выйдет из дома, чтобы потом, как бы невзначай, выбежать ему навстречу.

- Дмитрий Иванович, можно я с вами?

Старик не отказывал. И Таня уже знала: если он лишь молча кивал на её просьбу, значит, не в духе и с ним лучше помалкивать. Если же коротко отвечал или даже здоровался, чуть прищурив глаза, что заменяло ему улыбку, стало быть, настроение у него хорошее и он, пожалуй, ей нынче что-нибудь преподаст.

Сегодня старик был явно в духе.

- Здравствуй, здравствуй, Татьяна Николаевна, - поприветствовал он Таню хрипловатым, прокуренным голосом и даже чуть-чуть покривил в улыбке сухие губы, полагая, что просиял во всё лицо.

- Здравствуйте, Дмитрий Иванович! - обрадованно воскликнула Таня, усмотрев в кратком приветствии старика столько всего для себя хорошего, обещающего, что так и засветилась счастьем. - Значит, в лес?

- Туда.

- На этюды?

- Как сладится.

- Маслом будем или акварелью?

- Мы-то? - в блекловатых, зорко-твёрдых глазах старика искоркой пробежала усмешка.

Таня смутилась:

- Не я, конечно, а вы, Дмитрий Иванович.

- Поглядим. Натура подскажет. Ну, двинулись.

Путь в лес шёл мимо Торговой площади, через единственный в городе мост на Заречную лесную сторону.

Возле самого моста, на высоком холме, стояло приземистое кирпичное здание, с окнами-бойницами, с могучими стенами и крепостными башнями

по углам. Глубокой стариной веяло от этого строения с закаменелыми в кладке кирпичами. Некогда в этом доме-крепости жил воевода, Несколько столетий назад. Сто лет - сколько это? Сколько это, если тебе всего тринадцатый год? Прикрыв ладонью глаза, Таня попыталась представить дом воеводы в те сказочно далёкие дни, когда там жили люди в кольчугах и шлемах, когда по стенам ходили копьеносцы, а у дверей стояли часовые с алебардами. О чём думали тогда люди, о чём мечтали? Много раз бывала Таня в доме воеводы. Теперь там был городской музей. И Таня почти наизусть знала каждую надпись в этом музее под каждым экспонатом. Их не так-то уж было и много. Старинная утварь, очень бедная. Неужели люди когда-то ели из этих кривобоких чашек, пили из этих тёмных узкогорлых кувшинов? Неужели из года в год, из века в век такой тяжкой была их жизнь? Всё давалось им ценой невероятных усилий. Мир вокруг был враждебен и суров.

В музее повсюду были развешаны печатные предупреждения: «Экспонаты руками не трогать!» Но Таня всё же трогала. Иначе она не могла до конца понять и до конца ощутить странное - и горькое и радостное сразу - чувство, которое охватывало её уже на пороге дома воеводы. Такое странное чувство, будто она входит к живым людям, она - одна из них, и вот сейчас кто-то окликнет её громким, властным голосом и что-то велит ей делать, что-то самое простое, что делается тут каждый день. И Таня готова, все силы её души напряжены, сердце замирает от радости и страха. Она готова. Она только боится, что ей не совладать даже с самым малым делом, которое велит ей сделать. Она ничего не умеет, у неё очень мало сил. А здесь вокруг ходят сильные люди, статные и суровые, в негнущихся одеждах, с голубыми, как небо родное, глазами. Родные люди...

Это отец научил Таню ходить по музею не как по музею, а словно в своём собственном доме. Только в давнишнем, в давнишнем. Он умел так. Он делался тихим, сосредоточенным, со стороны даже смешным, будто глухим и слепым, если не догадаться, что он теперь где-то очень далеко. Иногда только вдруг взглядывал он на дочь, тоже будто издалека, и проговаривал одно какое-нибудь слово, тоже будто издалека. Необычное какое-нибудь слово, протяжное и звонкое. Наверное, одно из тех, что звучали здесь тогда, в те давние времена. Жаль, Таня забыла эти отцовы слова. Мала была да и не думала, что отец вскоре так надолго уедет. Потому и не берегла эти слова, не запомнила, помня лишь их звонкий и протяжный звук.

Отец, отец, где ты теперь?.. Вот и ты тоже далеко-далеко. Вот и тебя

тоже надо вспоминать, прикрыв ладонью глаза.

Хорошо ли так? Зачем же так?..

- Ты это о чём задумалась? - заглянув в Танины печальные глаза, ворчливо спросил Черепанов. - Идёшь на этюды - поглядывай, а не жмурься. Шире, шире мир глазами хватай и слушай, жадно до всего прислушивайся.

- Я и смотрю, я и слушаю, - печально проговорила Таня.

- Что-то не похоже, - сказал старик. - Грустишь. Какие такие в твои годы могут быть печали?

Таня собралась было ответить, собралась было рассказать старику, что вспомнилось ей, как ходила она в крепость-музей с отцом, а вот теперь он уехал, и нет его и год, и другой, и третий, но Черепанов равнодушно отвернулся от неё и пошёл вперёд ещё быстрее, будто побежал от её слов. Ему не интересно было её слушать. Так всегда: сам говорит, а её не слушает, а если и слушает, то нетерпеливо и вдруг прервёт какой-нибудь фразой вроде этой вот: «Какие такие в твои годы могут быть печали?»

«А вот и могут! - горько подумалось Тане. - Ничего-то ты, дед, не понимаешь!»

Она всерьёз обиделась на него и понурилась, готовая, скажи он ей ещё хоть одно обидное слово, повернуться и пойти прочь.

Но Черепанов такого слова не сказал. Догадался, что и так не на шутку её обидел. И решил мириться. На свой лад, конечно: не стал просить у неё прощения, не протянул ей руку и не улыбнулся даже, а просто заговорил своим глуховато-скрипучим голосом, начав один из своих рассказов, за которые Таня многое ему прощала.

Вот прошли они дом воеводы и идут мимо церкви, и Таня знает, что она очень старая. И даже как её отстраивали после пожара, обложив налогом всех жителей города, и про это знает. А вот то, что в церкви этой во время революции шёл бой, про это она не знала. Да, был бой. Белые засели в алтаре и отстреливались из пулемёта. А красный партизан Чижов, отец её большого друга Саши Чижова - отец его теперь уже умер, - схватил гранату и бросился к алтарю: «Сдавайтесь, гады!» Ну, белые и сдались.

Таня видела фотографию Чижова, Сашиного отца, на стене в музее. Совсем молоденький, только немного постарше Саши. Так вот он какой был, оказывается, Сашин отец. А он бы, Саша, такое мог? Спроси его, так скажет, что мог бы. А на самом деле? Как проверить? Белых теперь нет, в церкви давно, сколько Таня себя помнит, помещается какой-то склад и пимокатная мастерская и ещё фотоателье Как проверить?

Таня думала, что всё знает о церкви - стоит и стоит, старая и старая, и

вот ещё валенки в ней катают, и вот ещё снимают на карточки, и всегда, когда идёшь мимо, пахнет от неё солёными огурцами и прелой картошкой. Но Черепанов взял да и рассказал ей то, чего она никогда не слышала. Оказывается, в церкви-то был бой. И Сашин отец, совсем тогда почти такой же, как Саша теперь, кинулся на белых с гранатой: «Сдавайтесь, гады!»

А старик всё продолжал рассказывать. Оказывается, церковь эта сестра-близнец московской, что недавно ещё стояла в Москве у Красных ворот - есть там такая площадь. Ключевские-то градоправители в те поры, когда церковь строилась, не шутя решили потягаться с Первопрестольной. Как там, мол, так и у нас. И церковь такая, как в Москве, и вот летний собор, что стоит на холме, единственный в городе, где ещё молятся, тоже такой, как в столице. Черепанов сам видел в Москве совсем такой же.

Тут старик хитро прищурился и даже приостановился, чтобы подбить итог своему рассказу:

- Да и дешевле оно по готовому-то проекту строить. Отцы города в старину копеечку считать умели. Не то что нынешние...

- А что такое отцы города? - спросила Таня.

- Не знаешь? - усмехнулся старик, снова пускаясь в путь. - Да вот взять хотя бы твоего собственного папашу. Как же, городской архитектор!

- Бывший, ведь он уехал, - сказала Таня.

- Ну вот и отец, стало быть, бывший.

Тане почудилось, что последние слова старик проговорил как-то не просто, будто прихмыкнул. Она быстро наклонилась и заглянула ему в лицо. Нет, не улыбается, но пот глаза всё же отвёл - что-то вдруг заметил под ногами и упёрся глазами в землю. А потом тихо так, миролюбиво, заговорил дальше:

- А вот его дружок закадычный, уважаемый наш Григорий Петрович, тот и ныне в отцах.

И опять Тане почудилось, что в словах старика прозвучал тихонько смешок. И опять глянула она в его лицо. Нет, старик не улыбался, и в глазах его, которые он теперь не стал прятать, тоже ничего такого подозрительного Таня не заметила.

- Это потому что дядя Гриша секретарь райкома? - спросила Таня. - Потому он и отец?

- Потому, потому.

- Но ведь он - второй секретарь.

- Стало быть, и отец второй.

Тане не захотелось больше заглядывать в стариковское лицо. Всё равно он такой хитрый, этот старик, что его врасплох не застанешь.

- А мама? Кто же тогда моя мама? - спросила она, вдруг почему-то вспомнив, как очень давно, теперь уже очень давно, когда ещё отец жил здесь, а не строил свои дома в Москве, сидели они все трое, мама, отец и милый, весёлый, рыжий дядя Гриша - тогда она его очень любила, - у них в доме за столом и громко, перебивая друг друга, спорили. О чём спорили, Таня уже забыла. Помнилось только, что голоса у них были весёлые и что отец часто смеялся в тот вечер. По-своему, негромко, больше глазами, чем голосом.

- Да и мама твоя - тоже отец, - услышала Таня теперь уже с явной ехидцей произнесённые Черепановым слова.

Она и забыла про него. Вспомнившееся так живо встало перед глазами, что даже будто ожило в звуках. И вот вдруг скрипучий, усмешливый голос старика:

- Как же, судья! В прежние времена мировой судья в большой силе был. Назначался из самых уважаемых, из самых почтенных. А вот теперь...

Таня быстро повернулась и вот наконец встретилась глазами с глазами старика. Ей показалось, что в глазах у него двигались, плыли куда-то маленькие колючие льдинки.

- Что ж, правду сказать, властная женщина... - услышала она незнакомо отрывистый голос Черепанова.

Это он так говорил про её маму!

- Она справедливая! - сказала Таня, гневно вскинув голову. - Все говорят, она справедливая...

- Знаю, встречались!..

Старик внезапно остановился и стал раскладывать мольберт, далеко ещё не дойдя до леса, куда держал в этот день с Таней путь.

- Попишу-ка я речку, не тянет меня что-то сегодня в лес. Видишь? - И он указал девочке изогнувшуюся вдали и много ниже того места, где они стояли, неширокую ленту реки. - Видишь, как она тут петляет? Коварная, с норовом. То вот такая вот, то вдруг прямиться начнёт. Лет тридцать назад так разлилась, что всю Заречную залила. А помню, был год, чуть вовсе не высохла. Коварная, с норовом, - повторил он.

- Я не согласна! - сказала Таня, сама себе изумившись: так запальчиво прозвучали её слова. - И вовсе она не коварная! Это вы так на неё смотрите. А она весёлая, вся в ключах. Ведь недаром же её Ключевкой зовут. Вода в ней прозрачная, как в роднике, и дно всё до единого камушка видать. И мою маму вы не смеете бранить - мою маму все любят!

- Вон оно что! - усмехнулся Черепанов. - Обиделась! Да я разве её бранил? Наслышан да и встречались, а бранить не бранил.

- Я по глазам догадалась, - сказала Таня.

- По глазам? Ишь ты! Не рано ли? Ну, хватит болтать - солнце нас с тобой дожидаться не станет.

Долго не заговаривал Черепанов со своей ученицей, вычерчивая углём на холсте речные изгибы. И, только когда кончил набросок и, отойдя, начал, прищурившись, рассматривать сделанное, он вдруг обернулся к Тане и резко проговорил:

- Бери краски, пиши.

- Мне?! - встrepенулась и замерла девочка.

- Тебе, тебе.

Старик достал из ящика с красками самодельную - просто кусок фанеры с дыркой для пальца - палитру и протянул её Тане.

Она же, выбросив вперёд обе руки, приняла эту испятнанную, бугристую от засохшей краски фанеру, как принимают великий дар - хлеб с солью на рушнике.

- Действуй, - кивнул Черепанов на ящик с красками. - Добывай тут свои прозрачные ключи.

И отошёл, уселся на пенёк, нарочно отвернувшись от Тани и мольберта, закурил, отчего-то злой и пасмурный больше обычного.

Таня, склонившись над ящиком, разгоревшимися глазами разглядывала тюбики с красками - цветастых уродцев, пузатых и тощих, совсем как крошечные человечки.

У иных уже не было сил, они были плоские, выжатые, с уроненными на грудь головками. Иные же наполнились живыми соками. А были и такие, что ещё и вовсе не работали, не растратили ни капельки своих сил.

Эти были чистые, сытые, самодовольные. Но Тане больше нравились тюбики со следами жизни. Краска сверкала на них и в них как кровь - синяя, зелёная, красная. И всё это, вся эта цветастая и будто даже гомонливая толпа смешных человечков была сейчас отдана Тане. Владей! Командуй! Бери в руки и выпускай на волю их живую, сверкающую на

солнце силу!

Отгороженные от тюбиков с красками, чинно лежали кисточки, кисти, какие-то скребки и лопаточки. Это были Танины солдатики - усатые, бравые, в удивительно пёстрых, красивых мундирах. Один такой солдатик откатился к стенке и сам будто сунулся Тане в пальцы. Таня сжала его, высоко подняла над головой и, как это делал Черепанов, глянула поверх мольберта на реку, туда, где жил мир, который надо было ей перенести на холст.

Работа началась.

До этого дня Таня не писала маслом. Черепанов и близко не подпускал её к краскам.

«Рисуй! Карандашиком, угольком, хоть пальцем, но рисуй. Объём, пропорция, линия - набивай руку. Ясно?»

«Ясно», - кивала Таня и набивала руку с утра до позднего вечера - карандашом на бумаге, углём и мелом на стенах, пальцем на отпотевших оконных стёклах.

Черепанов никогда не хвалил её, хотя Тане иногда казалось, что у неё получается. Зато высмеивал Черепанов её охотно и часто. Вот тогда-то и звучали его: «Девчонка! Бестолочь! Увалень!» Куда уж там думать о работе маслом! И вдруг: «Бери краски, пиши».

Чудной старик!..

Там, внизу, бежала, изгибаясь, неширокая Ключевка. Коварная? Нет! Весёлая - вот это верней. Будто всё ей нипочём. Молодая, вот-вот рассмеётся, брызнув во все стороны бурливыми ключами. Как написать её такую? Какие краски нужны для этого? Таня беспомощно оглянулась на Черепанова. Старик по-прежнему сидел к ней спиной.

«Нарочно! - подумала Таня. - Чтобы потом высмеять!»

Она с надеждой перевела взгляд на ящик с красками. «Миленькие, помогите!» Но что это? Минутой назад все краски казались ей и яркими, и весёлыми, и добрыми, а сейчас они все разом потускнели или нет, не потускнели, а словно даже похолодели, отвернулись от Тани.

Тогда она посмотрела на холст. Река на нём уже была прочерчена твёрдыми - Дмитрий Иванович водил углём твёрдо, кроша его, - угловатыми линиями. Точно ли сделал это Черепанов? Тане показалось, что не точно. Ну конечно же, не точно. У Дмитрия Ивановича получилось совсем похоже и всё-таки не так, как на самом деле. На холсте река ломала свои берега, а там, внизу, где была сама река, берега будто текли за ней следом, плавные в своих изгибах.

Таня положила кисточку и схватила кусок угля.

- Вот так, вот так! - шептали её губы, а рука с углём легонько касалась черепановских линий, мягко их округляя. - Вот так, вот так! И вовсе ты не коварная и не злая. Ты весёлая, ты ловкая, как моя мама...

Таня оглянулась. За спиной стоял Черепанов. Самодельная папироска дымила в плотно сжатых губах, заволакивая дымом колючий взгляд. Если бы Таня не была уверена в своей правоте, она бы испугалась этого взгляда. Но она была уверена и не испугалась.

- Что ж, пусть так, - не вынимая папироски, процедил Черепанов. - Ну, а краски?

- А краски... - Таня с сожалением взглянула на ящик. Дивное дело - краски снова обрели свою яркость, потеплели. - А с красками мне ещё не управиться, - сказала Таня. - Я их ещё не знаю...

- То-то, - удовлетворённо кивнул Черепанов. - А берёшься судить.

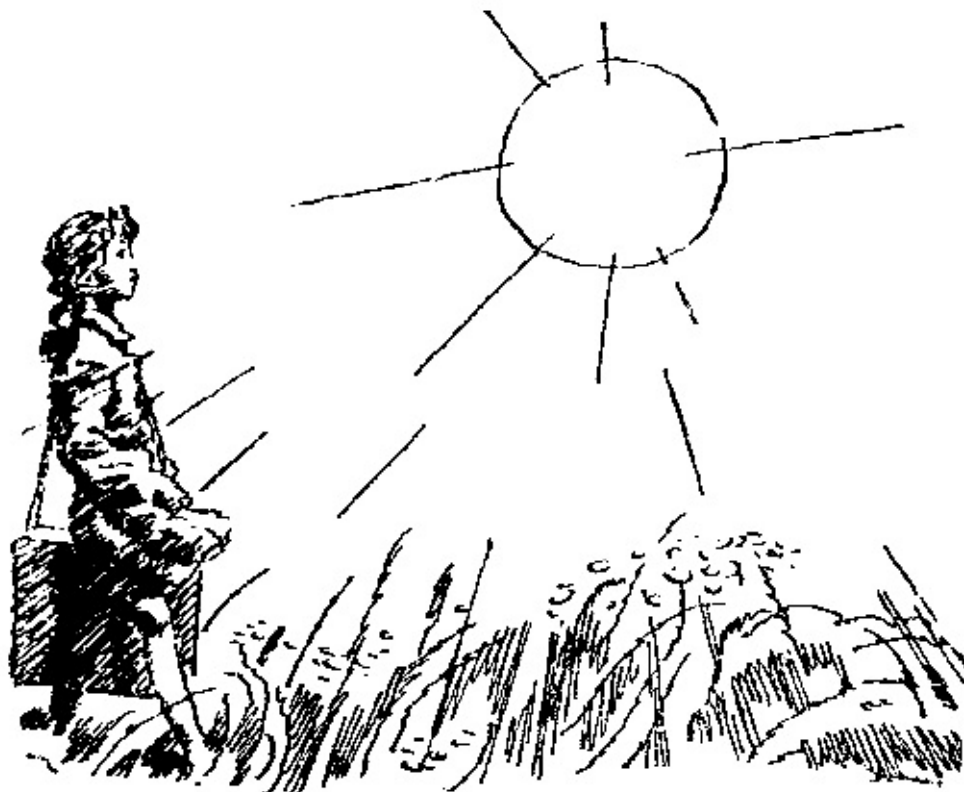
Он не спеша сложил мольберт, закрыл ящик, кряхтя закинул мольберт на плечо, а ящик отдал Тане:

- Пошли.

Молча двинулись они назад, к городу. Но теперь уже другой дорогой, которая повела их сначала в сторону от реки, а потом круто покатила вниз, к самому берегу. И что ни шаг - река менялась. Теперь Таня на память знала норовистый ход её берегов от той вон колокольни до синеющего вдали леса: она сама прочертила на холсте каждую речную извилину. И всё же что ни шаг - река открывалась ей совсем по-новому. А когда спустились к берегу, Таня не узнала ни мостков для полоскания белья, ни пологого песчаного пляжа, ни давным-давно валявшихся здесь старых лодок. Всё не так, всё по-новому представилось глазам девочки. Наверное, оттого, что никогда прежде не думала она о реке, как о чём-то живом, как подумала, когда рисовала её берега. Весёлая? Молодая? Разве можно так думать о реке - ведь это всего-навсего вода, холодная, прозрачная, обыкновенная? Оказывается, можно. И, хотя только малая часть реки была видна Тане, она сумела сейчас заглянуть и туда, в глубь далёкого синего леса, и туда, где разлилась широкая Кама, в которую несла свои прозрачные воды Ключевка. А дальше была Волга, а ещё дальше начиналось море - Танина Волга и Танино море, сказочно прекрасные края, какие только могла она вообразить. Вот почему совсем по-новому смотрела Таня на свой маленький здешний мир. Он был лишь частицей огромного мира, который вдруг открылся ей. Многоцветный, пронизанный солнцем мир. Увидеть его собственными глазами, побывать всюду вот с этим ящиком, который несла Таня, научиться владеть всеми его сокровищами - красками, - как вдруг захватила девочку эта мысль!

Смешными, крошечными показались ей её недавние мечты, недавние радости.

Возле лодок Таня увидела своих школьных друзей. Кто смолил и конопатил старые днища, кто просто прыгал с лодки на лодку, раскачивал их, воображая, должно быть, морскую бурю. В воде никого - холодно. В бурлящей ключами речке можно было купаться только в очень жаркие дни. Сегодня же часто налетал ветер, заволакивая солнце тучами. И всё же Танины друзья и сегодня были здесь. На реке хорошо в любую погоду. С Камы сюда залетают чайки. А Саша Чижев говорит, что прилетают они с самого Каспийского моря. Раньше Таня считала, что он выдумывает. Кто знает, может быть, и не выдумывает. Саша тоже был сейчас здесь. Вон стоит: белая рубаха, как парус, и руками размахивает - Вот-вот улетит. Кому он машет? Издали донёлся звонкий и озорной, будто подхваченный ветром голос:

- Эй, художница, покрась байдарку!

Таня остановилась, готовая броситься на зов, но её удержал осуждающий взгляд Черепанова.

- Ящик давай, - отрывисто сказал он, протянув руку. - А то, чего доброго, начнёшь этими красками байдарку малевать. Художница!

Таня поспешно наклонилась и поставила у ног старика ящик.

- Завтра-то отправимся? - спросил Черепанов.

Таня молчала, не зная, что ответить. Уж очень ей было с ним трудно. А

там, где были ребята, где её ждали, там ей всегда было легко и радостно. И потом, Черепанов не смел подшучивать над ней, обзывать её всякими обидными словами. И он не смел плохо думать о её маме!

Налетел, закружив песок, ветер и донёс до Тани сочившийся из ящичка с красками живой, маслянистый запах. На миг ящик словно открылся, сверкнув всеми своими красками, и они вновь властно поманили Таню: «Владей нами, девочка!» И вновь увиделись Тане далёкий синий лес, и далёкое море, и ярко сверкающее над ним солнце «Владей нами, девочка!»

- Отправимся, - проговорила она и бегом бросилась к ребятам.

Сашу Чижова хорошо было бы нарисовать цветными карандашами. Волосы у него русые и чуть-чуть медные там, где не выцвели, а глаза голубые или даже зелёные. Когда смеётся - голубые, когда злится - зелёные. Сейчас Саша и сам не знал, как ему быть с Таней: злиться на неё или встретить миром. Он глядел хмуро, но глаза всё-таки высветились голубизной. И оттого всё Сашино задиристое лицо сделалось добрым и мягким, как в те редкие минуты, когда он утихал, о чём-то задумавшись. Об этих минутах Таня говорила: «Саша новую игру изобретает».

Верно, задумавшись, он изобретал, что бы ещё такое сотворить, чтобы уж совсем интересно стало жить на белом свете.

У него было любимое слово: «Айдайте!»

- Айдайте, ребята, на Каму, угоним лодку, доплывём до Перми, а потом...

Но далеко уплыть ему не удавалось. У Саши были две старших сестры - вечная помеха его смелым замыслам. Эти сёстры всегда обо всём узнавали, и глядь - они уже на берегу, уже ухватились за цепь и держат лодку.

Айдайте! Стало быть, двинем-ка, ребята, куда-нибудь в неведомые края, где живёт всё самое удивительное. Сашины голубые ли, зелёные ли глаза всегда смотрели на мир с таким жадным любопытством и такой готовностью к изумлению, что, глядя на него, и другим ребятам хотелось изумиться. Чему? Их маленькому городку, их улице, их дому? Да, всему этому привычному и самому обыкновенному. Саша любил искать, открывать, хоть старую залежь железного лома - лишь бы открыть эту залежь в каком-нибудь всеми забытом углу.

Он встретил Таню сурово:

- Что, в носильщики к старику подрядилась?

- Я учусь рисовать, - сказала Таня, оглядываясь, всматриваясь в лица своих школьных приятелей.

С ними ей было хорошо, привычно. И вокруг - на реке, по берегам - всё будто выровнялось, встав на свои места, знакомые глазу.

- Странно, - проговорила Таня. - Опять всё, как прежде.

- Что странно? - заинтересовался Саша.

Таня не ответила. Она отошла от него и остановилась возле двух маленьких девочек, копошившихся в песке. Она присела подле них на

корточки:

- Хотите, я вам помогу построить ваш домик?

- Это не домик, - сказала одна из девочек. - Это целый город.

- Верно, город, - согласилась Таня.

- Нет, это не город, - сказала другая девочка. - Это городской парк с качелями, а вот это забор, через который нельзя лазить. - И девочка смахнула пальцем ползшего по песку муравья. - Не смей лазить через забор!

- Верно, - согласилась Таня, - это не город, а парк.

Обе девочки были правы. Таня вдруг поняла это: обе девочки были правы, увидев каждая в том, что лепили из песка, свой собственный мир.

Видеть по-своему и всё время по-новому, то ясно, то словно в тумане, то широко, от горизонта до горизонта, то остановившись глазами на каком-нибудь крошечном предмете, - видеть так было совсем внове Тане, но она уже догадалась, что видеть всё так - замечательно интересно.

И вдруг на девочкин город или парк наступили два огромных башмака.

Девочки сразу заплакали, а Таня гневно вскинула голову и поднялась. Перед ней стоял Саша, хмурый, задумчивый.

- Зачем ты это сделал? - гневно спросила Таня.

- Что? - не понял Чижов.

- Зачем ты наступил на их город?

- Это город? - пошевелил в песке башмаками Саша.

- Ну, парк!

- Парк? - усмехнулся парень. - А ну, марш отсюда! - прикрикнул он на девочек. - Тоже мне, раскричались из-за кучки песка.

- Чудак, для них это не кучка песка, а целая картина, - сказала Таня. - Ничего-то ты не понимаешь, как я погляжу.

- Зато ты понимаешь, - обиделся Саша. - Выучилась уже! Художница!

- Чтобы быть художницей, Саша, надо учиться много-много лет, - насмешливо заметила Таня.

- Много-много лет? - повторил Саша. - А терпения хватит?

- Не знаю.

- Не знаешь? А я вот про себя всё знаю.

- Что же это?

- Ну, кем буду, какую буду работу работать.

- Какую же? - спросила Таня, хотя ей хорошо было известно, кем собирается стать её друг Саша Чижов: совсем недавно, ещё когда Таня не проводила целые дни с Черепановым, Саша охотно делился с ней своими планами.

«Решил: буду военным, - объявил он ей с месяц назад. - Это окончательно. Как отец».

Правда, месяцем раньше Саша говорил, что будет учиться на шахтёра, шахта - это ведь целый город под землёй; а ещё раньше, что хочет стать капитаном дальнего плавания.

«Когда вырасту, конечно, - рассудительно добавлял он. - И подучиться ещё надо, с семилеткой к теперешней технике не подступишься».

Таня соглашалась: не подступишься, но про себя-то думала, что семилетка - это очень много. В пятом классе седьмой кажется далёкой вершиной, а ведь Саша был уже на этой вершине. И всё же ему этого мало. Таня всегда очень терпеливо и уважительно выслушивала планы своего друга. Наверное, потому-то он так и любил делиться с ней, хотя она на целых два года была его младше. И Таня никогда не спорила с ним, чего Саша и не потерпел бы. Капитан так капитан, шахтёр так шахтёр, военный так военный. Решительность, с какой говорил он о своём будущем, подкупала девочку. Она так не могла бы. Она вот совсем ещё ничего про себя не знает. Она какая-то робкая. Может быть, она ещё маленькая? С этим трудно было согласиться. Конечно, Саша почти уже взрослый, но ведь и она не малыш. Смешно, когда настоящие взрослые считают её маленькой. Она всё понимает. Они думают, что она не понимает, а она понимает. Но тут уж ничего не поделаешь: взрослые очень самонадеянный народ.

Неужели и она будет такой, когда окончательно вырастет?

- Ты меня не слушаешь? - недовольно спросил Саша

Он привык к тому, что Таня слушала его чуть ли не затаив дыхание.

- Слушаю, - сказала Таня. - Только я ведь знаю: ты решил стать военным.

- Передумал.

- Правда?

- Я буду учёным. Не сразу, конечно, но буду. Я решил изучить наш край. Буду производить раскопки, находить старинную утварь, оружие, старинные книги или даже рукописи - я тебе объясню потом, что это такое, - обрабатывать всякие народные сказания и легенды. А ещё я буду геологом. Буду искать полезные ископаемые. Представляешь, как всё это интересно?!

- Представляю, - внимательно поглядела на одушевившегося паренька Таня. - А как же быть с твоим окончательным решением стать военным?

- Чудная, ну, передумал...

- Опять?

- Что ж тут такого? Человек вообще не может сразу всё про себя решить. Дел очень много, а ты один. Тебе, конечно, не понять ещё, но запомни: главное - это найти в жизни своё призвание.

- Призвание, - повторила Таня. - Нет, я понимаю. Призвание - это когда человек находит для себя дело, без которого не может жить. Ни денёчка!

- Ну, приблизительно так.

- Ни даже часа одного! И всё про это, всё про это...

- Что - всё про это?

- Думаешь, - тихо проговорила Таня.

Ей и самой странным показался её взволнованный голос, и она смущённо опустила голову, но Саша ничего не заметил.

- Разбираешься, - одобрительно сказал он. - Не со всем, конечно, но всё-таки молодец. Призвание - это когда что-то тебя так зовёт, что нельзя не пойти. Вот такое и со мной. Но только меня разные голоса зовут. То туда, то сюда. Это хорошо, как думаешь?

- Не знаю. Меня ведь ещё никто не позвал. Разве вот только... - Таня умолкла и посмотрела на крошечную капельку краски, приставшую к её ладони.

Она давно заметила эту синюю точку и про себя решила не стирать её и даже как-нибудь так мыть руки, чтобы капелька не смывалась. Долго-долго. Поймёт ли её Саша, если она расскажет ему, как вдруг дорог стал ей этот цветной, яркий мир, из которого прилетела к ней синяя капелька?

Но Саша не мог слушать сейчас Таню. Ему надо было выговориться самому.

- Я думаю, что хорошо, - сам же ответил он на свой вопрос. - Пускай будет много этих голосов. Не страшно. Сестра Лиза говорит, что это многогранность. Понимаешь?

- Нет, - грустно призналась Таня.

- А сестра Оля с ней не согласна. «Это, говорит, просто поиски. Талант, говорит, всегда ищет, прежде чем найти себя». Понимаешь?

- Нет, - ещё печальнее ответила Таня. - Капелька, капелька, - тихонько пошевелила она губами, поднеся ладошку к лицу. - Отчего я такая непонятливая?

Побросав свои лодки, к ним подошли ребята - все закадычные Сашины друзья: Егор Кузнецов, Вася Ларионов и Мишка Котов.

Егор Кузнецов был самым рослым и самым сильным из всего седьмого класса. Только Саша и мог с ним сладить. Конечно, не просто так, а приёмами борьбы самбо или в боксёрских перчатках. Он умел и это. Вася Ларионов был одноклассником Тани. Это был тихий, застенчивый мальчик. Таня его любила. Он был надёжным товарищем. Никогда за все школьные годы - а ведь они уже шестиклассники! - он ни на кого не пожаловался, хотя ему часто доставалось. Он был не очень-то сильный. «Безответный», - называла его Таня. Но в трудные минуты он всегда выручал. Их и не запомнишь - столько их было, этих трудных минут. И не счесть, сколько раз Вася помогал Тане то в одном, то в другом. Он даже подсказывал ей, хотя делал это всегда хуже всех в классе. А один раз подрался из-за неё с восьмиклассником, который мимоходом толкнул её в коридоре. И восьмиклассник отступил. Вот какой Вася, если его рассердить.

Мишку Котова Таня не любила. Этот всегда только и делал что смеялся. Но не потому, что был весёлый, а просто так, чтобы вышутить других. Он был старше даже Саши. Длинный, нескладный, глаза какие-то разные - один побольше и карий, а другой всегда прищуренный, и не поймёшь, какого цвета. Бурый?

Впрочем, Таня довольно миролюбиво сносила насмешки Котова - ведь он же был другом Саши. Она, правда, не понимала, что хорошего нашёл в нём Саша, как не понимала и того, почему тихий и «безответный» Вася тоже прилепился к этой шумной компании. Из девочек с ними дружила она одна. Другие девочки считали Сашу зазнайкой, Егора - увальнем, а Мишку - грубияном. О Васе же, всерьёз никто и говорить не хотел.

Конечно, если смотреть поверхностно, то всё правильно: Саша - зазнайка. Но Таня-то знала, что это не так. Он был добрый, он был

великодушный - вот каким он был, её друг Саша Чижов.

- Об чём разговор? - спросил Мишка Котов, привычно ухмыляясь. - Привет, художнице! Слышь, сделай с меня портрет. А?

- Здравствуй, Мишенька, - ласково проговорила Таня. Так повелось: на все Мишкины шуточки Таня отвечала кротким голосом и тоже шутя, покуда хватало у неё на это терпения. Часто терпения не хватало. - Погоди лет десять, обязательно нарисую.

- Не могу. Через десять лет и художников-то не будет. Зачем? Изобретут такую машину, сунул в окошко голову - и пожалуйста.

- Что - пожалуйста?

- Твой портрет.

- Нет, - серьёзно сказала Таня. - Всякие ещё машины будут через десять лет, но такой, чтобы вместо художника, - такой не будет.

- А я говорю, будет! Как думаешь, Саша?

Таня с надеждой взглянула на своего друга. Но он не захотел поддержать её. То ли потому, что не придавал значения её спору с Мишкой, то ли оттого, что был сердит на неё. Ведь она и с ним вдруг начала спорить, отбилась от компании.

- Цветная фотография и теперь есть, - равнодушно произнёс он.

- Разве это одно и то же - картина и фотография? Разве одно и то же?

- Смотря какая картина.

- Я и говорю! - подхватил Мишка. - Смотря какая! Взять, к примеру, твоего Черепанова! Шлёп - и лесок, шлёп - и цветок. На фотографии хоть похоже выходит, а у него...

- Молчи, если не понимаешь! - быстро проговорила Таня. Она гневно сжала руку в кулак. - Вот как стукну по башке!

- И испортишь мой портрет! - миролюбиво рассмеялся Мишка. - Эх, художница! Вот ты отбилась от нас, таскаешься по целым дням за своим стариком, а мы тут знаем какое дело начали?! Сашка, сказать?

- Да стоит ли? - повёл плечами Саша. - Ей теперь не интересно будет.

- Нет, мне интересно, - сказала Таня.

- Было бы интересно, была бы с нами.

- Но я же учусь.

- Это у Черепанова-то? - усмехнулся Саша. - Чему он тебя может научить? Злобный старик. С ним никто из взрослых и не здоровается. А уж про картины его и говорить нечего.

- Он не злобный, - упавшим голосом проговорила Таня. Ведь верно же, верно: Черепанов был совсем не добрым стариком, а может быть, даже и злобным. - А как он пишет, об этом ты судить не можешь.

- Пишет? - спросил Мишка. - Чего это он еще там пишет?

- Ну вот, вы не понимаете. Пишет - это когда рисует картины маслом.

- Уморила! Маслом! - захохотал Мишка.

- Да, маслом, масляными красками. Это такое специальное выражение.

А смеёшься ты, Миша, зря. Только своё невежество показываешь.

- - Вот у тебя и характер хуже стал, - как бы невзначай заметил Саша. - Всех ты ругаешь, все у тебя ничего не понимают.

- Это неправда! - Таня быстро сожмурилась, почувствовав, как откуда-то издалека, оттуда, кажется, где было сердце, устремились к её глазам слёзы.

Нельзя было, чтобы Саша их увидел. Таня порывисто отвернулась и пошла прочь от своих друзей, с которыми совсем ещё недавно было ей так легко и радостно. Что же случилось? Отчего все вдруг стало сложным? С Черепановым тяжело, с Сашей, и ребятами тоже. И сама себе порой кажешься незнакомой. Чужая девочка в незнакомом городе...

Таню нагнал Вася и молча пошёл рядом, стараясь идти с ней в ногу. Но Таня то делала широкий шаг, то коротенький, то приостанавливалась - так ей было легче думать. Вася терпел, хотя всё время сбивался с ноги и спотыкался.

- Рассказывай, что это вы такое надумали? - наконец заметила его Таня.

- Ничего особенного, - встрепенулся мальчик. - Скажи, ты не можешь идти поровнее?

- Не могу. Саша придумал?

- Саша.

- Интересное что-нибудь?

- Вообще-то интересное, но...

- Не тяни, рассказывай.

- Так ведь это же пока тайна.

- И от меня?

- Раз Саша не стал тебе говорить...

- Эх, Вася, Вася, а ещё моим другом считаешься!

- Так ведь и Саша твой друг. Понимаешь, мы все дали слово, что будем молчать. А уж потом, когда всё наладим, - вот тогда и смотрите.

- Что - смотрите?

- Не могу, - понурился Вася. - Ну пойми же - слово дал!

- И не нужно! - вконец обиделась Таня. - Обойдусь без ваших глупых секретов. А сейчас, пожалуйста, уходи. Ты мне мешаешь сосредоточиться.

- Что? - не понял Вася, но всё же остановился.

Тут как раз начиналась улица, и Таня тоже остановилась, чтобы оглянуться с бугра на реку. Она увидела Сашу. Снова парусом пузырилась его белая рубаха, и он снова возбуждённо размахивал руками, точно вот-вот готовый куда-то полететь.

Чужая девочка в незнакомом городе...

Таня медленно брела по круто уходившей вверх улице и всё оглядывалась по сторонам, наперёд зная, что увидится ей знакомый дом, или знакомая излучина реки с далёкой кромкой леса, или просто дерево, которому куда больше лет, чем Тане. Но виделось всё незнакомое. Дом будто бы новый - так высветило его на закат подавшееся солнце, излучина реки - от солнца же - слепит глаза, и кажется, что на реке начался пожар, а дерево так молодо позеленело глянцевыми листочками, что даже не верится, оно ли еще недавно стояло здесь, стуча на ветру своими голыми, покривленными ветвями.

И так всё кругом. Всё незнакомо. Даже не по себе как-то делается. И думается тоже по-незнакомому. На душе смутно и обидно. Нешуточная обида пришла да и забралась во все твои мысли. Как быть с Черепановым, с этим противным, злым стариком? И что теперь будет у неё с Сашей? Вот они и поссорились.

И снова Таня оглядывается на ещё недавно такой привычный ей мир в надежде, что он всё тот же самый. И снова всё кажется ей вокруг незнакомым.

«Что это? Что же это со мной приключилось?» - недоуменно спрашивает себя Таня.

А дома Таню ждала новость: приезжает отец. Три года не ёкал - и вот приезжает. Когда мать сказала ей об этом, Таня сперва даже не поняла, про что это ей толкуют. Го лес у матери был будничный, слова звучали как обыкновенные, и радостный, громадный смысл их сперва укрылся для Тани за этой будничностью маминого голоса. Но вот Таня повторила вслед за матерью сказанные ею слова и вдруг услышала какой-то звонкий звон внутри себя, будто множество залиvistых школьных звонков объявили громадную счастливую перемену. Приезжает отец! Они возьмутся за руки и, как тогда, три далёких года тому назад, медленно пойдут куда-то через город. Приезжает отец! Она услышит снова негромкий его голос, и увидит жёлтенькие искорки в его прищуренных глазах, и дождётся нечастой, странно медленной такой и вдруг как вспышка света его улыбки. Приезжает отец! И теперь всё-всё станет как прежде у них, и мама не будет куда-то уходить под вечер, чуждо разряженная и в будничные дни, и не

будет возвращаться совсем уже поздно, почти ночью, и ходить по комнате украдкой, на цыпочках. Приезжает отец! И теперь дядя Гриша снова станет таким, каким был. Станет весёлым, шумным, откровенным.

Все эти мысли точно взорвались в девочке, и она кинулась к маме, готовая сразу обо всём рассказать ей, прокричать ей про свою радость. Кинулась и остановилась, так и не добежав. Будничный голос, будто в себя устремлённый взгляд, будто понурившиеся вдруг плечи матери - всё это остановило Таню.

- Ты не рада?

Они были в комнате не одни. Только теперь Таня разглядела в углу на диване двух Сашиных сестёр, подруг её мамы, подруг ещё со школьных лет, двух зеленоглазых Сашиных сестёр, строгих-престрогих, которые всегда вставали на пути всех Сашиных затей. Таня не очень-то любила их и удивлялась, почему мама их так любит. Старшая, тётя Лиза, была врачом-хирургом. Это она разрезала Тане большой палец на ноге, когда он вдруг так раздулся и так начал болеть, что дышать было страшно. Втянешь воздух, а он ещё больше болит, выдохнешь - и ещё, ещё больше болит. А тётя Лиза чиркнула по пальцу ножом - Таня знала: он называется «ланцетом» - и сказала: «Вот и всё! А теперь убирайся!» Прыгая на одной ноге, Таня «убралась», затаив страшную обиду на тётю Лизу. Она даже сказала тогда матери: «Твоя тётя Лиза хоть и врач, но очень грубая». - «Хирург», - пояснила мать.

Младшая сестра Саши, тётя Оля, кончила юридический институт, как и Танина мама. Но Танина мама была судьёй, и Таня хорошо понимала, что это за такая работа - быть судьёй. А тётя Оля была следователем прокуратуры. Что это за работа - следователь, - вот этого Таня, как мама и Саша ей ни объясняли, понять не могла. И слово-то какое-то странное: «следователь». За кем это зеленоглазая тётя Оля всё «следовывает» и «следовывает»? Что она, следопыт, что ли? И верно, Саша шагу не может сделать, чтобы она его не преследовала.

А вот мама с ними дружила. Они дружили все вчетвером: мама, тётя Лиза, тётя Оля и дядя Гриша. А когда-то они дружили больше с её отцом, чем с дядей Гришей. Но отец уехал, а дядя Гриша остался.

- Почему вы все не радуетесь? - спросила Таня теперь уже всех троих сразу. - Ведь приезжает отец! Он так давно не ехал и вот приезжает!

- А мы радуемся, - сказала тётя Лиза мужским и властным голосом. - Не измышляй, пожалуйста, ерунду.

- Вот именно, - сказала тётя Оля. У неё был голос мягкий и будто ласковый, но Тане он всегда казался ехидным,

- Разве так радуются? - сказала Таня. - Так не радуются.

- Ты не права. -s Мать положила Тане руку на плечо и медленно потянула её к себе.

Сердце у Тани вздрогнуло, слёзы рванулись и брызнули из глаз, и ей вдруг стало так горько и так больно, так диковин-! но горько и больно рядом с мамой, её любимой мамой, что она задохнулась на миг совсем, как под водой, когда пересидишь там из озорства дольше, чем можно. И стало Тане страшно, как там, под водой, по-серьёзному страшно и хмуро, как там, под водой. Она вырвалась из-под маминой руки, вскинувшись вся, трепетно напрягшись, как там, под водой, и опрометью, ослабевшими ногами побежала прочь из дома. И только уже на улице, будто вынырнув, перевела дух. Куда идти? Вечер уже, куда идти?

Напротив, стоит только пересечь неширокую их улицу, светилось на втором этаже окно в доме Черепанова. Одно-единственное во всём двухэтажном доме. В освещённом окне горбилась фигура старика. Таня знала, он один там сейчас одинёшенек. Старший сын его, тоже уже совсем старик, давно уехал из их города, из этого дома. Рассказывали, поссорился с отцом и уехал. А потом уехала от отца и дочь. Молчаливая такая, сутулая, много старше Таниной мамы. И она тоже поссорилась с отцом, прежде чем уехать. Все на Таниной улице знали о ссоре старика Черепанова со своими детьми. Таня только забыла, из-за чего они между собой ссорились. Да это и неважно сейчас. Вот он один, старый, совсем один. Ему, наверное, очень сейчас грустно. Наверное, так же грустно и хмуро, как и ей сейчас. Странно, приезжает отец, а ей грустно и хмуро.

Таня перешла улицу, перепрыгнула неширокую канаву, переступила три дощатых полосы тротуара, глянула ещё раз на сгорбившуюся в окне фигуру старика и решила: «Он мне обрадуется». Но едва только стукнула негромко кулаком в запертые двери, едва только услышала злобную возню в сенях единственного сожителя Черепанова, страшного, хуже пса цепного, бойцового петуха Альфреда, как усомнилась в правильности своего решения. Но отступать уже было поздно, уже заскрипели в доме ступеньки - Черепанов шёл отворять.

Таня никогда прежде не бывала у Черепанова. Да и бывал ли кто-нибудь? Даже молочницу он встречал на крыльце. Долго отсчитывал ей медяки, сам вливал в кружку молоко и потом, пятясь, скрывался за своей тяжёлой, скрипучей дверью. А молочница, пугливо оглядываясь, спешно отходила от черепановского дома. Чуть ведь зазевайся старик - и в дверную щель прошмыгнёт его петух Альфред. И тогда уж беги со всех ног. Ни у кого больше в городе не было такого петуха. Он кидался на людей, на собак, на коз с таким остервенением, что даже большие собаки предпочитали пускаться от него наутёк. Таня видела однажды, как побежал от него какой-то мужчина. Ему было стыдно бежать от петуха, ну пусть большого, но всё же самого обыкновенного петуха. И он, этот мужчина, бежал сперва не очень быстро, и всё оглядывался, и даже смеялся смущённо - вот, мол, какая забавная история. Но, когда петух, подсакивая, принялся клевать его в руки, подбираясь к лицу, тот забыл про всякое стеснение и начал удирать изо всех сил.

И вот Таня стоит перед дверью, за которой уже насторожённо ждёт её этот самый дикий зверь в петушином образе, и вот уже совсем близки шаги Черепанова, и сейчас, прямо сейчас откроется дверь. Убежать бы - она же совсем позабыла о петухе. Нет, уже поздно.

- Кто там? - скрипло, как ступеньки, по которым только что шёл, спросил старик.

- Это я, Таня Васильева, - сказала Таня. - Только, пожалуйста, сразу не открывайте - я вашего петуха боюсь.

- А я и не открываю. Тебе чего?

- Я к вам, Дмитрий Иванович. Навестить.

- Это зачем ещё?

- Просто так, - шепнула Таня. - Мне очень захотелось... Вот я...

- Захотелось... А может, я делом занят, что тогда?

- Нет, я видела, вы просто так у окошка сидели. Я подумала, вам, наверное, грустно. Мне тоже грустно. Вот я и постучала.

- А мне как раз и не грустно, - по-прежнему не отворяя дверь, сказал старик. Голос его обрёл обычную усмешливость.

- Тогда я пойду, - сказала Таня и даже обрадовалась, что всё так хорошо обошлось. - Только вы уж теперь дверь не открывайте! Я пошла, до свидания, извините!

Таня радостно спрыгнула со ступеньки крыльца, счастливая, что вот сейчас бросится бегом прочь от этого хмурого дома с озверелым петухом, со скриплой лестницей и сердитым стариком нелюдимом.

- Нет уж, постучалась, так заходи.

Таня обмерла: за спиной, тяжело стукнув засовом, стала медленно отворяться дверь. Убежать без оглядки? Нельзя, стыдно! Таня обернулась и выставила вперёд сжатые в кулаки руки: «Ну, петух, берегись!»

А дверь всё продолжала медленно отворяться. За ней открывалось перед Таней тёмное, страшное, как дыра в погреб, нутро неосвещённого дома. И сразу пахло из:->той тёмной глубины на Таню затхло петушиной вонью и ещё чем-то душным, будто враждебным, как запах самого страха.

- Что ж ты, входи, - послышался из тёмной глубины голос Черепанова.

- Зажгите свет, - сказала Таня.

- Боишься? Ну ладно, давай руку. - И Дмитрий Иванович Черепанов, протягивая Тане руку, неохотно переступил порог своего дома. - Идём.

Таня не трогалась с места. Да и не мудрено: на плече у старика, точно малая какая птичка или там котёнок, сидел громадный петух, нагло и злобно выпятив на Таню жёлтый кошачий глаз. А другой глаз, обращённый к хозяину, у него был полузакрит и был обыкновенным, пустяковым куриным глазом - глупым и нестрашным.

- Входи же! - сердито возвысил голос старик.

- Да, а он как укусит...

- Это петух-то? - усмехнулся старик. - Разве птицы кусаются? И чему это вас в школе учат?

- В школе про таких петухов не учат! - заносчиво проговорила Таня. Её обидела насмешка старика, а ещё больше обидел собственный страх перед этой злобной курицей с кошачьим глазом и противным кровавым гребнем, прилепнувшим дурацки маленькую голову.

Все также, с выставленными вперёд кулаками, Таня решительно вступила на крыльцо черепановского дома. Старик пропустил её вперёд. Таня не позволила себе оглянуться на петуха, когда совсем близко проходила мимо него. Только чуть вздрогнула, не увидев, а почувствовав жёлтый взгляд его расплавленного злобой глаза. Дверь захлопнулась, и в сенях сразу стало совсем темно, как в их школьной фотолаборатории, куда Таню привёл как-то Саша Чижов. Это было время, когда Саша ещё не собирался быть военным и геологом, а помышлял, когда вырастет, стать кинооператором. «Понимаешь, Танюха, ведь это же замечательно - снимать кинокартины!»

Странные, чужие, враждебные запахи со всех сторон обступили Таню

в этой крошечной тьме. И только один запах среди всего этого тлена и ржави - а пахло тленом, и ржавью, и петушиными перьями, - только запах, пришедший издали, должно быть, со второго этажа, дотронулся до Тани, как добрая рука друга. Это был запах масляных красок. Запах, предвещающий радостную встречу с яркой, вспыхивающей россыпью цветных огоньков. Таня ободрилась и уже смело нащупала ногой первую скрипучую ступень, ведущую наверх, в комнату, где горел у старика свет. И заспешила, зашагала, старательно нажимая на скрипкие ступеньки, радуясь ворчливо-разным их голосам: «Кто тут?», «Кто там?», «Что надо?»

Свет, пробивавшийся сквозь приоткрытую дверь, там, наверху, манил, как в сказке какой-нибудь манит путника свет в глубине пещеры. И звал, радовал и звал, милый и добрый запах красок, такой добрый сейчас запах, что, пожалуй, был. он добрее даже запаха бабушкиных пирогов, когда она добывала их из печи. «А вот я вас сейчас на стол... А вот и Тане кусок...»

Первая подскочив к двери, Таня широко распахнула её и, ослепнув на миг, замерла на пороге. Но не от яркого света зажмурились, будто ослепли Танины глаза. У старика, в большущей его комнате, чуть ли не на весь второй этаж, всего и горела-то одна лампа. И не очень даже яркая. А вот Таня, замерев на пороге, зажмурилась и не сразу потом решила открыть глаза. Но вот решила. Она не ждала всего этого. Она не ждала, что в этом дряхлом, пропахшем петушиным зловонием доме увидится ей такое... Увидятся торжественные и милые большеглазые лица людей, далёкие солнечные лужайки, лесная опушка и дождь, вершины деревьев, свившие свои прозрачные нити с лучами солнца. Девочка не ждала, что милый и добрый запах красок приведёт её в этот мир - их мир, столь громадный, разнообразный, удивительный.

- Музей! - выдохнула она изумлённо и робко вступила в комнату и, как в музее, боясь звука своих шагов, пошла на цыпочках вдоль стен.

И тотчас остановилась. Стена, на которую были обращены сейчас её глаза, будто раздалась перед ней, широко и сразу, и вывела на улицу, в давно знакомые ей места, вон туда, на центральную площадь её родного города. Ведь эта церковь - ведь это она стоит у моста за базарной площадью. Там ещё овощной склад и делают ещё валенки: «Пимокатный цех». Странно, сейчас никакого здесь склада и никакого цеха не оказалось. Церковь словно помолодела, и вокруг неё деревья - они так кстати здесь. Старые-престарые, а церковь будто помолодела. Но всё равно Таня узнала её. Она узнала и эти вот, из тяжких кирпичей сложенные приземистые торговые ряды их рынка. Да и как не узнать эти тяжёлые своды с пузатыми, как бока самовара, колоннами! Странно, но и торговые ряды сейчас тоже

будто на много-много лет помолодели. Нет выбоин в стенах. И стены белые какой-то ненынешней белизной. И на стеках какие-то ненынешние надписи, вывески из старинных букв и даже с твёрдыми знаками. Но всё равно это их торговые ряды их Ключевской торговой площади, и даже вон там, за крайней лавкой, виднеется серебряный проулочек реки. Чуть шагнёшь за угол - и река откроется вся от моста и до монастыря вдали, у самого леса. Да вот он, вот он, этот монастырь, - его нельзя не узнать; Таня столько раз бегала по его широким стенам с бойницами, точно это крепость, а не монастырь. Правда, почему-то сейчас гуще лес вокруг него, ярче посверкивают кресты и в пустой звоннице монастырской церкви откуда-то взялся громадный колокол. Но всё равно это их, их Ключевский монастырь, который вот уже много лет реставрируют три стареньких, медленных деда, потому что этот монастырь «памятник архитектуры XVII столетия».

Таня обернулась, ища глазами Черепанова, и чуть не столкнулась с ним. Он стоял у неё за спиной со своим проклятым петухом на плече и чему-то усмехался, припрятывая свою усмешечку поднесённой ко рту рукой. Ох, как она не любила этот его смешок из-под руки! Всё-то ему смешно, всех-то он умнее! Таня хотела спросить у Черепанова, что это за чудо-стена, вдруг выведшая её в родной город, объявилась у него в доме. Но теперь раздумала спрашивать. Да и самое чудо растаяло перед её глазами. И всё сразу стало понятным: просто старик повесил на одну из стен своей комнаты несколько картин, изображавших старинные здания родного города. И всё же это было совсем не просто. И глаза так и тянулись назад, в этот белостенный, озарённый солнцем её город, но только, кажется, очень давнишней лоры, тех древних времён, когда в монастыре жили монашеники, а не было, как сейчас, кинотеатра, когда на базаре торговали купцы, а не колхозники, когда в соборе с колокольной молились боженке и, уж конечно, не катали валенок, а вывески писались с твёрдым знаком.

- Откуда это у вас, Дмитрий Иванович? - шёпотом спросила Таня и уважительно повела рукой вдоль удивительной стены.

- Собрал, - сказал старик. - Полвека собирал. Это, Танюша, вот это всё, и был Ключевский кремль. Городку-то нашему шестой век пошёл. Торговал с Каспием и с Белым морем, с Сибирью да с Китаем. Через нас только и дорога была из Москвы в Сибирь. Славен город был, Танюша, благолепен.

Но прошли годы, проторились новые дороги, покорооче, поудобней, и начал скудеть наш город, отставать, не умножать, а тратить. А там ещё годы, ещё сотня лет, ещё сотня-другая лет, и стал наш город сонным да заштатным. Таким вот и я его застал. Соборы белеют, монастыри возвышаются, ряды купеческие, хоть ярмарку открывай, а городишко спит. И вот захотелось мне уберечь для памяти город наш, каким он был в лучшую свою пору. И стал собирать, Танюша. Там картинку у какой-нибудь древней старушонки откопаю, там рисуночек на каком-нибудь чердаке между книжной трухи отыщется. Одно к одному, и сладился вот этот вот кремль. Художники будто и не знамениты, а добросовестны, под стать времени, и всё ж таки не фотографы, своя старинка в их работах есть. Вот берегу...

Старик отошёл от Тани и, быстро обернувшись, глянул зорко и выбирая, как повести глазами, на свой кремль. И будто зажил в нём, в этом древнем собрании придвинувшихся к нему стен, как какой-нибудь прохожий тех давних времён, когда вывески писались с твёрдым знаком. Петух на плече - громадный, нелепый, словно тоже давнишний, из тех времён, - и сутулый старик. Может быть, городской чудак? Какой-нибудь самодурствующий купец, зачудивший к старости? Или зверившийся в людях, давно оставивший место чиновник, решивший доказать всем и вся, что можно прожить жизнь, дружа лишь с одним живым существом, вот с этим вот петухом-убийцей?

Стена с белыми торжественными зданиями, которая только лишь раздалась перед Таней, теперь сомкнула свои просветы, и скудным и страшным показался девочке этот тяжелостенный мир крепостной укладки соборов и торговых рядов. Мир с затхлым запахом тлена и ржави и с городским чудачком, бредущим куда-то по пыльной дороге.

- Мне страшно, - вслух призналась Таня. - Можно я пойду?

- Не уходи, - попросил старик. Таня явственно услышала в его голосе просьбу. - Посмотри вот сюда.

Он отошёл в сторону и, сдёрнув с плеча петуха, швырнул его в открытую дверь. Петух привычно, безропотно слетел-скатился вниз по лестнице.

- Посмотри вот сюда, Танюша, - ласково повторил старик.

Таня явственно услышала ласковые интонации в его голосе. Эта просительность, эта ласковость в голосе старика удивили её и как бы вернули в действительность. И страх отпустил её. Да и петуха уже больше не было, и старик уже больше не казался каким-то странным пришельцем из прошлых веков. Он подвёл её к противоположной стене своей комнаты, кажется и вправду занимавшей весь второй этаж его дома - такая большая

она была. И всюду картины, открытые и завешанные простынями, всюду мольберты, и кисти, и палитры, и тубики с красками - множество этих самых человечков, без которых не сделать картины, хотя и с ними тоже её не так-то просто сделать. «Нет, не сделать, а написать. Картины не делаются, а пишутся. Маслом. Акварелью. Нет, я никогда не смогу так...»

Таня смотрела туда, куда указывал ей Черепанов. Она смотрела на большую картину без рамы, просто на подрамнике, прямо, почти без наклона, висевшую на стене. И снова, как окно в мир, снова будто раздалась стена, и Таня выглянула на улицу, нет, в сад за черепановским домом, хотя она и знала, что у него за домом не было такого сада, не было этого куста сирени, загородившего небо, весь мир своей живой бело-желто-розовой синевой. И какая-то девушка с печальным, нет, удивлённым, нет, задумавшимся, или нет, готовым улыбнуться лицом стояла в глубине этого сиреневого цветения. Таких девушек не было у них в городе. Это была незнакомка. Встретить бы её, спросить бы о чем-нибудь, услышать бы её голос. Какой он? Тихий? Певучий?

- Где её можно найти? - спросила Таня, поглядев на Черепанова. - У неё, наверное, тихий голос, но явственный и звонкий. Тихий и звонкий...

- Разве так бывает, чтобы тихий и звонкий? - серьёзно поглядел на девочку старик.

- Бывает. - наклонила голову Таня. - Вот бы побывать в этом саду. Я знаю, там всегда прохладно, даже в жаркий день. А в небе большое солнце, но на него не больно смотреть. Правда?

- Может быть, и так, - кивнул старик. - Ты что же, полагаешь, картина удалась?

- Я полагаю, - очень убеждённо сказала Таня.

Она догадалась, что, хоть старик и спрашивал её об этой картине как бы походя, ему будет приятно, если она скажет, что картина удалась. И она сейчас ни в чём не покривила душой. Ей вовсе не нужно было придумывать для себя всё хорошее в этой картине. Всё хорошее в ней само говорило о себе. Само звало в этот сад, тихо так и ласково, будто окликающая тихо-звонким голосом этой незнакомой женщины из этого незнакомого сада.

Таня не ошиблась: старик обрадовался её словам. Оживившимся голосом и чуть-чуть даже похваляясь, он быстро заговорил, осторожно, как кистью, дотрагиваясь корявыми стариковскими пальцами до её плеча:

- Годы писал, доложу я тебе, Татьяна, годы. Это копия с знаменитой «Сирени» Врубеля. Был такой на Руси художник. Громадный, знаешь ли, Татьяна, художник. Его копировать и мука и счастье. Труден не только в

письме, но и в замысле. Его как угодно объясняй, а чего-то не объяснится. Чего-то он запрячет от тебя, как бы говоря: «Горячо, горячо!» Знаешь, как в детской игре: и близко угадка, да всё нет её. Впрочем, я не во всём следовал Врубелю даже и сознательно. Эта вот девушка в сирени - это ведь моя дочь.

- Ваша дочь?! - изумилась Таня. - Но она же совсем не такая... Она же... Я помню...

- Что ты помнишь? - вдруг напрягся старик. - Что ты можешь помнить, молокосос? Лена была такой. Ну, не вчера, не год назад, а тогда, когда... - Он умолк и как-то сразу по-стариковски сник и отошёл от Тани в далёкий и тёмный угол своей комнаты, присел там на какую-то скамеечку и утих.

Таня словно осталась одна в комнате - ходи, оглядывайся, трогай всё, что хочешь, руками. И она пошла, оглядываясь, сперва думая ещё о внезапной перемене с Черепановым, о внезапной его печали, а потом уже не думая об этом, позабыв обо всём, уйдя лишь в зрение, - так вокруг было всё удивительно, ново ей, интересно. Она переходила от картины к картине, которыми тесно были увешаны стены комнаты. Подробно рассмотреть ей эти картины не удавалось: в комнате было слишком темно для этого. Но так было даже интереснее. Не каждая картина в отдельности, а сразу по нескольку вместе рождали что-то общее, какую-то свою, собственную, картину. А потом и всё вокруг - и стена с Ключевским кремлём, и стена с врубелевской «Сиренью», в которой стояла, оказывается, дочь Дмитрия Ивановича, но не такая, какой знала её Таня, не старенькая и сутулая, а молодая, прекрасная и радостная, и все другие картины на стенах, и мольберты с накинутыми на них простынями, как мушкетёры в плащах, и полки с книгами, с толстыми, старинными книгами, которые даже страшно взять в руки, такие они мудрые, - всё это вместе сложило для Тани теперь уже общую картину, и картина эта глубоко поразила девочку.

- Я буду художницей! - проговорила она, как поклялась. - Я обязательно буду художницей.

Она подбежала к неподвижно сидящему в своём тёмном углу старику, схватила его за руку, наклонилась к нему, стараясь заглянуть в его глаза.

- Я вспомнила, я вспомнила! - выкрикнула она. - Когда я ещё была совсем маленькой, я видела вашу дочку, и она была такой, вот прямо такой, как у вас на картине. - Таня ждала, наклонясь, ответа старика.

Он молчал. Она подёрнула его за рукав, он глянул на неё из-под сведённых бровей, чуть улыбнулся ей, но так ничего и не сказал.

Таня распрямилась.

- Я вспомнила... - огорчённо шепнула она. - Вы мне не верите?

- Верю. - Старик поднялся и твёрдым шагом пошёл на середину

комнаты, туда, где было больше всего света. И Таню прихватил с собой, взяв её за руку. - Ну, так зачем же ты пришла? - пытливо взглянув в её лицо, спросил он. - Какие такие у тебя горести?

И тут Таня разом всё вспомнила, уже о своём вспомнила, и странное чувство и радости, и горькой обиды, и тревоги, такой большой, какой не знала прежде, - это странное, тяжкое чувство, пережитое ею в тот миг, когда узнала она, что приезжает отец, снова вернулось к ней.

- Приезжает мой папа, а мама почему-то этому не радуется, - быстро и горестно проговорила она. - Дмитрий Иванович, ну почему, почему ссорятся родные люди? - Она запрокинула голову и внимательно посмотрела в тусклые, но зоркие и оттого очень ещё живые стариковские глаза. Посмотрела долгим взглядом.

- Не знаю, Таня, - сказал Черепанов и вдруг поспешно отвернулся от девочки. - Обойдётся, может быть... Так. значит, приезжает? Когда?

«Когда?!» - Таня вдруг с ужасом обнаружила, что не знает, когда приезжает отец. Мать не сказала, а она забыла спросить. Может быть, он уже приехал! Может быть, он уже дома!

Таня сорвалась с места и бросилась к дверям, забыв даже попрощаться с Черепановым, забыв даже оглянуться на девушку в сирени. Обо всём на свете забыв. «Может быть, отец уже дома!» Она выбежала на лестницу, скрипкие ступени промелькнули под её ногами, не успев ничего проворчать ей вслед вразумительного. Так, сказали лишь ка-кое-то «ш-ш-ш» и смолкли.

Только в сенях, в этом душном петушином царстве, Таня вспомнила о петухе, о страшном желтоглазом петухе. Вспомнила и не испугалась. Он не посмеет сейчас её тронуть, этот скверный зверь! Её никому нельзя сейчас трогать и никому нельзя задерживать - она бежит встречать своего отца!

И верно, петух только вскинулся, когда Таня пробежала мимо него, и не тронул её. Не посмел!

На счастье, дверь была не замкнута. Таня толчком распахнула её и выбежала на улицу. Звёзды первыми встретили её, огромный мир раскинулся перед ней.

Дома Сашиных сестёр уже не было. В углу дивана, где раньше сидели они рядышком, теперь, уронив голову на руки, сидела мама. Заслышав Танины быстрые шаги, она подняла голову. Таня удивилась даже, так незнакомо строго глянула на неё мать. И голос у неё тоже зазвучал незнакомо строго:

- Где ты была? Разве не знаешь, что пора ужинать?

- Мама! - быстро шагнув с порога, Таня остановилась посреди комнаты, наклонённая вперёд, словно готовая бежать и дальше. - Мама, а когда же он приезжает?!

- Я спрашиваю тебя, где ты была?

- У Дмитрия Ивановича. Мама, а вдруг он уже приехал или вот-вот подъедет! Скажи, разве папа не написал тебе, когда его надо встречать?

Мать поднялась с дивана, подошла к дочери и протянула ей много раз сложенную пополам и превратившуюся в маленький комочек телеграмму.

- Подумать только, она дружит с этим Черепановым, - сказала мать и поморщилась, как от боли, наблюдая за торопливыми движениями дочери, которая расправляла, разравнивала стиснутую в комочек телеграмму, а потом стала читать её и читала долго, хотя и всех слов-то в телеграмме было только три: «Выехал Ключевой Николай».

И так и сяк повертев перед собой телеграмму, Таня наконец подняла глаза на мать:

- Когда же? Он вот уже выехал, а когда приедет? Что это тут за цифры за такие? Когда мы пойдём его встречать?

Мать ничего не ответила и снова отошла к дивану и снова уселась в самый его угол, повернув голову к окну.

- Мама, - настаивала Таня. - Мамочка, когда же мы пойдём его встречать?

- Да пойми ты, он нас обидел. - Глухой, как бы издали, был голос матери. - Он оскорбил нас. Тяжко, несправедливо. Пойми...

Но Таня ничего не могла понять. Она вслушивалась в глухой, далёкий голос матери и ничего не могла понять. Смысл того, что говорила ей мать, не касался её сознания. Она слышала лишь звук её голоса - глухой, горестный, и этот голос пугал её и мешал вдумываться в слова.

- Я сама виновата, я берегла тебя, я ничего тебе не хотела рассказывать, и вот теперь... Видимо, нельзя так и надо говорить обо всём

до конца, пусть даже ты и ребёнок. Что-то поймёшь сразу, что-то поймёшь потом, но необходима ясность, нужна ясность.

- Может быть, он уже приехал или вот-вот приедет, - очень тихо проговорила Таня и близко, так, что заломило глаза, поднесла телеграмму к лицу.

Мать вскочила и пошла по комнате своей широкой уверенной походкой, которая так всегда нравилась Тане. «Какая у меня смелая мама! Какая решительная! Ну как же, ведь она судья!»

Но комната была невелика, и матери трудно было широко шагать от стены к стене, и она вскоре же остановилась, прижавшись спиной к оконному косяку. А за окном была дорога, уже высеребренная луной, и если прямо-прямо и долго-долго идти по этой дороге, то подойдёшь к самому вокзалу, где останавливаются московские поезда.

- Пойми же, - снова заговорила мать. - У взрослых бывают сложности, трудности, которые почти невозможно объяснить. Ты поверь мне, что твой отец был несправедлив к нам, даже жесток. - Она вдруг вскинула к лицу руки, и больно сжала лицо ладонями.

Таня даже вскрикнула, так больно, наверное, сжала мама своё лицо.

- Нет, нет, я не то тебе говорю, не так! - Мать отдернула руки от лица, следы от пальцев белыми полосами легли на её щёки. И не исчезали.

Это почему-то больше всего испугало, поразило Таню. Она подбежала к матери, судорожно приникла к ней и стала растирать ей щёки своими ладонями.

- Понимаешь, он возомнил о себе бог знает что! Он решил, что он замечательный архитектор, зодчий! И мы, мы с тобой, доченька, и наш городок, и даже тайга вокруг - всё это якобы стало на пути его таланта! Понимаешь?

- Да, да, - покивала Таня, стирая с маминой щеки последнюю белую полосу. - А вдруг он уже приехал или вот-вот приедет...

Мать порывисто отстранила от себя дочь, взглянула на неё как-то странно пристально и снова поглушавшим голосом, будто чужим, будто издали, сказала:

- Он приедет сегодня поздно вечером... Ты так и не поняла меня, дочь?..

- Сегодня?! Скоро?! Совсем скоро?! Мы пойдём его встречать?!

- Нет, ты так и не поняла меня...

- Почему же, мама, я поняла, - сказала Таня. - Вы поссорились, я поняла. Но ведь теперь отец приезжает. Значит, всё теперь будет хорошо, правда? Ведь правда, мама?

Мать промолчала.

Таня отошла от неё и закружила по комнате, смятенно и нетерпеливо, готовая броситься бегом, опрометью броситься за дверь и не смея сделать этого. Но ноги как бы сами подталкивали её к порогу. И вот, в который раз уже оказавшись у порога, она не выдержала и робким шёпотом спросила:

- А можно я сама?.. Можно мне его встретить?..

- Можно, - трудно наклонила голову мать.

И словно ветром выдуло Таню на улицу, и снова звёзды первыми встретили её, звёзды и посеребрённая луной дорога.

Путь на станцию был действительно дальний. Прямой, но дальний. Надо было пересечь весь город, сперва по центральной улице, а потом мимо маленьких домиков окраины, мимо огородов, мимо пихтарникового оврага, а потом мимо монастыря, а потом просто полем, а потом... Таня никогда ещё одна не ходила этой дорогой. Да ещё так поздно вечером. А вот теперь мама её отпустила. «Значит, я выросла, стала как взрослая?» - подумала Таня. Но эта мысль не принесла ей ожидаемого удовольствия и даже ненамного не успокоила. Идти было далеко и страшновато.

А после поля потянутся длинные бараки, где живут рабочие с кирпичного завода. Каждый год всё новые люди. Бедовые, шумливые. У них там какая-то «постоянная текучесть», - сказал как-то про них дядя Гриша. Вот и он, этот когда-то большой её друг, а теперь почему-то разонравившийся ей человек, тоже встал перед её глазами. И вспомнилось совсем уж давнее - последние минуты в день отъезда отца. Это было на станции. Дядя Гриша отвёл тогда в сторонку отца, но не от Тани - она всё время держала отца за руку - и сказал ему: «Напрасно уезжаешь». Таня тоже кивнула: «Напрасно!» Отец только улыбнулся им и ничего не сказал и посмотрел своими синими глазами вдаль, туда, где исчезали, вбегая в лес, синие полосы рельс. И вот он уехал, и поссорился с мамой, и обидел маму, и, оказывается, её, Таню, тоже. И всё так теперь не просто, так не хорошо, что и не сказать как. «А ведь он приезжает! Он приезжает!»

Таня прибавила шаг, она бы даже побежала, но путь пошёл круто в гору, и надо было беречь силы. Дорога-то дальняя. Таня снова мысленно проследила весь путь, который надо было пройти, и снова стало ей не по себе. Не только дороги ей было страшно. Она подумала о станции, и ей тоже стало страшно. Там всегда столько людей и пахнет как-то скверно, как в больнице, и тяжеленные двери с пружинами: чуть зазеваешься - больно пихают тебя в спину.

И всё же не это было самым страшным, самым смутным, тревожным из того, что ждало её впереди. Да, самым страшным, смутным, тревожным было для Тани сейчас то главное, ради чего шла она, всё шла вперёд по вечерней дороге. Не понимая этого, конечно, не отдавая себе в этом отчёта, Таня страшилась сейчас своей встречи с отцом. Она бежала к нему навстречу, она готова была и десять таких дорог пройти, и она боялась этой минуты, не зная сама того, боялась этой минуты, когда увидит отца, а он её. «Почему не пришла мама?» - спросит он. Она не сможет ему ничего ответить. А может быть, он не спросит. Тогда ещё хуже. «Мы поедem сейчас домой?» - спросит она отца. Что, ну что он ей ответит? А если не спрашивать его ни о чём, то будет ещё хуже...

Дорога в гору окончилась, и Таня на миг приостановилась и привычно оглянулась. Она всегда на этом месте оглядывалась на свой город. Отсюда он был весь виден, и очень ей отсюда нравился. Но так поздно она никогда не попадала в городской пригород. Раньше она всегда отсюда видела свой город днём, а теперь увидела вечером, почти ночью. Глянула и изумилась, ничего вокруг не узнав. Огоньки в окнах светились редкими светлячками - город рано укладывался спать, фонари на улицах мерцали поодаль друг от друга - город экономил электричество, и только звёзды да луна в небе светились щедро. Над крошечным городом в котловине стало громадное небо с приближавшими будто ныне звёздами - ведь до них теперь скоро уж долетят, и совсем близкой луной - ведь на ней уже лежит наш вымпел. Близкая луна, близкие большие звёзды, столь редкие на севере, и тёплый ветер, обдувший Таню, ещё дневной, угретый солнцем, - всё это вместе с

маленьким её городком в нечастой россыпи огней со смутно белыми стенами древних соборов, всё это, родное и непонятное, снова открыло Тане что-то новое, что-то большое, точно зажгло в ней ещё какой-то новый огонёк познания, одарив ещё какой-то новой большой радостью. Как там, в комнате-музее старика Черепанова, когда глянула она вокруг и вдруг сказала, как поклялась: «Я буду художницей!»

Надо было идти дальше; подул холодный, теперь уже ночной ветер, и Таня вспомнила: надо идти дальше. И пошла, сразу продрогнув, опять всего испугавшись. Счастливая - ведь приезжает отец - и напуганная наперёд первой с ним встречей. Оказывается, бывает вот и так: радость и страх попеременно.

И вдруг Таня остановилась, словно ноги к земле приросли. Совсем прямо перед ней, совсем рядом, протяни только руку, светилось очень знакомое ей окно. «Смотри ты, не спит!» - уважительно подумала Таня. Это было Сашино окно. В этом невысоком, но просторном доме жил со своими зеленоглазыми сёстрами Танин самый большой друг - Сайга Чижов. И вот в его окне свет, и протяни только руку - можно постучать в стекло. Таня взяла да так и сделала: протянула руку и постучала в стекло. Громко, нетерпеливо - она ведь так торопилась, ей было так некогда. Створки окна тотчас распахнулись, и Таня увидела Сашу. Он был в белой рубашке, ворот широко распахнут, волосы взъерошены, будто Саша не читал там, у себя в комнате, а с кем-нибудь сражался. Но ведь можно сражаться и читая. Если очень интересная книга и там про войну или про приключения.

- Что ты читаешь? - спросила Таня.

- Как думаешь?

- Наверное, что-нибудь про войну. Ты такой взъерошенный.

- Какое там про войну! - загадочно улыбнулся Саша и жадно повёл глазами от окна к столу, на котором лежала раскрытая книга. Ты что это ночью бродишь? - удивился он, снова по пояс высовываясь в окно. - Ты что это делаешь на улице в такую темень? Тебе же спать пора ложиться!

- Не кричи на меня, я не маленькая. Вылезай в окошко, и пойдём. - Таня сама себе не поверила: так это у неё по-командирски вышло.

И ещё больше изумилась, хотя и не показала виду, когда Саша послушно полез в окно. Чей-то протяжно-строгий голос, не то тёти Лизы, не то тёти Оли, окликнул Сашу:

- С кем ты там разговариваешь? Прикрой окно, сквозняк!

Саша уже был на улице.

- Есть прикрыть окно! - сказал он и очень старательно, как и подобает послушному младшему брату, притворил оконные створки. - Ну, что там у

тебя?

- Приезжает отец, - сказала Таня. - Я иду его встречать. Мама не идёт, а меня отпустила. Они поссорились, а он приезжает, вот прямо сейчас приезжает. Понимаешь?

- Так... - протянул Саша. - Ох, уж эти мне родители! Хуже ребят, правда?

- Правда, - кивнула Таня.

- У них там всякие проблемы, а ты вот беги одна ночью через весь город и думай за них, что да как. Правда, верно говорю?

- Верно, - кивнула Таня.

- Ладно, не вешай носа - пошли. Я ведь понимаю, вдвоём веселей. - Саша взял Таню за руку и первый шагнул в тёмную глубину дороги. - Только побыстрее давай, а то сестрицы ещё схватят. Это, знаешь ли, тоже проблема - целых две таких сестрицы.

- Саша, ты про что читал? - тихо спросила Таня.

Ей хотелось сказать: «Саша, какой ты хороший! Ты друг, настоящий друг, спасибо тебе!» Но она ничего этого не сказала, да и не могла бы это сказать - все бы эти слова проговорились у неё вместе со слезами. Даже громко что-нибудь сказать она бы сейчас не решилась. И громкий бы голос мог сейчас подвести её и выплеснуть из её глаз уже застывшие их слёзы.

- Эта книжка про наш Урал! - горячо, увлечённо ответил Саша. - Знаешь, я и не думал, что про всякие там старинные находки и про всякие там ископаемые так интересно читать! Знаешь, просто невозможно оторваться! Вот бы и мне что-нибудь найти - древнее-древнее! Или нет, найти где-нибудь у нас тут, рядом, золото, а ещё лучше алмазы. Да, алмазы лучше всего. Уголь уже нашли, калийные соли уже нашли, и даже золото, и даже платину нашли. А алмазов у нас ещё никто не нашёл. Не может быть, чтобы на Урале их не было. Я их найду, Танюха, веришь?

- Верю, - по-прежнему тихо ответила Таня.

Только это коротенькое и тихое слово удалось ей сказать, не расплескав слёзы. Но как-нибудь потом, когда позади останется этот вечер и она успокоится, она скажет Саше много-много хороших слов про то, как она ему верит, и про то, что он, конечно, найдёт на Урале алмазы и всё на свете найдёт, чего бы ни пожелал.

Издали, из очень далёкого далека, донёсся протяжный, прерывистый, такой всегда тревожный в ночи паровозный гудок. Может быть, это тот самый поезд, в котором едет отец? Таня невольно рванулась вперёд, но Саша снова взял её за руку и удержал.

- Нет, это не московский, - сказал он. - Но алмазы - это ещё не скоро.

Пока я решил заняться другим. Не хотел тебе говорить, ну да ладно - скажу. Сказать или ты и не слушаешь меня совсем?

- Слушаю, Саша.

- Я помню твоего отца - он мировой мужик. Ты в этом не разбираешься, а я помню, как он в волейбол играл. Луч-шик нападающий города был. Конечно, в молодости. В общем, мы решили с ребятами открыть при нашей школе краеведческий музей. - Саша приостановился и глянул испытующе на Таню. - Да ты, никак, плачешь?! Ты что это? Пожалуйста, можешь и ты вместе с нами работать. Только это пока секрет ото всех. Условились? Ну развеселись ты, тебе говорят! Чудачка, приезжает отец, тебе предлагают такую интересную работу, а ты слёзы льёшь. Всё-таки женщины, что там ни говори...

Снова далеко-далеко, протяжно и тревожно прозвучал паровозный гудок.

- А знаешь, может быть, это и московский, - прислушавшись, сказал Саша. - Побежали!

- Побежали! - громко отозвалась Таня.

Теперь ей было не страшно говорить громко, слёзы всё равно выплеснулись из глаз. И она могла бы теперь даже сказать всё, что только что собиралась Саше сказать. Но они с ним теперь бежали, а когда бежишь, многого не скажешь.

Да, это был московский поезд. Ребята узнали об этом, когда пробежали мимо барачных кирпичного завода. Саша спросил на бегу кого-то из парней, стоявших в дверях:

- Московский?!
- Он самый.
- Так ведь рано ещё!
- По летнему расписанию шпарит.

Саша остановился и удержал за руку Таню. Бежать было бесполезно, поезд уже вырвался напрямую к станции, и, как бы быстро они ни бежали, поезд подомчит к станции куда быстрее, чем они. Таня тоже поняла это и горестно прижала к лицу руки, чтобы не видеть этот мчащийся вперёд поезд.

- Что, ребятки, опоздали? - подошёл к ним один из парней, что стоял в дверях барака.

- Ага! - буркнул Саша.
- А дело важное? Встречаете кого?
- Папу! Три года всё не ехал! - отдёргивая руки от лица, сказала Таня. - Три целых года...

- Да, огорчение, - протянул парень. - Ладно, поможем. Ждите меня тут. - Он повернулся и побежал назад, к баракам.

Таня вопросительно поглядела на Сашу:

- Что будем делать?
- Ждать, - уверенно сказал Саша.
- А чего? - спросила Таня. - Может, побежим всё-таки?
- Нет, бежать бесполезно.

Вдруг где-то возле барака, взрывая тишину, затарахтел и брызнул искрами из глушителя мотоцикл. Вспыхнувшая фара на миг осветила барак с тёмными окнами, за которыми уже все спали, и высоченных парней в дверях, чему-то смеявшихся между собой, и краешек чёрного пихтарникового оврага за бараком. А потом луч фары вдруг тихо улёгся перед Таниными ногами - мотоцикл, тарая, затормозил совсем рядом с ней.

- Садитесь! - приказал парень. - Живее!

Секунда - и Саша уже сидел за спиной мотоциклиста и уже протягивал Тане руку, чтобы и она могла побыстрее сесть.

- Скорей, скорей! - Саша был просто счастлив.

Он уже подался вперёд, готовый рвануться навстречу ветру вместе с машиной. А Таня страшно испугалась; она никогда не ездила на мотоцикле, но часто видела, как ездят другие, и всегда боялась за них. Страшно! Машина тарахтит, скорость сумасшедшая, а всего два колеса... Но сейчас раздумывать было нельзя, спорить было нельзя. Это всё делалось для неё. И этот мотор ревел для неё, и этот фонарь светил для неё. Таня шагнула вперёд, зажмурившись, как с обрыва в речку. Сильные руки парня подхватили её. Она не успела ещё и дух перевести, как задохнулась от ветра, ударившего ей в лицо.

- Поехали! - крикнул Саша.

Его губы оказались у самого её уха, и он крепко обнял её, а она крепко обняла руками парня-мотоциклиста. И теперь они были все трое как один человек. Но только каждый делал своё дело: парень вёл машину и помалкивал, Саша радовался и кричал: «Вот здорово! Вот это скорость!»

Ну, а Таня? Таня боялась. Правда, не всю дорогу. Потихоньку она освоилась и даже разжмурила глаза. Всё несло вокруг. Чёрная земля по сторонам машины превратилась в чёрный, несущийся поток. Огни впереди, у станции, то вспыхивали, то исчезали, то принимались кружиться. Сиденье под Таней рвалось вперёд, ноги её судорожно подскакивали, не находя опоры. Только спина парня и была сейчас Таниным спасением. Широкая, крепкая, добрая такая спина. Таня шепнула, прижимаясь носом к этой спине:

- Спасибо вам, дяденька.

- Проснулась? - весело повёл на неё глазами парень. - А ты ничего, смелая.

- Нет, я испугалась.

- Для первого раза, я говорю, смелая. Другая бы пищать начала. А ты прыг - и всё тут.

- Спасибо вам, дяденька, - сказала Таня.

- Чего там!

Машина вынеслась на асфальт, и Тане показалось, что они теперь плывут. Потом машина резко накренилась, и Тане снова стало страшно. Но машина тут же выпрямилась, вздрогнула всем телом, как конь какой-нибудь, и вдруг стало тихо, и чёрный поток вокруг вдруг остановился и стал землёй, полем, деревьями, что росли неподалёку от станции, и самой станцией - шумным этим, многолюдным домом с тяжеленными дверями. А за станцией, там, где тянулись рельсы, тяжко отдуваясь после долгого пути, тормозил паровоз московского поезда.

- Мы его обогнали! Обогнали! - ликуя, крикнул Саша, соскакивая на землю.

- Ну, теперь живо бегите к вашему папочке, - сказал парень и снял Таню с мотоцикла. - Устоишь?

Парень поставил Таню на землю и ненадолго придержал её плечи в своих руках, зная, что она не сразу твёрдо встанет на ноги. Верно, странно как - ноги отказывались Тане служить. И перед глазами всё кружилось, кружилось. Отчего это? От радости - ведь приезжает отец или, может быть, от страха - ведь приезжает отец, которого она не видела три года и с которым она не знает, как говорить? Но вот ноги стали держать Таню чуть покрепче, да и Саша уже потянул её за руку, и надо было бежать, опять бежать. Таня глянула на парня-мотоциклиста, улыбнулась ему и сказала:

- Вы хороший, спасибо вам. И, пожалуйста, не у逃айте очень быстро из нашего города. У вас тут постоянная текучесть, но вы не у逃айте. Обещаете?

Саша сильно потащил её за руку, и Таня побежала следом за ним, так и не услышав ответных слов парня-мотоциклиста.

Тяжёлая дверь, распахнутая Сашей, погналась было за Таней, но она прыгнула вперёд, и дверь, несолоно хлебавши, лязгнула пружиной. Ещё одна тяжёлая дверь - ещё один прыжок, и Таня очутилась на тихом, вовсе не людном ночном перроне, к которому, шипя и пыхтя, подползал московский поезд. «Сейчас! Сейчас!»

- Ладно, не робей! - глянул на неё Саша.

Но Тане почему-то показалось, что он и сам вдруг притих и напрягся.

Паровоз, обдав жаром, прошёл мимо Тани, машинист улыбнулся ей из своего окошка, будто угадал что-то про неё. Вдруг лязгнули длинно, по всему составу, буфера, и вагоны следом за паровозом остановились.

На перроне почти не было встречающих и было темновато: фонари горели только у станционных дверей, где стоял сейчас начальник станции в красной, нарядной фуражке.

- Хорошо быть начальником станции, но только не такой, как у нас, а большой, в большом городе, - наклонившись к Тане, шепнул Саша.

- Лучше чем геологом? - улыбнулась девочка.

- Нет, не лучше, конечно, но тоже хорошо.

- Хорошо быть дома, - вдруг сказала Таня. - Лежать на своей кровати и засыпать, слушая, как за стенкой разговаривают между собой папа и мама.

Она быстро шагнула вперёд. Ещё шаг, ещё - и она замерла, судорожно поднеся к затрясшимся губам руки.

- Папа!

Высокий человек с небольшим чемоданчиком в руке и с туристским рюкзаком, небрежно повисшем у него на плече, будто споткнувшись, задержал шаг и стал всматриваться в Таню.

- Дочка? - неуверенно, не то спросил, не то окликнул он её.

А через секунду они уже обнимали друг друга, и Таня снова боялась говорить, чтобы не выплеснулись из её глаз слёзы. Но они всё равно выплеснулись. Отец поднял её на руки, высоко-высоко, вровень со своим лицом, и Таня теперь смогла внимательно всмотреться в это почти незнакомое ей, едва узнаваемое ею родное отцово лицо. Ей почудилось, что у него тоже навернулись на глаза слёзы. И это сразу помирило её с ним, и все сразу стало проще, и Таню уже не пугали вопросы отца, если он и станет её о чем-нибудь спрашивать. Этот человек с усталым лицом, с трепетно сощуренными глазами - Таня тоже знала этот способ и тоже прищуривалась, чтобы слёзы не лезли из глаз, - этот человек с жёсткими щеками, даже колючими, и с такими мягкими, тёплыми губами был её отец, её родной отец.

Он поставил её на землю, обнял за плечи одной рукой, в другую взял свой чемоданчик, и они пошли по перрону к выходу в город. И только тут Таня вспомнила про Сашу.

- Саша! - останавливаясь, позвала она. - Саша!

А когда он подошёл, она взяла тяжёлую отцовскую руку и протянула её навстречу Саше.

- Это мой друг, мой самый большой друг, - сказала она, глядя то на отца, то на Сашу. - Это он помог мне тебя встретить

Что-то промелькнуло в глазах отца. Он крепко пожал Саше руку и добро улыбнулся ему, но что-то, что промелькнуло в его глазах, так и осталось в них. Тревога? Горечь? Усталость? Таня не могла понять и назвать того, что зажило сейчас в глазах отца. Она поняла только, что он думает сейчас о чём-то далёком отсюда и, кажется, очень грустном для него.

- Да, я и не спросил, зачем ты надумала меня встречать? - сказал он, когда они снова тронулись в путь. - Ведь я же так и телеграмму нарочно давал, чтобы никого не беспокоить. Ведь поезд приходит очень поздно.

- Нет, летом он приходит пораньше, - сказал Саша.

- Всё равно поздно.

«Ну спроси, - подумала-помолила Таня. - Папочка, ну хоть что-нибудь спроси про маму!»

Они вышли на привокзальную площадь, отец поставил к ногам Саши чемодан, опустил на землю рюкзак и сказал:

- Вы, ребята, стойте здесь, а я пойду раздобуду машину.

Он быстро отошёл и почти тотчас скрылся в темноте.

- Не спросил, - горестно шепнула Таня.

- погоди, ещё спросит, - всё поняв, как и должно настоящему другу, убеждённо сказал ей Саша. - А он ещё у тебя молодцом! А что, если он и теперь ещё играет в волейбол? Вот бы было здорово!

Вспыхнув фарами, к ним подъехала машина, в которой рядом с шофёром сидел Танин отец. Он быстро распахнул дверцу, вылез, быстро подошёл к Тане и вдруг, наклонившись, неумело как-то и странно потвердевшими губами снова стал целовать её. Он что-то шептал ей, целуя, но что - Таня не разобрала. Потом так же быстро, как наклонился, он выпрямился во весь свой длиннющий рост и чужим, глухим голосом сказал:

- Ну, поехали...

Он посадил Сашу и Таню в машину, погрузил к ним свои пожитки, а сам сел с шофёром. Только сел и сразу вылез и пересел назад, к ребятам, взяв Таню к себе на колени.

- Ну, поехали...

- Куда? - спросила Таня с надеждой.

- В гостиницу! - очень уж весело отозвался отец, прижимаясь к Тане своей колючей щекой. И шепнул: - Потом, потом я тебе всё объясню... Ладно?..

Таня ничего ему не ответила.

Машина уже мчалась вперёд. Той же дорогой, по которой сперва шла, потом бежала, а потом ехала на мотоцикле Таня, чтобы встретить своего отца. И вот она его встретила. И вот они уже вместе и едут той же дорогой в город, но почему-то не домой, а в гостиницу. «Ну спроси, ну спроси хоть что-нибудь про маму!» - подумала-помолила Таня.

Отец молчал. Смотрел за стекло машины в тёмную даль и молчал.

Таня проснулась очень поздно. Если солнечные лучи успели переползти из угла под потолком на пол - значит, уже поздно и «Танино утро» позади. «Танино утро» - это когда во дворе в траве ещё роса, когда и ступеньки крыльца ещё влажные, будто умытые, и когда так ясно вокруг и так тихо, что, кажется, можно увидеть всё, чего не пожелаешь, в самой дальней дали и можно услышать любой самый дальний звук.

Таня проснулась и села на постель с широко раскрытыми глазами и всё сразу вспомнила. И как встречала вчера отца, и как потом он поехал в гостиницу, а не домой, а по пути подвёз сперва Сашу к его дому, а потом Таню к её дому. Это был их дом, но отец не вошёл в него, а поехал в гостиницу. Таня знала эту гостиницу, она стояла у края базарной площади. Какой-то нескладный, длинный и приземистый дом, с пыльными всегда стёклами и всегда пахнувший кислыми щами, и карболкой, и бензином - всё попеременно. Даже и часа прожить в таком доме Таня бы не решилась. Л вот отец сейчас там живёт. Ему там плохо, за этими пыльными стёклами, но он там живёт. «Беда-то какая, беда-то!..» - бабушкиным голосом прошептала Таня.

Вчера, когда машина отца покатила и свернула за угол, Таня вошла во двор и сразу увидела маму. Та, будто прячась от кого, стояла за деревом. За это дерево и Таня всегда любила прятаться. Это была старая берёза, единственная такая возле их дома. Не тоненькая, не стройная, а широкая и вся в наслоях и буграх. Не берёза, а прямо дуб какой-то.

Мама вышла из-за неё и прижала к себе Таню.

- Наконец-то! - сказала она. - Я так ругала себя, что позволила тебе идти в эту страшную даль. И одной! Почти ночью! Бог знает, что могло случиться!

«Ну спроси, ну спроси о нём!» - помолила Таня.

Нет, мать говорила только о ней, спрашивала только о том, как она шла, было ли ей страшно. А когда услышала, что Таня ехала на мотоцикле, от ужаса даже вскрикнула.

«Ну спроси, ну спроси о нём!»

Нет, мать ничего не стала спрашивать «о нём». Торопливо ввела она Таню в её комнату и, чего давно уже не делала, помогла ей раздеться.

- Спать! Спать!

Вот и ночь позади, вот уж Таня и проснулась, проспав своё утро, вот

уже и всё вспомнила. А что теперь?.. А что дальше?..

А дальше вот что. Отец, когда прощались, шепнул:

«Завтра поговорим, хорошо? Приходи ну хоть часам к десяти в городской сад, и поговорим...»

Таня спрыгнула с постели, быстро оделась, ополоснула кое-как лицо, только глянула на чашку с молоком, которую налила для неё, уходя на работу, мать, и выбежала на улицу. Опять надо было спешить, спешить: ведь стрелки часов на будильнике уже замерли - маленькая над цифрой десять, а большая над цифрой двенадцать. Ох, уж эти стрелки, они всегда подводят Таню, к ним никак не приладишься. То ползут, то прыгают. А вот мама и без часов умеет вставать, когда надо. Даже удивительно, как у неё всё точно получается. Во всём. Во всём ли?.. Вдруг снова вспомнилась она, какой была вчера вечером. Зачем-то спряталась за берёзу, и голос и глаза совсем не её. Она была вчера какой-то испуганной, суетливой, жалостливо-печальной. Такой Таня её не знала раньше.

И отец вчера был совсем не таким, каким она его помнила. Он тоже был странно растерянный и притихший. Его тоже было до горя-горького жалко. И это всё потому, что они поссорились - её отец и мать. Ну зачем, зачем ссорятся родные люди?!

Таня ещё не успела добежать до угла, как позади, щёлкнув замком, закрипела дверь черепановского дома. Таня оглянулась, наперёд зная, как всё сейчас будет. Сперва выскочит на улицу кудлатый Альфред, широко расправив свои крылья и делая вид, что может полететь, да вот только лень ему. Потом медленно просунется в дверь обёрнутый в мешковину черепановский мольберт на длинной треноге, а потом не спеша выйдет и сам Черепанов. Постоит, покрутит головой, щурясь на солнце, будто высматривая, где оно светит поярче, чтобы в ту сторону и путь держать. Потом, крикнув что-то отрывистое своему звероподобному петуху и окриком этим загнав его за дверь, старик, сутулясь, отправится в путь.

Вот тут-то Таня обычно выскакивает из своей калитки и просит старика взять её с собой. Но сегодня нельзя, сегодня надо бежать, бежать, не теряя ни минуты. Отец, па-верное, её уже ждёт.

Таня глянула туда, где должен был ждать её сейчас отец, туда, за мост, где начинался городской сад, и обмерла. Ведь никакого городского сада там давно уже нет. Вот уже год, как все большие деревья оттуда вырыли и перевезли в другой конец города, на горку. А там, за рекой, в низинке, где раньше был городской сад, скоро разольются воды Большой Камы. Как же она забыла про это?! Отец не знал, но она-то как забыла? И через мост уже нет давно прохода, и вместо парка пустошь да кусты. Куда же он пойдёт?

Где его теперь искать?

Не зная, как ей быть, Таня в растерянности оглянулась на Черепанова, который вот уж и поравнялся с ней. Он был сегодня явно в добром настроении. Он даже чуть-чуть улыбнулся ей и дружески кивнул. Да ведь верно, они же теперь стали совсем друзьями, ведь Таня даже побывала у него в гостях. Удивительно, сколько всего случилось за вчерашний день! Таня глянула поверх головы старика, на его мрачный дом, в котором, оказывается, была одна большая комната, совсем как в сказке какой-нибудь. Одна стена - их город, каким он был в старину, другая стена - сиреневый сад, каким бы мог он только присниться во сне. И много, много ещё всего было в этой комнате, отчего даже вот и теперь захватило у Тани дух. И пахло там краской - дружелюбно, и тихо, и заманчиво.

- Чего стоишь, пошли, - сказал Черепанов Тане и протянул ей ящик с красками. - И так уж запозднились.

- Я не могу, - сказала Таня, быстро дотронувшись рукой до ящика с красками. «Здравствуйте, милые мои, смешные человечки!» - Я не могу...

Старик придержал шаг и внимательно глянул на Таню:

- Что, приехал?

- Вчера, - кивнула Таня.

- Вот оно что, стало быть, дома?.. Кланяйся ему. Когда-то и он со мной «на натуре» хаживал. Это ты в него пошла. Правда, потом к другому потянулся, дома порешил строить, но когда-то и писал и рисовал довольно порядочно. Что же, кланяйся, может, навестит старика, расскажет, как там в столице. Дорогу-то перейти - недолог путь.

- Он не дома остановился, он в гостинице.

Старик снова зорко глянул на Таню:

- В гостинице, говоришь?.. Ну, да ты не горюй. Взрослые, ведь они иногда чудят, дочка.

«Дочка!» Он никогда её так не называл раньше. И никогда так добро не звучал его старчески-сохлый, не без ехидства голос.

- Дмитрий Иванович, что мне делать? - Таня шагнула к старику и взялась обеими руками за его брезентовую, в цветных пятнах куртку. - Отец велел мне приходить в городской сад, а городского сада-то и нету. Я забыла вчера ему об этом сказать.

- Ну, так ступай к нему в гостиницу.

- Я боюсь, - помедлив, тихо проговорила Таня. - Я и мимо-то этого дома боюсь ходить. От него всегда пахнет, как от больницы, а окна слепые.

- Вот как, слепые?.. - Старик снова протянул Тане свой ящик с красками. - Ладно, пойдём провожу, да и куда мне спешить...

- А как же ваша «натура»? - спросила Таня, неуверенно потянувшись к ящику рукой.

- «Натура»! - хмыкнул старик. - Что ты знаешь про мою «натуру»? Я и сам-то в ней толком не разберусь. Ладно, пошагали.

- Пошагали! - радостно повторила Таня, радостно принимая от старика ящик с красками.

В крохотном кабинетике, где помещался лишь стол, да канцелярский шкаф, да ещё два стула, а окно было всё же зарешечено: стало быть, что-то ценное либо важное хранилось здесь; вот в этой казённого вида комнатёнке с зарешечённым окном, устало подперев голову рукой, сидела за столом Танина мама. А другая её рука лежала на телефонной трубке, и то сжимались пальцы, то разжимались, так и не зная, поднять ли трубку или оставить её на месте.

Отворилась дверь, и в кабинетик широко шагнула, привычно решительная в своих движениях одна из зеленоглазых сестёр Саши, та, что была хирургом, - тётя Лиза. Она не затворила за собой дверь, ей и так было здесь тесно.

А за дверью открылась большая комната, даже зал настоящий с рядами скамеек. Там было людно, и многоголосый говор тотчас до отказа заполнил маленький кабинетик. Карме-то все напряжённые, истончившиеся в звуке голоса и в то же время негромкие. Так говорят, ожидая чего-то важного, волнуясь, боясь чего-то.

- Ну, позвонила?! - напористо громко спросила Лиза Чижова, наклоняясь к своей подруге.

- Нет ещё.

- Да ты решайся, милочка, решайся. Гляди-ка, судья, серьёзный человек, а снять трубку да сказать несколько твёрдых слов решимости не хватает. Удивляюсь вам, Мария Сергеевна.

- Затвори дверь, - медленно отняв от лица руку, устало проговорила Мария Сергеевна.

- Чего уж, ухожу, ухожу! - снова широко шагнула, но теперь из кабинетика в зал громкоголосая её подруга. - Кстати, народ весь в сборе, ни местечка свободного - дело-то, говорят, нынче серьёзное. Вас ждут, товарищ судья.

Она с прижимом прикрыла за собой дверь, и снова стало в кабинетике тихо, и снова устало опустила голову на руку Мария Сергеевна, Танина мама, городской народный судья. Вдруг вскинула голову, жёстко сжала губы и рывком сорвала с рычага телефонную трубку.

- Гостиницу! - резко проговорила она это тягучее слово, когда в трубке прозвучал звонко-приветливый голосок телефонистки: как же, как же, ведь судья звонит!..

В маленьком и узком, как пенал, номере гостиницы с единственным окном, за которым ничто не радовало глаз - окно это выходило в пыльный, с повытоптанной травой двор, - сидел у колченогого столика Николай Андреевич, Танин отец. Сидел и маялся, то поглядывая в окно, то окрест себя - на унылые, голые стены своего пенала, на непременный графин на столе, на нелепо большую здесь кровать с инвентарной биркой на самом видном месте. Но вот он глянул на часы и вскочил, заторопился к двери.

А дверь уже сама распахнулась ему навстречу.

- Товарищ Васильев, к телефону зовут. - В дверях стояла молоденькая, шустроглазая коридорная. Она с таким нескрываемым интересом разглядывала сейчас Николая Андреевича, будто всё-всё про него знала и готова была принять самое живейшее участие в его дальнейшей судьбе.

Похоже было, что она и вправду много про него знала.

- Звонят из суда, - доверительно шепнула она, когда Николай Андреевич вышел в коридор. - Мне телефонистка сказала, чтобышла, хоть живого, хоть мёртвого. Из суда, мол, вызывают. Дело серьёзное! А мне одной тут и прибирай, и воду кипятить, и жильцов к телефону скликай. А зарплата, сами знаете...

Она шла за Николаем Андреевичем по пятам, ни на шаг не отставая от него, хотя он почти бежал по длинному коридору.

- А зарплата, смешно даже сказать какая... Только из уважения к людям и бегаю... Конечно, если человек уважаем. Я ведь вас, Николай Андреевич, сизмальства помню... Я ведь понимаю, не думайте...

Николай Андреевич подошёл к столику дежурного, что стоял в самом конце коридора, у двери на лестницу. Дверь была отворена, и за коротким лестничным маршем виднелась частица базарной площади, людной, будто праздничной, и синяя, чуть дальше, полоска реки, и белая, ещё дальше, монастырская стена, и в дымке туманной, совсем далеко, кромка таёжного леса.

На столике, снятая с аппарата, ожидающе лежала телефонная трубка - порыжевшая от старости, с петлёй для рычажка, с широким раструбом, как будто в трубку должно обязательно кричать, а иначе тебя не услышат.

Николай Андреевич присел к столу, затравленно оглянулся на остановившуюся рядом дежурную, махнул ей слабо рукой: мол, ступай-ступай! - и нерешительно взялся за трубку. Приложил её к уху, подождал немного и, как бы загородясь ладонью от дежурной, которая только для виду отошла чуть в сторонку, и от шумного, вдаль уходящего мира за дверью, негромко проговорил:

- Маша, ты?

Мария Сергеевна, услышав вдруг голос мужа, такой странно тихий, так нежданно сразу назвавший её по имени, так растерялась, что ничего не сумела ему ответить. Она невольным движением отстранила от себя телефонную трубку и поднялась, смятенно замерев за своим судейским столиком.

- Маша, что же ты молчишь?.. - снова послышались негромкие слова в трубке.

Перемогаясь, Мария Сергеевна сперва шепнула беззвучно, лишь пошевелив губами, будто затверживая, какие-то слова, а потом вдруг жёстко, гневно даже, резким, не своим голосом проговорила эти слова в трубку:

- Зачем ты приехал, Николай?! - Она не стала дожидаться ответа. И с тем же напором, гневом, тем же резким, не своим голосом продолжала: - Затем, чтобы взбаламутить всем души?!

Всё так же отгораживаясь ладонью от досматривающих глаз коридорной, Николай Андреевич шёпотом переспросил:

- Взбаламутить души?..

Да! - жёстко отозвался голос.

- Кому, Маша?

- Твоей дочери - этого мало?! Не было и не было, строишь там чего-то, и ладно! Подросла бы, разобралась бы. А теперь ей надо объяснить, что, как. Ведь всё это не объяснить и себе самой...

- Я думал... - Николай Андреевич замялся, не находя слов, и теперь уже, как за помощью, поглядел на коридорную.

Она энергично закивала ему и даже руками замахала. Дескать, смелей, смелей!

- Я думал, что никому не причиню вреда своим приездом, - чуть погромче проговорил в трубку Николай Андреевич. - Ведь в конце концов...

- Не вздумай только сейчас говорить мне о своих родительских правах! - громко пресёк его слова голос жены.

- Ты говоришь со мной как судья, - потерянно произнёс Николай Андреевич. - Зачем же так?..

- А я и есть судья!

Мария Сергеевна, сказав эти слова, вдруг как-то сразу понурилась, и снова устало-потерявшимся сделалось её лицо. - Ну скажи, ну что ж это ты там выстроил на наших с тобой развалинах?.. - Она долго дожидалась ответа, но ответа всё не было. - Ну, ты хотя бы доволен жизнью, работой? Стоило так-то вот, стоило?.. - Она снова подождала ответа, но ответа не было.

Отворилась дверь, и в кабинет заглянул пожилой мужчина в форменном прокурорском пиджаке.

- Пора, Мария Сергеевна, пора.

- Заходите, - выпрямляясь, кивнула Мария Сергеевна. - Заходите и зовите заседателей - у меня всё. - Она глянула, отведя, на безмолвствующую по-прежнему трубку и, вновь поднеся её, сказала - сухо, буднично, как говорят на людях, да ещё из служебного кабинета, да ещё если ты народный судья и за дверью в зале судебных заседаний вот сейчас начнётся под твоим председательством слушание дела: - Мой вам совет, если вы приехали в наш город не по делу, а так просто, скуки ради, уезжайте.

Она очень спокойно положила на место телефонную трубку и очень спокойно вышла из-за своего столика, ещё более прямая, уже собравшаяся, уже отрешившаяся от всех прочих дел, уже готовая идти в зал судебных заседаний, чтобы быть там судьёй.

В кабинетик, теснясь, вошли прокурор и народные заседатели и тотчас

вышли, пропуская вперёд Марию Сергеевну.

- Встать! Суд идёт!

И все в зале сперва смолкли, а потом встали - все, сколько тут не было людей. И те, что пришли сюда послушать просто судебное дело, и те, кто пришёл сюда в страшной тревоге за своих родных, и те, кого привели сюда под конвоем.

Все поднялись навстречу суду и судье.

Она села на своё председательское кресло с высокой спинкой и резным гербом над головой и подняла глаза в зал.

Все в зале сейчас смотрели на неё. И те, что сидели за загородкой на скамье подсудимых - двое мужчин с посерелыми лицами, - тоже смотрели на неё.

«Ты говоришь, как судья...»

«Да, я судья, Николай...»

Николай Андреевич молчал, ему было нелегко отвечать на вопросы жены, не потому, что не находились нужные слова, а ещё и потому, что вдруг прямо перед ним, в гостиничных дверях, появилась Таня. А за спиной у неё медленно одолевал ступеньки недобро известный Николаю Андреевичу городской чудодей Дмитрий Иванович Черепанов. Старик недобрый, приметливый, злой на язык. Некогда они дружили - давным-давно. А потом поссорились, что, впрочем, для Черепанова было обычным исходом всякой его с кем-либо дружбы. И вот в дверях дочь, а за спиной у неё уже вырос этот умница и злюка Черепанов, а в трубку всё ещё продолжают бить жестокие слова жены, и ей ничего не ответишь. Он собирался было ответить, он и сам собирался было перейти в наступление и наговорить жене немало тех горьких слов, которые так легко даются в подобные минуты. Он собирался было спросить её про Григория, о том, что за отношения у неё с ним. От общих друзей, наезжавших в Москву, Николай Андреевич слышал уже какие-то полурасказы, полунамёки. Да, и у него бы нашлось немало горьких и жестоких слов для жены, но в дверях стояла дочь, и Николай Андреевич растерянно смолк. Внезапно в трубке раздался сухой щелчок, и столь тягостный для него разговор кончился. Телефонистка спросила молодо-беспечным, молодо-равнодушным голоском:

- Вас прервали? Вас соединить опять?

- Нет, нет! - испуганно отозвался Николай Андреевич и поспешно встал навстречу дочери, с чувством глубочайшего облегчения выпустив из руки телефонную трубку.

Таня подбежала к отцу и, так как она до всего любила дотрагиваться руками, схватила трубку и водрузила её на место, на рычажок старинного телефонного аппарата, какие в пору выставлять в музеях. Она так и сказала:

- Музейный экспонат, а не телефон, правда, папа?

- Правда. - Он глянул на часы. - Прости, я опоздал. - Он наклонился и поцеловал Таню в лоб, вдруг отчего-то страшно себя пожалев, будто посмотрел на себя со стороны и чужими глазами, и вдруг сам себя огорошив вопросом: «Зачем ты приехал?..»

Старик Черепанов, отстранив со своего пути пребывавшую в застылой созерцательности коридорную, перешагнул гостиничный порог.

- Здравствуйте, Николай Андреевич, - на старинный манер приподняв

над головой брезентовый картуз, сказал он. - Рад вас приветствовать в родном городе. Всё ж таки нет-нет, а родные камушки покличат? Только вот в гостинице-то этой скука жить. И верно, пахнет щами, окна слепые. - Старик неодобрительно покосился на коридорную, теперь с глубочайшим интересом внимавшую его словам. - Ты бы, Софья, чем подслушивать, стёкла бы хоть протёрла. Ох уж эта ваша порода Савинская! Всё бы вам высматривать, всё бы вам вынюхивать!

- А Дмитрию Ивановичу всё бы язвить да язвить! - смело отпарировала коридорная. - Знаем...

- Марш отсюда! - Старик всерьёз сердито наставил на девицу свои колючие глаза. - Экая пустельга!

Он повернулся к ней спиной и, потихонечку пригасив в глазах вспыхнувшую злость, как умел радушно, улыбнулся Николаю Андреевичу.

- Так зачем, стало быть, к нам? В отпуск просто так или по делу?

Николай Андреевич в замешательстве только руками развёл. Голос жены всё ещё жил, звучал в ушах, и вот словно сошлись, объединились её вопрос «Зачем приехал?» и слова этого старика «Зачем, стало быть, к нам?» И снова у самого себя спросилось: «А зачем, зачем?»

Избегая пристально рассматривающих его глаз старика, Николай Андреевич протянул ему руку:

- Рад вас видеть, Дмитрий Иванович. Гляжу, ничуть не постарели.

- Будто бы? - усмехнулся старик. Он задержал в своей руке руку Николая Андреевича и заставил того поглядеть себе в глаза.

- Нет, не постарели.

- И встрече со мной рад? Ведь мы же вроде поссорились...

- Когда это было! Я уж и забыл даже, из-за чего и поссорились.

- Будто бы? - снова усмехнулся старик. - Ну, беседуйте отец с дочерью, а я пойду солнце ловить.

Старик отпустил руку Николая Андреевича, быстро повернулся и зашагал к дверям, по пути чуть приметно кивнув дружески Тане.

- Где это ты с ним встретила? - спросил отец, когда Черепанов уже вышел на лестницу. - Не боишься его? Он ведь с причудами старик.

- Нет, его я не боюсь, - сказала Таня. - Я сюда идти боялась. Вот он меня и проводил. А не идти тоже было нельзя. - Таня заглянула отцу в лицо. - Папа, ты что такой невесёлый? Это из-за телефона, да? А с кем ты в него разговаривал? - Она вдруг рассмеялась. - Неужели в него ещё можно разговаривать? И слышно?

- Слышно, - кивнул отец. Он обнял дочь за плечи и предложил: - Пойдём-ка ко мне в номер. Там, кажется, поуютнее.

- Пойдём.

Обнявшись, они двинулись в путь по длинному, тёмному и грязному коридору, и Таня всё поглядывала, закидывая голову, на отца и всякий раз, взглянув на него, ободряюще ему улыбалась.

- А не идти мне сюда тоже было нельзя! - оживлённо пустилась она в пояснения. - Ты мне велел приходить в городской сад, а его ведь весь пересадили на горку.

А там, где был сад, скоро потечёт Большая Кама. Я забыла тебе об этом сказать вчера. Что делать, думаю. Надо бежать в гостиницу, а то и не найдём друг друга. Вот Дмитрий Иванович меня и проводил. Я его случайно встретила, он «на натуру» шёл.

- Вот как? - сказал отец. - Значит, сад теперь на горе, там, где раньше один пихтарник рос? И верно, хорошее место для городского сада.

- А как придёт к нам Большая Кама, немного повыше монастыря построят пристань. А сам монастырь, знаешь, папа, говорят, окажется на острове. Красиво, правда? Белые стены, колоколенка в небо, а вокруг будто самое настоящее море.

- Красиво.

- И пристань рядом. Остров, а рядом - пристань. Тоже высокая, с маяком. Как на море. Плыви куда хочешь! Правда, красиво?

- Правда. - Отец распахнул перед дочерью дверь своей комнаты. - Входи.

Таня задержалась на пороге.

- Сюда? - Она глянула в узкий, безрадостный мир отцовского жилья и снова услышала в себе этот быстрый-быстрый бег каких-то мурашек, повсюду, в спине, в кончиках пальцев, за ушами, после чего - она точно знала - вдруг втекают в глаза слёзы, и тогда уж сторожись, чтобы они не пролились из твоих глаз.

- Папа, а окно ты можешь открыть? Оно открывается?

- Оно открыто, дочка.

- Совсем-совсем?

- Да.

- А мне показалось... - Таня переступила порог и вошла в комнату, за окном которой было так же серо, как и в самих стёклах с прикипевшей к ним стародавней пылью.

Вошла и поспешно присела на краешек высокой кровати, сердито прислушиваясь к быстрому в себе бегу этих предательских мурашек, после которых начинаешь глупо реветь.

Отец притворил тихонько дверь и сел на стул - тоже с инвентарной

биркой на самом видном месте. Таня заметила эту бирку, как только вошла. И бирку на кровати тоже заметила. Эти жестяные номерки здесь только и посвечивали, где-то пораздобыв для себя крупички солнечных лучей. Такая же точно бирка на проволочке висела и на шейке графина. Это позабавило Таню.

- Как ожерелье какое-нибудь, - сказала она повеселевшим голосом. - Толстая тётка в гости пошла. Сама большая, а головка маленькая. И что ни шаг - то дёргается. А бусы, и серьги, и браслеты звенят, будто велосипед едет.

Отец проследил за её взглядом и усмехнулся.

- Приметливая. - Он пододвинулся вместе со стулом поближе к дочке. - Как это ты сказала: «На натуре»? А что это означает, знаешь?

- Знаю, - кивнула Таня и быстро глянула, распрямив пальцы, на свою ладонь, туда, где ещё недавно прилепилась капелька краски. Нет её! Исчезла! - Это когда пишешь или там рисуешь то, что открылось глазам вот прямо сейчас.

- Пишешь?

- Ну конечно, маслом, например.

- Маслом? Так ты, что же, у Черепанова в ученицах?

- Да, он меня учит на художницу. - Таня решила и посмотрела на отца, широко распахнув глаза. - Он ведь тебя тоже учил, правда? - И, помолчав и поразглядев как следует отца - какое у него всё-таки незнакомо-грустное лицо! - она тихо, но торжественно, как там, в мастерской Черепанова, проговорила: - Я буду художницей, папа. Обязательно буду - Вот оно что!.. - Николай Андреевич ещё ближе придвинулся к Тане.

Теперь он стал разглядывать её. Он помнил её не такой. Что-то переменилось в ней, переменилось изнутри. Она стала совсем иной, чем та маленькая девочка - родная, близкая, но всё же маленькая и несмышлёныш, какой он её оставил три года назад, какой он её запомнил. С той Таней, с той его дочкой легко было говорить, думая о своём, её вопросы не требовали ответа, её слёзы просто было унять каким-нибудь пустяком, подарком там или сказочкой. А эта, нынешняя его Таня, пожалуй, сказку и не станет слушать. Пожалуй, не поглядит даже и на его подарок. Он вспомнил, ощутив внезапную растерянность, что забыл вчера отдать Тане нарядную, большеголовую куклу, которую привёз ей. И тотчас обрадовался, что забыл. Эта кукла тоже годилась для той Тани, которую он оставил три года назад, а не для этой, что сидит сейчас напротив него и так торжественно, так по-взрослому весомо произносит: «Я буду художницей!» Худенькая, со смешными косицами и с исцарапанными коленками, вся повытянувшаяся, но ещё совсем ребятёнок - и всё же, всё же незнакомо иная, будто вот-вот уже и взрослая.

«Зачем я приехал?! Повидать её?! Только за этим? Да, теперь это стало главным. Её надо было повидать. Обязательно! Теперь это становится главным. А раньше, когда потянуло в родной город, когда решил ехать, ты почти не думал о ней - о своей дочери. Ты думал о другом. -О чём же?! Всё оборвано здесь. О чём же ты думал?! Всё враждебно здесь ' тебе. О чём же ты думал? Куда, к кому ехал?!»

- Опять, опять ты задумался?! - Таня порывисто поднялась и прижалась к отцу, дичась ещё его и не умея сдержаться. - Папочка, ну

зачем у нас всё так? Говори! Ты обещал мне всё-всё объяснить! Говори!

- Прямо сейчас? - тревожно напрягшимся голосом спросил отец.

- Если можешь...

- Хорошо, Таня, давай поговорим. - Он поднялся. - Но только не здесь.

- Пойдём домой? - вскочила Таня.

- Нет, мы ходим по городу, ладно?

- Пойдём, - сказала Таня и, взяв отца за руку, первая вышла из узкого, пропылённого, с безглазыми стенами номера.

И побежала, не выпуская отцовской руки, по коридору. И, пока бежала, ни разу не вдохнула воздуха и ни разу не раскрыла прижмуренных глаз. Быстрее, быстрее отсюда!

Ей казалось, что едва они выбегут с отцом на улицу, на воздух, как в-сё сразу станет на свои места и сделается простым, и понятным, и близким, как и все вокруг в родном городе.

Дом воеводы первым открылся им, когда они выбежали из гостиничных ворот. Таня хотела было тут же и позвать отца в этот дом, столь памятный ей ещё по тем временам, когда они бывали там вдвоём. Войти бы и услышать те удивительные слова, которые произносил там отец, совсем так же, наверное, и такие же, какие говорились тут много-много лет назад, когда в доме воеводы был не музей, а жил настоящий воевода. Таня тогда не запомнила эти удивительные слова - звонкие, протяжные, нет, певучие. Она не запомнила смысл этих слов, лишь запомнила звук. Мала была, глупа. Теперь бы она запомнила. Но теперь, вот прямо сейчас, нельзя туда. Теперь, вот прямо сейчас, будет у Тани с отцом очень серьёзный разговор, самый серьёзный за всю её жизнь.

Таня, готовясь к этому разговору, вытянулась насторожённо, даже руки вытянула, как солдатик в строю, и неотрывно стала смотреть в глаза отца. Ну, говори же!

Отец будто не замечал её спрашивающего, её требовательного взгляда. Он медленно двинулся вперёд к Торговой площади, медленно, широко оглядывая все кругом. Он улыбался чему-то. Глаза тревожились, а губы улыбались, и морщинки у носа и в углах губ повыравнились, словно выбрались из своих глубин, и лицо от этого разгладилось, помолодело.

Таким, вот таким Тане помнился отец. Ей стало жаль спугивать его радостную минуту, и она решила повременить со своим разговором. Пусть его поглядится - ведь он не был здесь целых три года.

Они стали пересекать Торговую площадь, но не там, где шли другие прохожие и где был переход через площадь, а совсем иной дорогой. Эта дорога вела к ограде сквера, попросту никуда не вела - в том месте не было калитки. Но эта дорога шла в гору, выводила на самое высокое место площади, и отсюда всё было видно вокруг далеко и вширь. Помнится, отец всегда пересекал площадь в этом месте и всегда останавливался надолго у ограды сквера, вот тут, на самом высоком месте, подолгу стоял здесь, оглядываясь, раздумывая над чем-то. Вдруг скажет что-нибудь непонятное и опять надолго умолкнет. О чём он тогда говорил, Таня не помнила и это. Как же мало она запомнила об отце! Да, мала была, глупа. Но вот теперь, теперь ей уже тринадцатый год, и она всё теперь понимает и ничего теперь не забудет.

- Перемена, перемена, - проговорил отец вот так же, как и тогда, останавливаясь у ограды сквера. - Так, говоришь, там, за мостом, разольются воды Большой Камы?

- Да, представляешь, прямо тут вот, у рыночной площади. Но, конечно, никакого уже и моста не будет, и даже Ключевка наша утонет в Каме. Представляешь, Кама подойдёт и проглотит нашу Ключевку!

- Представляю. А где, ты говоришь, пристань задумали?

- А вон там! - Таня привстала на цыпочках, протягивая вперёд руку. - Вон там, повыше монастыря. А вокруг монастыря - остров.

Отец вдруг быстро обернулся и тоже вытянул вперёд руку:

- А там, на горе, говоришь, парк?

- Так вот же он, вон деревья!

- Маловат, - сказал отец, всматриваясь в даль из-под руки. - Маловат ещё.

- Понасажаем, - уверенно проговорила Таня. - Только вот козы. Знаешь, сколько у нас в городе козы деревьев погубили? Тысячи! Я всех

этих коз собрала бы в кучу да и отправила бы куда-нибудь в пустыню. Ведь пасутся же там овцы. Как думаешь?

- Большая Кама не одних только коз из города повыселит, доченька. Весь город тронется в путь.

- Как же это? - Таня засмотрелась на отца.

Он опять стал каким-то новым. И странно, Тане не понять было, радуется ли он сейчас чему-то или же, наоборот, чем-то очень огорчён. Какое-то смутное, взволнованное и притихшее разом было сейчас лицо её отца.

- А так вот, - сказал он. - Большая Кама станет диктовать здесь свои законы. Вот уж и парк из Заречья на гору перенесли. Пожалуй, километра за три отсюда и на самое высокое место в городе. А был парк в низине. Разве это не перемена?

- Перемена, - охотно согласилась Таня.

- Огромное водное зеркало - и крохотный городок где-то сбоку припёка. Не смотрится ведь, а?

- Не смотрится, - кивнула Таня.

- Стало быть, всякий новый дом потянется в городе вверх, всякая новая улица раздастся вширь. Как думаешь, лучше будет?

- Конечно! - убеждённо сказала Таня, и ей даже на миг удалось увидеть вдруг раздавшийся вширь и выросший вверх её крохотный старинный городок.

Всё заблестело, засверкало перед глазами, так, что Таня даже зажмурилась. А когда вновь открыла глаза, городок по-прежнему низко и узко лежал на своём месте.

- Перемена, перемена, - задумчиво и вроде как печально снова проговорил отец. - Когда-то я мечтал о таком городе, дочь. Но города создаются не архитекторами, а велением времени. Пройдёт мимо города дорога - и город ожил, уйдёт дорога - и город замер. Знаешь ли ты, что когда-то через наш Ключевой проходила единственная до рога из Москвы в Сибирь и дальше, дальше? Великий торговый путь. Вот тогда-то Ключевой наш и стал расти, стал из селения городом, да всё крупнее, крупнее. Вот эти церкви да соборы - это всё свидетели его тогдашнего величия. Век прошёл, другой, и люди проложили иную дорогу, более удобную, более короткую, - отыскалась такая в Уральских горах. И стал хиреть наш город, сделался заштатным. А теперь вот не дорога, а целая река к нам подходит... Быть переменам! Теперь вот быть переменам!

- Хорошо бы! - мечтательно сказала Таня. - Ведь наш город когда-то был очень красивым. Просто удивительно каким! Я видела...

- Где же это ты видела? - улыбнулся отец. - Во сне?

Таня задумалась и ответила отцу не сразу.

- Почти как во сне, - сказала она наконец и прикрыла ладонью глаза - так ей легче было вспоминать. - Я видела наш город в доме у Черепанова. Знаешь, папа, какая удивительная у него там есть комната?!

- Ты была у Черепанова дома? - удивился отец,- О, да ты, я вижу, всерьёз с ним дружишь. Пожалуй, и десяти человек не сыскать в городе, которым бы Черепанов позволил проникнуть в свою мастерскую. И тебе было не страшно? Я сам как-то побывал у него раз и, признаюсь, чувствовал себя там неважно.

- Из-за петуха? - спросила Таня.

- Нет, пожалуй, из-за самого хозяина, - рассмеялся Николай Андреевич. - В тот вечер, помнится, мы с ним и поссорились.

- А из-за чего? - спросила Таня. - Почему?

- Давняя история, стоит ли вспоминать. - Николай Андреевич снова принялся обводить глазами по широкому кругу свой родной город. - А, вот уже и новые кварталы пошли! Ну-ну, как же вы их решили? Ширина верная, и место будто правильное, а вот сами домики могли бы быть и иными. Должны бы были быть иными. - Он глянул на дочь, энергичным движением руки как бы призвав её в свидетели.- Смотри, новое строительство, новая планировка улиц, а всё те же срубы избынные об один либо об два этажа. Рядом лес - вот и рубят избы. А надо бы нынче иначе тут всё строить. Стекла нужно больше, воздуха, лёгких конструкций. Гляньте, за бугром ведь Кама! Эх вы, избынных дел мастера! Ты согласна со мной, дочка?

- Согласна, - думая о чем-то своём, неуверенно кивнула Таня. - Но ведь Камы ещё нет.

- Будет. Сама же сказала, что будет.

- Обязательно, - кивнула Таня. - Папа, а потом ты так с Дмитрием Ивановичем и не помирился?

- Нет, так и не помирился.

- А давно это было? Это ещё когда ты учился рисовать у него?

- Да, это ещё когда учился рисовать. Давным-давно, Танюша, всё это было - позабылось уж.

- И правда ты позабыл, почему вы поссорились? Вспомни, пожалуйста, почему?

- Тебе это так важно знать?

- Важно! Я тоже, папа, с ним всё время ссорюсь. - Таня смущённо развела руками и виновато улыбнулась: мол, сам знаешь, как трудно ладить

с этим стариком. - Но потом я опять с ним мирюсь. - Таня снова развела руками и виновато улыбнулась.

- Ну, тогда слушай. - Николай Андреевич, припоминая, задумался, остановив взгляд на одной какой-то точке вдали.

Таня поглядела - отец отыскал глазами их улицу и смотрел сейчас туда, где сквозь ветви тополей проглядывали крыши - бурая черепановского дома и зелёная - их собственного. Вдруг ни о чём не захотелось больше Тане говорить с отцом, ни о чём не захотелось больше его спрашивать, а вот бы схватить его за руку и снова пуститься бежать. Через площадь, под гору, потом в гору, выбежать на главную улицу, свернуть по ней налево, а потом сразу вот и их дом. Калитку настежь - и бегом к двери. И дверь тоже настежь. «Смотри, мама, кого я привела!» А потом, потом...

- В те годы со стариком жили его сын и дочь, - заговорил отец негромко, голосом глуховатым, припоминающим. - Костя Черепанов был большим моим другом тогда. Большим моим другом была и дочь старика Лена. И вот Черепанов выгнал их из дома. Сперва сына, а потом и дочь.

- За что? - изумилась Таня.

- За непокорность. Он уже и тогда очень чудил, этот наш Дмитрий Иванович. Чуть что не по нему - и он взрывался и гневался, как какой-нибудь злой царь-государь из сказки. «Прогоню, не дам ни копейки, лишу, наследства!» - вот как он тогда покрикивал на своих детей. И прогнал, лишил наследства. Сперва сына, а потом и дочь.

- Что значит «лишить наследства»? - спросила Таня. - За что их он всё-таки выгнал? Они были плохими, может быть?

- Нет, они были хорошими, - опять глуховато, припоминающим голосом отозвался отец. - Особенно Лена. Добрая, мечтательная. Она хотела стать врачом, и она стала им, и, говорят, хорошим врачом. Понимаешь ли, угадала своё призвание. А отец не хотел никуда её отпускать от себя, запретил и думать о врачебной карьере. Сиди вот с ним дома да и стереги отцовы богатства! А когда она ослушалась, тайком уехала в Пермь сдавать экзамены в институт, он написал ей, чтобы не возвращалась. И ещё написал: в завещании своём, мол, тебя не упомяну. - Николай Андреевич засмеялся. - Он это своё завещание, Танюша, что ни год, то переписывает. То на дочь переписшет, совсем порвав с сыном, то на сына, совсем порвав с дочерью, а вот теперь, я слышал, какого-то самого дальнего родственничка специально отыскал, чтобы ему всё и оставить, назло своим непокорным детям. Костю он выгнал из дома за то, что тот против его воли осмелился жениться на какой-то проезжей, «без роду и племени», женщине. Да, крутой старик и несправедливый. Вот я ему тогда

это всё и высказал. А он распахнул дверь и только и сказал: «Убирайся!»

- Выгнал?! - ужаснулась Таня. - И тебя?!

- И меня, - улыбнулся отец. - Ну, тронемся дальше?

- Туда? - кивнула в сторону их дома Таня. И даже шаг сделала в том направлении. И даже потянула за рукав отца.

- Нет, доченька, не туда, - мягко сказал отец и шагнул. совсем в противоположную сторону. - Пойдём спустимся к Ключевке, поглядим на неё, покуда её ещё не проглотила твоя Большая Кама.

Таня повернулась и покорно пошла следом за отцом в противоположную сторону от их дома.

Вот она и река. Коварная?.. С норовом?.. Нет, совсем не такая. Её берега - как застывшие на бегу волны. Кажется, реке давно уже тесно в этих берегах. Она их и размывала, и ширила в половодье, и пробивала в них новые себе тропы. Но сходила вода, и берега снова сжимали реку в узкую, извилистую полоску. Непокорная - вот она какая. И ещё весёлая, вся в ключах. И теперь уж скоро, совсем теперь скоро раздадутся вширь её берега. Так широко, что и не видно будет с одного берега другой. Нет, их Ключевку не проглотит Большая Кама, нет, не так это всё будет. Просто они сольются, обе реки. Одна отдаст много-много своей воды, а другая свою прозрачность, быстрое течение, свои ключи.

Когда это случится - и вот здесь, от этого берега, уйдёт вдаль и вширь новая река, Таня обязательно отыщет в ней прозрачный с заветями след родной Ключевки.

Этот след будет виден всегда. Река не может исчезнуть. Даже в море, наверное, река не исчезает. Надо только зорче смотреть.

Отец, спускаясь к реке, невольно ускорил шаг, и Таня на узкой тропинке отстала от него. Она посмотрела ему в спину, она и не знала, что он так сутулится. Вдруг увиделась седина в его волосах, и худой и слабой показалась его шея. Это было горчайшим открытием для Тани. Она привыкла помнить отца громадным, могучим. Она запомнила себя рядом с ним крошечной. И вот он не такой уж и высокий, и седой, и сутулится. Прошло три года, что-то случилось очень нехорошее за эти три года у отца с матерью, и вот сколько во всём перемен. «Перемена... Перемена...» - вспомнилось Тани это печально произнесённое им слово. Да, перемена!

Спеша, спотыкаясь, она нагнала отца, забежала вперёд него, чтобы снова увидеть его лицо. Её обрадовало, что оно не такое уж грустное. В глазах отца ей почудилась даже радость. Она догадалась: он рад всему этому, что видит вокруг, он здороваётся со всем этим, здороваётся со своим родным городом. И это не только печальная минута, но и радостная.

- Мальчишкой я переплывал Ключевку по три раза без передышки, - приостанавливаясь, сказал отец. - А ты плаваешь? Когда я уезжал, помнится, ты ещё не умела.

- Научилась! - радостно сказала Таня. - В прошлом году. Правда, не очень ещё хорошо, но всё же плыву. Мен л Саша научил. Он говорит, если бы у нас вода была не такая холодная, я бы ещё лучше научилась.

- Хороший парень, - сказал отец.

Они снова тронулись в путь, стараясь теперь идти рядом по узкой тропинке.

- Да, он очень хороший, - кивнула Таня. - Он мой самый большой друг. Он такой же, наверное, друг, как и у тебя был... - Она внезапно умолкла, поспешно отведя глаза от глянувшего на неё вопросительно отца.

Долго шли молча; тропинка вывела их к самой воде, теперь они шли вдоль берега.

- Папа, - сказала Таня, останавливаясь. - А я видела дочь Черепанова, когда она была ещё совсем молодой, когда вы с ней дружили. Ведь вы же с ней дружили по-настоящему?.

- По-настоящему, - кивнул отец. - Нет, Танюша, ты не могла её видеть. Она давно уехала из нашего города, ты тогда была ещё маленькой.

- Я её видела, - сказала Таня. - Я её видела у Дмитрия Ивановича на картине. Он нарисовал картину - сирень в саду. Ночь и сирень. Мне сначала даже показалось, что у него там в доме нет стены, а вместо стены сирень. Но я знала, что у нас нет в городе такого сада с такой сиренью. И тогда я поняла: это картина. И девушки такой у нас в городе нет, какую он нарисовал в этой сирени. Я не встречала такую. Я спросила его, кто она, а он ответил: «Дочь». Вот видишь, я с ней и познакомилась. А потом даже вспомнила её, какой знала, когда была маленькой. Она правда очень хорошая, ласковая, задумчивая? Нет, всё придумала, я помню дочь Черепанова, когда она была сутулой, старенькой и всё молчком, молчком. Неужели та, что на картине, это тоже она?

- Я не знаю этой картины, - сказал Николай Андреевич. - Но ты права, Лена была очень хорошей, и ласковой, и, верно, часто задумчивой. Всё мечтала о чём-то. А потом жизнь погнула её, Таня. Конечно, она и тогда ещё была не старенькой, та, которую ты запомнила. Она совсем молодой была, но правда твоя: уже притихла, уже согнулась. Отец помог... Вот тебе, девчужке, она и показалась старенькой. - Он вдруг встрепенулся. - А я каков на твой взгляд? Ну-ка, отвечай!

Он распрямился перед дочерью, расправил плечи, делая всё это с подчёркнутой шутливостью. Он и улыбался сейчас весело-превесело. Вот только глаза не улыбались, пристально ожидающе глядя на Таню.

А она только эти глаза и видела.

- Не знаю, ещё не знаю, - сказала она, мучительно-трудно выговаривая слова. - Папа...

Она увидела, как тревожно вздрогнули его зрачки. Она поняла: это он испугался, что она снова сейчас попросит его начать с ней разговор о

самом главном. Тот разговор, который он ей обещал вчера, когда они прощались: «Завтра я всё-всё тебе объясню...» Вот и пришло это завтра, и он ничего ей не объясняет, и всякий раз вздрагивают его глаза, едва лишь она заговаривает с ним об этом.

- Папа... - Таня лихорадочно стала искать, какой бы задать сейчас отцу вопрос, чтобы не мучить его больше. - Папа, а что такое завещание? Вот ты говорил, что Черепанов переписывает всё время завещание то на одного, то на другого. А почему? Что это такое?

Отец понял и благодарно улыбнулся дочери:.

- Сейчас, сейчас тебе всё объясню...

Солнце заслепило воду у противоположного берега и на стрежне, и туда нельзя было смотреть. А их берега солнце ещё не коснулось, здесь было ещё прохладно и порывисто дул ветер, неся в себе горьковатый запах камышей. Так пахли камыши возле Камы. Значит, оттуда, с Камы, и ветер. Ему ничего не стоит пролететь мигом три километра и даже сбересть в себе этот влажно-горький, будто даже зеленоватый на цвет запах камышиных зарослей. Саша говорит, что так пахнет и на море. Он был раз с сёстрами на Чёрном море. Он уже во многих местах побывал - её друг Саша. Он и в Москве два дня жил. Проездом. А вот Таня так туда и не выбралась, хотя ей-то проще простого было поехать в Москву - там жил её отец, там строил он свои громадные и белые дома, похожие на океанские корабли. Нет, видно, совсем не проще простого было для Тани попасть туда, где жил её отец. Совсем не проще простого...

- Завещание, Танюша, - заговорил отец, - это такое распоряжение на бумаге, заверенное свидетелями, по которому человек оставляет после себя своё имущество кому-нибудь из родных или друзей. Поняла?

Таня кивнула.

- А у старика есть что завещать, - продолжал отец.- Вот ты видела его картины. Ведь это целое собрание. Там есть и ценные. Помнится, два этюда Кустодиева, рисунки Сергея Коровина, а одна из картин Ключевского кремля писана, кажется, Константином Фёдоровичем Юоном. Ему замечательно удавалась наша северная старина. Тут он бывал художником превосходным, по-настоящему самобытным. Помнишь, монастырская стена и звонница? Ты запомнила эту картину?

- Да, - снова кивнула Таня.

- Расскажи про неё. Нет, не оглядывайся на монастырь, а расскажи по памяти, как увиделась она тебе там, на картине. Ты же рисуешь, кажется? Вот и расскажи, художница, что вошло из этой картины в твои глаза?

Обернувшись к Тане, обняв её за плечи, отец полушутя будто выпрашивал её сейчас, но в голосе звучала у него серьёзность, и Таня поняла, что он ждёт от неё каких-то серьёзных, точных слов об этой картине, которая лишь мимолётно увиделась ей на стене черепановской мастерской.

Таня задумалась, уже привычно для себя прикрыв ладонью глаза - так часто делал Черепанов во время работы, - и стала вспоминать. Вновь увиделись ей не по-нынешнему белая монастырская стена, и её ожившая с колоколом звонница, и лес за стеной какой-то не нынешней синевы. И сразу, вместе с этими образами, пришло к Тане смутное чувство тревоги и тяжести, то гнетущее чувство, которое она испытала в мастерской Черепанова, когда хорошенько взгляделась в древний лик своего Ключевого и будто увидела на его улицах городского чудака, согбенно и хмуро бредущего куда-то с озверелым, кудлатым петухом на плече.

- Он только издали красивый, этот монастырь, - сказала Таня, медленно, словно вглядываясь, произнося слова. - А на самом деле он страшный. И колокол у него звонит страшно. Бум! Бум! Бум! Ворота - как в крепости. Стены - как в крепости. Если уж войдешь туда, то не выйдешь. А издали он лёгкий, белый, приветливый. И всё равно видно - страшный.

Отец остановился и за плечи обернул к себе дочь и снова пристально поглядел на неё. Он уже много раз со вчерашнего вечера пристально всматривался в неё, но сейчас он как-то посмотрел по-новому. Как - Таня не поняла. И только почудилось, что отец посмотрел на неё уважительно, или нет, удивлённо, или, может быть, обрадованно. Но нет, с чего бы это было ему так на неё смотреть? Она ничего такого сейчас не сделала и не сказала, за что бы он мог её похвалить. А уж удивляться ей и вовсе незачем.

Спроси он у неё, как полагается отцам, о её школьных успехах, и ей бы пришлось признаться, что учится она совсем не так уж хорошо. Недаром же сказала её классная руководительница, что Таня Васильева могла бы учиться куда лучше, что она пока «ни то ни сё».

Таня решилась и прямо тут же выпалила об этом отцу:

- Знаешь, папа, а у меня в дневнике троечек, как гусят в пруду!

Ох, как же ей хотелось, чтобы отец, как оно и положено всем отцам, потребовал сейчас её школьный дневник и стал бы подшучивать над ней и даже бранить её - пусть даже бранить её - за каждую тройку!

- Таня! Таня! - услышала она вдруг Сашин голос, прозвучавший хоть и приглушённо, но совсем близко.

Она порывисто оглянулась - у берега никого. А Сашин голос уже снова звал:

- Сюда, сюда гляди!

Немного отступя от берега и неподалёку от того места, где стояли сейчас Николай Андреевич и Таня, мрачно высилось чёрное, из помертвелых, трухлявых брёвен строение. Башня не башня, амбар не амбар. Только под самой крышей крохотные, как дыры, оконца. Таня знала, когда-то, очень давно, в таких вот амбарах вываривалась в чанах поваренная соль. Теперь эти башни, те, что ещё уцелели, стояли без дела, заброшенные, вот-вот готовые рухнуть. Таня боялась заходить в них. Внутри они были совсем уж страшные, со своими какими-то свистами-присвистами, скрипами и вздохами. В иных ещё уцелели громадные чаны для варки соли, в иных были свалены какие-то проржавелые части машин, или тюки с паклей, или дранка и ещё что-то совсем уж бросовое. Сторожей здесь не полагалось, замков на дверях не было.

- Сюда, сюда гляди! - снова позвал Сашин голос.

- Да вот же он, - сказал Николай Андреевич, протянув руку.

Таня глянула и увидела в дыре-оконце под самой крышей башни Сашино смеющееся лицо. Как он туда забрался? Она сразу страшно за него испугалась и крикнула:

- Слезай! Башня сейчас упадёт! Слезай, говорят!

Саша в ответ только ещё отчаянней высунулся в оконце. Ему, наверно, было там хорошо, наверху. Видно вокруг далеко, может быть, даже Каму оттуда видно. Но всё-таки там страшно. И с земли можно заметить, как покачивается на ветру эта ветхая башня. А если вслушаться, то слышен станет скрип её брёвен, не одного или двух, а всех сразу, всего сразу ветхого сруба. Страшно!

- Вели ему слезть! - обернулась Таня к отцу. - Он тебя послушается.

- Ни за что на свете! - весело сказал Николай Андреевич. - Он теперь никого не послушается. Я помню, я тоже вот залезал туда. Сколько лет прошло, а всё ещё помню. Видно, смелые минуты в жизни всегда запоминаешь, Таня.

- Смелые минуты? - переспросила девочка. - А что это такое? что такое? А вот давай спросим сейчас у Саши.

Они подошли к башне. Двери-ворота в неё были полуотворены.

- Войдём, - сказал отец и взял дочь за руку. - Не бойся, этот сруб ещё сто лет простоит. Кедровые бревнушки-то.

Их обступила темнота, правда недолгая, - глаза стали быстро

привыкать, и вот уже увиделись тюки пакли и мрачные стены со светящимися под потолком оконцами. И там, под потолком, на ветхих стропилах Таня разглядела своего Сашу, и не только его, но и неизменных его спутников: Егора Кузнецова, Мишку Котова и даже тихого и робкого Васю Ларионова.

Тане стало обидно: вот даже Вася и тот взобрался туда, под самый потолок, и, кажется, чувствует себя там вполне хорошо.

- Плохо быть девочкой! - горестно шепнула она. - Вот я смелая, а всё равно боюсь туда лезть. А Мишка или Вася хоть и не смелые, а полезли... Ребята, вам там не страшно?! - с надеждой на их чистосердечное признание, что им там всё-таки страшно, громко окликнула Таня своих друзей.

- Не-е-т! - слабым голосом отозвался Вася. - Не очень!

«Ага, страшно!» - обрадовалась Таня. Обрадовалась и сразу успокоилась.

- Ну слезайте, довольно героев изображать! - скомандовала она. - Вася, ты-то хоть слезь! Они же на два года тебя старше, пусть и лазят!

- Сейчас слезу, - покорно отозвался мальчик, но с места так и не сдвинулся. Он сидел на балке надёжно, обеими руками держась за выступ окна.

- А слезать-то труднее, чем залезать, - смеясь, сказал Николай Андреевич. - Верно?

Вася не ответил. Его старшие товарищи, желая продемонстрировать свою удаль, прыгая с балки на балку, направились куда-то в чердачную глубь, а Вася так и остался на месте.

- Сейчас я тебе помогу! - Николай Андреевич вскочил на ближайший тюк с паклей, потом перепрыгнул на другой, потом ещё на один и стал быстро подбираться к Васе.

Таня и слова вымолвить не успела от удивления, как отец уже сидел верхом на балке под потолком. Похоже было, что ему там очень понравилось. Он весело, громко рассмеялся и, совсем как мальчишка какой-нибудь, озорно помахал Тане рукой.

Вернулись к окну Саша, Егор Кузнецов и Мишка Котов. Их тоже изумило, с какой быстротой и ловкостью взобрался к ним наверх этот совсем уже немолодой дядя.

- Вот это вы здорово! - уважительно сказал Саша, протягивая Николаю Андреевичу руку. - Это Танин отец, - поясняя, оглянулся он на ребят. - Как же это вы, а? Тут ведь знать надо, где куда лезть.

- А я и знаю! - странно молодым голосом отозвался Николай

Андреевич.

Таню изумил этот звонко зазвучавший голос отца. Изумил и обрадовал. Такой вот голос помнился ей из прежних лет. Такой вот самый, звонко-молодой голос.

- Вас ещё и на свете не было, ребята, - оживлённо говорил наверху отец, - а я уже тут все углы облазил. А вы как думали? Думали, что мальчишечье племя только с вас началось? Ну, давай лапу, и посыпались вниз! - Отец протянул Васе руку, и тот сразу же доверчиво ухватился за неё.

Отец смело выпрямился и прыгнул, подхватив мальчика, на смутно видневшийся под ногами тюк. Потом на другой, на третий, и вот уж - Таня только глаза успела разжмурить - они и на земле, и рядом с ней - отец и Вася.

А следом за ними, точно так же отчаянно прыгая, спустились на землю Саша, Егор Кузнецов и Мишка Котов.

- Какие же вы молодцы! - вырвалось у Тани.

Она подбежала к отцу и прижалась к нему, совсем не стыдясь ребят, хотя не могла не знать, что такие вот нежности им не понравятся. Но ведь это был не просто там ка-кой-то родитель, а был это смелый и весёлый человек, который только что не хуже самого Саши влез на балку под потолком, а потом ловко и смело «ссыпался» вниз. И ребята не осудили её порыв и, похоже, отнеслись к тому, что девчонка обнимается у них на глазах с отцом, как к должному. Саша даже сказал одобрительно:

- Чего ты удивляешься, он же у тебя знаешь каким спортсменом был? - Саша подошёл к Николаю Андреевичу и, подравнявшись с ним, померился ростом. - Да, рост! А вы ещё играете в волейбол?

- Иногда! - всё тем же молодо оживлённым голосом отозвался Николай Андреевич.

Ему здесь нравилось. Он чуть запыхался от своих полётов и чуть-чуть внутренне уже усмехнулся сам над собой, но радостное возбуждение, пришедшее к нему, и какая-то внезапная умиротворённость не оставляли его.

«Правильно сделал, что приехал! - подумалось вдруг. - Дочку хоть поглядел. Славная. Нет, не потому, что я отец, а потому, что это так, - она у меня хорошим человеком растёт. Художница? Да неужели?! В тебя?.. А ты-то кто?..»

Последняя мысль словно зажгла внутри него огни и помогла заглянуть в какие-то самые-самые глубины свои. Что-то внезапно нашло, нахлынуло, вспомнилось, дотронувшись будто пальцем до сердца.

Николай Андреевич оглянулся удивлённо, увидев разом трухлявые

стены и свалывшуюся паклю, услышав разом запах тлена и пыли, и заспешил, увлекая Таню, к выходу.

- На воздух, на воздух! И что это вы тут делаете, ребята, в такой духоте?

Саша решительно заступил ему дорогу.

- Другому бы не показал, а вам покажу. - Он обернулся к друзьям. - Покажем, а? Да я и Тане обещал.

- Ну-у-у! - недовольно протянул Мишка Котов. - А говорил - тайна.

- Тайной и останется! - быстро проговорила Таня. - Ты, что же это, Мишенька, забыл, что я про все ваши тайны знаю? Ну скажи, проболталась я хоть раз, скажи?

- Раньше этого не было, - уклончиво ответил Котов. - А теперь, глядим, ты в сторону подалась.

- Это ты из-за Черепанова, да?

- А что, пара он тебе, компания? Он в нас, если хочешь знать, из ружья в своём саду стрелял. Убить мог.

- Когда стрелял?! - вскинулась девочка. - Что ты болтаешь?

- Не болтаю, а правду говорю, - с несвойственной ему серьёзностью отчеканил слова Мишка. - Ну, залезли мы к нему в сад - подумаете, невидаль какая! Так уж надо и палить? Из обоих стволов? Прицельно? А хочешь, я тебе три дырки на пиджаке покажу от его дроби?

- Покажи, - сказала Таня, с такой поспешностью шагнув к Мишке, что даже запнулась.

Но тот лишь шутейски развёл руками:

- Дома пиджак-то. Вот пойдём мимо - покажу. Да ты что, не веришь мне? Так спроси у ребят.

- Правда стрелял?

Таня испытующе и очень серьёзно повела глазами по лицам своих товарищей, задержалась взглядом на Васе. Он-то ей неправду не скажет. Либо промолчит, если дал слово ребятам молчать, либо уж выложит всё, как есть.

- Стрелял, - мрачно проговорил Вася. - Злобный он у тебя. В саду ещё ничего не созрело толком, а уж он палит. И, знаешь, настоящей дробью. Листья так и посыпались.

- А зачем тогда лезли, если ничего не созрело? - осведомился Николай Андреевич, всё это время с интересом слушавший разговор ребят.

- Для разведки, - басовито-ломким голосом пояснил степенный Егор Кузнецов. - Мы думали, что сейчас он не караулит.

- Да, обстоятельные вы ребята, - усмехнулся Николай Андреевич. -

Всё, значит, согласно военной науки?

- А как же! - кивнул Егор. - Знакомство с местностью - первое дело. Учтите, у него там засады, ловушки.

- Он не смел стрелять, - сказала Таня. - Он не смел!..

Николай Андреевич быстро оглянулся на дочь. Его поразил её голос, не по-детски вдруг горестный и с какой-то жёсткой, непрощающей нотой.

- Я больше никогда... - сказала Таня. - Больше никогда... Он не смел стрелять в них, даже если бы они растащили весь его сад и весь его дом. Ведь он мог убить!..

Она судорожно сжала губы, задумалась. Худенькая, длиннорукая, с исцарапанными коленками, в коротковатом платице - совсем ещё девочка, ребёнок. И какая-то очень уж строгая, по-взрослому опечаленная, по-взрослому сама по себе, сама со своими думами.

Отец взгляделся в неё, и внезапная тревога сжала ему сердце. «Она всё понимает, - подумалось ему. - С ней уже нельзя как с ребёнком. Ей надо говорить всё, до конца».

И ребята тоже во все глаза смотрели сейчас на Таню, на свою девчонку-сотоварища по играм и всяким там озорным затеям. Что-то новое открылось в ней и для них. Какой-то ещё один шагок сделали они в своей жизни, ещё на один шагок повзрослели, угадав эту взрослость в своей приятельнице, поняв, что она не зря, совсем не зря так горестно восприняла их рассказ. Она отрешалась сейчас от человека, который был ей дорог, рвала с ним душевные нити, что уже привязывали её к нему и к его делу, которому он принялся её обучать. И всё потому, что он посмел стрелять в них, чего нельзя было делать, даже если бы они растащили весь его сад и весь его дом.

- Ну ладно, - сказал Саша. - Ну, это ты уж слишком. Может, старик и не целился в нас. Просто попугать вздумал.

Он подошёл к Тане и, словно разбудить её хотел, тихонько дёрнул за выпрямленную напряжённо руку.

- Вот что, пойдёмте лучше сюда. Смотрите вот!..

Не выпуская руки Тани, Саша вспрыгнул на тюк пакли, помог вспрыгнуть Тане и повёл за собой с тюка на тюк, как по какой-то потайной тропе, в самый дальний угол варницы. Оглянувшись, кивком головы он позвал за собой и Николая Андреевича. Тот, не раздумывая, тоже вспрыгнул на тюк и пошёл с тюка на тюк по этой неведомой тропке следом за Сашей и дочерью.

- А клялись! - недовольно пробурчал Мишка Котов. - Эх, Саша!

Но и он тоже вспрыгнул на тюк, с которого начиналась дорога к их тайне. За ним следом двинулись и Егор Кузнецов и Вася Ларионов.

Оказывается, целые коридоры были проложены в башне среди этих неведомо как давно завезённых сюда да и забытых тюков. Чьи-то руки так хитро разместили их, что были тут и проходы, и своды, и даже тайники с отгороженными фанерой входами.

- Твоих рук дело? - спросил Николай Андреевич Сашу, нагнав его в узком проходе, который упирался уже в настоящую, из досок, дверь. - Когда мы тут лазили, этого ничего тут не было.

- Да так, кое-что передвинули с ребятами, - уклончиво ответил Саша.

- Тайная штаб-квартира? - догадался Николай Андреевич.

- В этом роде. Ну вот, смотрите!..

Саша отомкнул какой-то стародавний, с секретом, замок и, попятившись, широко распахнул дверь.

Дневной свет, едва тлевший здесь, чуть поприбавился. За дверью, через невидимую щель в стене, пробивался в варницу солнечный луч. Очень скудный, узенький, но и его всё же было довольно, чтобы что-то можно было разглядеть в комнатёнке из пакляных стен, в которую ввёл Таню и Николая Андреевича Саша.

Эта комнатёнка оказалась складом, нет, не складом, а, пожалуй, выставкой каких-то ветхих предметов. Тут были самые неожиданные вещи. Постепенно, когда глаза освоились с тем скудным светом, который проникал сюда из невидимой щели в стене, Таня и Николай Андреевич обнаружили, что попали в общество удивительных вещей. Непременно старых, ржавых или траченных молью. Чего только тут не было! У самого входа лежала громадная для этой комнатёнки надгробная плита. Буквы на плите поистерло время, и слов нельзя было прочесть. Тут же, рядом с плитой, высился тёмного дерева ящик. Николай Андреевич пригляделся и

не мог сдерживать улыбки: шарманка. С отбитой ручкой, с повреждёнными боками, ни дать ни взять - та самая, которую тщетно навязывал Ноздрёв Чичикову со щенком в придачу.

Николай Андреевич об этом и сказал вслух:

- Что, не ноздревская ли шарманочка-то? Вы «Мёртвые души» ещё не проходили?

Обидчиво дёрнув головой на насмешливое замечание Таниного отца, Саша ничего не ответил ему и только повёл рукой вдоль стенок своего убежища - смотрите, мол, после поговорим.

А на стенах и прямо на полу, весьма причудливо соседствуя, разместились тусклые иконки, с изъеденными переплётками толстые книги, и вдруг кузнечные ножницы для резки железа, видно старые-престарые, и вдруг побитый, помятый медный таз, и высокая меховая шапка, какие не носят уж давным-давно, - целая страна для несметных полчищ моли.

Много ещё было всякой всячины в Сашинем убежище - всего сразу и не разглядишь да и не сразу про иную вещь догадаешься, что это такое. Просто старьё? О нет! Николай Андреевич не столько по виду всей этой коллекции, сколько по напряжённо-порывистым движениям мальчика, по его спрашивающим, готовым то обрадоваться, то обидеться глазам, понял, что вся эта груда дряхлых вещей, собранная здесь Сашей и его друзьями, всерьёз дорога им.

- Музей? - догадался Николай Андреевич.

Саша просиял.

- Вот, собираем потихоньку, - проговорил он как можно равнодушной, но радость и гордость так и звенели в его голосе.

- А что, ценно? - хвастливо спросил Мишка Котов. - Тут у нас есть такие экспонатики, которых и в городском музее не сыскать.

- Это верно, - мягко согласился Николай Андреевич. - А что это у вас за надгробье, ребята? Чьё оно? Каких времён?

- Исследуем, - солидно подал голос Егор Кузнецов. -

Буквы от древности истёрлись, да и заковыристые они какие-то.

- Называется «славянская вязь», - пояснил Вася Ларионов. - Я старинный букварь достал, теперь будем изучать.

- Это дело, - покивал Николай Андреевич. - Ну, а почему вы, ребята, забились со всей этой стариной в такую темь да тесноту? Не лучше ли было собирать вам этот музей прямо у себя в школе? Вам бы и учителя помогли охотно. Учитель истории там, литературы, географии. Им-то вы хоть рассказали о своей затее?

- Нет! - нервно распрямляясь и уже готовый к спору, к возражениям, запальчиво проговорил Саша. - Так не интересно - в школе, с учителями. Интересно вот так, как мы. Когда сами! Вот соберём, отыщем что-нибудь совсем удивительное, древнее, расшифруем все самые древние надписи - вот тогда пожалуйста.

- Что - пожалуйста? - спросил Николай Андреевич, стараясь заглянуть в Сашины глаза.

Как ни темно здесь было, а глаза мальчика сейчас свергались таким горячим изнутри светом, что будто прибавляли света и этой конуре.

- А вот тогда пускай и смотрят! - Саша широко раскинул руки движением щедрым, дарящим.

Нет, ему не жалко было своих сокровищ, но он хотел всё сам, только сам сперва сделать, собрать, изучить, а уж потом, пожалуйста, смотрите.

- В одиночку, ребята, вам всё же такое дело не одолеть, - осторожно заметил Николай Андреевич.

- Одолеем! - почти вскрикнул Саша. - Вот увидите!

Николай Андреевич хотел было возразить ему, но вдруг как за руку себя схватил: «Да что же это я делаю?!» Он понял, что начинает убивать ребятам Игру.

- А знаете, ребята, что и ещё одна очень большая старина есть тут у вас под рукой? - спросил Николай Андреевич, искренне обрадовавшись, что отыскал сейчас в своей памяти нечто такое, что может оказаться интересным для ребят.

- Что?! Где?! - загорелся Саша.

- Вот эти вот стены, - сказал Николай Андреевич, положив руку на некогда могучее, а ныне ноздреватое, истлевшее бревно башни. - Эти вот соляные варницы стоят здесь с незапамятных времён. Подумайте, вот этот сруб сложен строгановскими крепостными мастерами, может, ещё при Петре Первом. Вот уже когда началась здесь работа, стали качать здесь из-под земли соляной раствор, а потом выпаривать из него «торговую» соль.

- Да, мы знаем, что это очень старые постройки, - сказал Саша. - Но только, что такие старые, этого мы не знали. Ведь Пётр Первый царствовал в начале восемнадцатого века. Как же это было давно!

- Тогда наш город был большим и важным, - сказала Таня, вспомнив то, что рассказывал ей сегодня на площади отец. - Он был торговым, через него проходил путь из Москвы в Сибирь и дальше... - Она замялась, но ненадолго. - И дальше - в самый Китай. Правда, папа?

- Правда. Только это было всё ещё до Петра. Задолго. Наш ведь городок очень древний, ребята. Это вы правильно задумали собрать о нём

свой собственный музей. А вдруг и верно отыщете что-нибудь такое древнее, такое удивительное, чего и ни в одном большом музее нет! - Николай Андреевич мысленно выверил то, что только лишь говорил сейчас ребятам: «А не слишком ли это я усердствую?» Нет, он не словил себя на фальши, на желании, столь частом у взрослых, понравиться ребятам без особого труда, несколькими словами завоевать их расположение. Нет, его и вправду увлекла эта ребячья затея, этот их поиск: а вдруг найдут что-нибудь настоящее?! - Только вот что, ребята, искать старину надо по-серьёзному, со знанием дела, - заговорил он с той озабоченностью искренне увлечённого человека, которую на себя специально не напустишь.

И ребята разом почувствовали эту в нём серьёзность и обступили его, готовые ловить каждое его слово. Он им начинал нравиться по-настоящему, взрослый этот человек, отец их Тани, вдруг объявившийся здесь спустя три года. А ведь и ребята кое-что знали про Таниного отца, и до них доходили кое-какие слухи. Взрослые разговаривают, а ребята слушают.

- Прежде всего надо прочесть кое-что по археологии, - продолжал Николай Андреевич. - Надо научиться брать эту самую старину. Наука эта труднейшая, но очень увлекательная. Хоть первый шаг в этом направлении сделайте и то будет замечательно. Знаете...

Но больше ничего уже не успел сказать Николай Андреевич. Заскрипели ржаво двери башни, послышались издали чьи-то голоса, шаги. Саша так и присел, горестно схватившись за голову:

- Сестрички! Разыскали!

И верно, мужественно вступив в тёмные недра башни, уже подбирались к Сашину тайнику, перекликаясь, две его зеленоглазые сестрицы.

- Саша, где ты? - вкрадчиво вопрошала сестра Оля, та, что была следователем.

- Сашка, немедленно вылезай на воздух! - мужским голосом приказывала сестра Лиза, та, что была хирургом.

Саша кинулся к ним навстречу, шепнув ребятам и Николаю Андреевичу:

- Давайте лучше выйдем, а то они и тайник найдут!

Встреча состоялась в дверях башни. Двери были сейчас распахнуты настежь, и в башню столько сразу проникло солнечного света, сколько, пожалуй, не проникало за все последние сто лет.

- А-а, так и вы тут, Коленька? - елейным голоском приветствовала Николая Андреевича сестра Оля. - Впрочем, мы были готовы встретить вас в этом обществе.

- И в этом месте! - басовито подхватила сестра Лиза. - Как же, романтика! Не беда, что дети дышат ну попросту грязью! Ох, уж эти мне романтики-путешественники! Николай Андреевич, нам надобно серьёзно поговорить!

- Хорошо, - покорно наклонил голову Танин отец.

- И немедля! Ребята, марш вперёд! - скомандовала сестра Лиза. - Никаких возражений! Живо!

Ребята покорились беспрекословно. Не такие были у Саши сестры, чтобы вступать с ними в спор.' С одной нельзя было спорить - накричит, с другой тяжело было спорить - изведёт своими тихонькими язвительными замечаниями. Да ну их!

И ребята потащились гуськом в сторону города, поначалу храня горделивое молчание. Впереди - Мишка Котов. Он просто до судорог боялся Сашиных сестёр.

Таня было задержалась, глядя на отца, а вместе с ней задержался и Саша. Но Николай Андреевич махнул им рукой, чтобы уходили. Таня поняла, что так надо, так будет лучше сейчас, хотя ей очень не хотелось оставлять на растерзание этим двум тёткам своего отца.

Молча, понурившись, пустилась она в путь. Саша - следом.

Ребята окликнули их, но Таня даже не оглянулась. Она пошла совсем не той дорогой, какую выбрали Мишка Котов, Егор и Вася. Они двинулись напрямик и скоро вышли на шоссе, сразу же втекавшее в город. А Таня выбрала тропинку, которая сперва спускалась к реке, а уж потом начинала круто подниматься к городу, к белым на холмах колокольням. Этой тропой Таня не раз ходила с Черепановым. Он называл её «обзорной». Виден не только город, но и река вдаль, но и лес за рекой, и даже совсем уже далёкие трубы бумажного комбината где-то в лесу. Тропа так вьётся, что то одно, то другое открывается глазам. А есть место, где все вдруг становится видно сразу. Это на самом верху, когда - взойдёшь на бугор. Там тропа ширится, будто вкруг идёт. Оглядывайтесь! Это место старик называл «панорамным». Здесь они обычно останавливались передохнуть, а иногда и работали. Теперь этой тропинкой Таня никогда уже не пройдёт вдвоём с Черепановым. Никогда?.,

Саша нагнал её, тронул за локоть.

- Ты всё молчала там, тебе не понравилось? - спросил он.

- Понравилось, - быстро сказала Таня.

Ей не хотелось сейчас разговаривать, пусть даже и с Сашей. И потом, ей не очень-то там понравилось - в его конуре. Всё было тусклым, безглазым. Она смотрела на Сашины тусклые эти сокровища, а вспоминалась ей чудо-комната старика Черепанова. И ещё горше делалось на душе от этого сравнения.

- Нет, тебе не понравилось, - не скрывая огорчения, сказал Саша. - Но ты просто не разобралась ещё. Да там и темно слишком. Вот погоди, вытащим всё на свет, вот тогда... Между прочим, отец твой в этом деле разбирается. Он как глянул, так у него даже глаза заблестели.

Таня, соглашаясь, кивала словам своего друга, но вряд ли даже понимала то, что он ей толкует. Она думала про своё - про всё как-то сразу. А про то, что никогда больше не пойдёт к Черепанову, и про то, как худо, наверное, её отцу, с которым о чём-то там - и о чём же это? - решили поговорить Сашины милые сестрицы, и думала ещё она о маме всё то время, что была с отцом, и вот сейчас тоже думала она о ней. Таня и не знала, что так можно - думать сразу и об одном и о другом, огорчаясь сразу и из-за одного и из-за другого. Она не знала, что так бывает: куда ни погляди, о чём ни подумай - всё пасмурно, тревожно, безысходно. Оказывается, бывает.

- Ты о чём это? - спросил Саша. - О чём это ты всё думаешь?

- Не знаю, - растерянно сказала Таня.

Она не умела врать своему другу, да она бы и сама рада была рассказать ему обо всём, о чём думалось ей, если бы могла сама во всём

этом хоть как-нибудь разобраться. Но она всё же попробовала рассказать:

- Я думаю про маму - ей плохо сейчас. И про отца - ему тоже плохо. А про Черепанова я не хочу думать, но тоже думаю. Вот про это про всё я и думаю. - Она вдруг встрепенулась, вытянулась вся, как человек, увидевший в сплошном тумане солнечный проблеск. - Саша, я побегу к маме. Она в суде, но я не буду ей мешать. Я только погляжу на неё - и всё.

- Что за спешка? - недовольно сказал Саша. - Что, ты дома её не увидишь? Пойдём лучше со мной. Я тут с одной старушенцией договорился насчёт всякой там старины. Пошли?

- Нет, Саша, мне нужно увидеть маму. Прямо сейчас. До свидания, Саша, я побежала!

Таня вскинула руки и побежала. Бежать было легко - тропа в этом месте начинала путь под гору.

Вскоре тропа снова стала подниматься в гору, и Тане пришлось остановиться. Она перевела дыхание и пошла дальше уже шагом. Вот уж и город начался, вот уж и улица, в конце которой стоит старый и большой дом - один этаж кирпичный, а другой деревянный, - где помещается городской народный суд. Там сейчас мама. Который год она работает там судьёй, но Таня ни разу к ней туда не заходила. Нельзя! Мать объясняла: «Это не для ребят, Тянюшенька, место». Помнится, услышав это объяснение, отец, улыбнувшись, добавил: «Да и взрослым лучше бы было туда не заглядывать».

И вот Таня шла сейчас туда, сперва даже бежала, а теперь шла, и всё медленнее, чем ближе подходила к этому суровому дому, чтобы хоть в дверную щёлочку увидеть свою маму. Ей обязательно нужно было сейчас её увидеть. Непременно сейчас. Какая она? Тане запомнилась она со вчерашнего вечера - сама не своя, испуганная, растерянная. Не может быть, чтоб это не прошло у мамы. Таня привыкла видеть её всегда смелой, молодо весёлой. Почти всегда, почти всегда, если только не находила на неё какая-то смутная минута. Таня поняла теперь: эти смутные минуты приходили к матери, когда она вспоминала о своей ссоре с мужем. Таня вспомнила, что отец так ничего ей не объяснил про эту ссору. Обещал и не объяснил. А сейчас об этом же самом спрашивают его въедливые Сашины сёстры. Таня его пожалела, они не пожалеют...

Вот и дом с красным кирпичным первым этажом и зелёным деревянным вторым. Мама рассказывала, что когда-то здесь жил самый богатый в городе купец. А теперь вот здесь судят нечестных людей. ^

Таня вошла в узенький палисадник, где росли пыльные кусты акаций и никак не принимались цветы на клумбах и чахлая ещё росла одна-единственная рябина, вошла туда и сразу потеряла остатки мужества. Отворить эту тяжёлую дверь, войти в этот хмурый дом, куда иных людей - Таня сама видела - вводят даже под конвоем, она ну просто не могла себя заставить. Она подошла к зарешечённому окну - все окна на первом этаже были забраны в решётки - и заглянула через стекло в дом. Ей посчастливилось: она почти сразу увидела там свою маму. Большой зал, как в каком-нибудь кино, и людей битком, как в кино на самой интересной картине, а в конце зала за столом стоит мама. Незнакомо прямая, с незнакомо строгим лицом. Как бы ни сердилась дома на неё мать, так вот

строго она никогда не глядела. Она что-то говорила, что - Таня не слышала. Можно было только угадать, что слова мама произносит сейчас строгие и не спешит с ними, чтобы те, кому она их говорит, хорошенько зарубили себе всё на носу.

А те, к кому обращала она свои строгие слова, те два стоящих за загородкой человека, уже не молодых, даже старых, будто согнулись под тяжестью этих слов и даже не смели поднять на людей глаза.

«Она их сейчас судит, - подумала Таня со смутным чувством гордости и страха за свою мать. - Судит! - И вдруг вспомнила: - А там, там теперь судят отца!» Она порывисто оглянулась на реку, нашла глазами чёрную громаду амбара-башни, которую построили ещё вон когда - при Петре Первом, искала поблизости своего отца, но никого не увидела.

Мама кончила говорить, и вдруг в зале все зашумели, захлопали, как в театре, когда кончится интересный спектакль. Тане показалось, что это её маме все хлопают. Таня обрадовалась: значит, мама рассудила всё правильно. Да, она справедливая!

А те двое, которых мама судила, так и остались понуро стоять за своей загородкой. Им сейчас плохо, совсем плохо. Но люди вокруг хлопают, значит, мама всё сделала правильно. Она справедливая!

А вон там - Таня снова оглянулась на реку, - там судят сейчас её отца. Да, он виноват, он уехал от них, он бросил их на целых три года. А мама говорит, что он обидел их. Странно, как-то это всё не похоже на него. Но это так -1 он уехал, пропал на целых три года, он обидел их. Каково-то ему сейчас?..

Сперва всё шло, как оно и должно среди старых друзей, ещё школьных лет друзей, после долгой разлуки.

- Ну, здравствуй, - сказала дружелюбно Николаю Андреевичу Лиза Чижова и даже постаралась смягчить свой голос. - С приездом, Коля.

Они никуда не пошли, и разговор их начался тут же, прямо в дверях древней башни. Проследив глазами, как расходятся в разные стороны прогнанные ими ребята, сёстры чинно уселись на тюки пакли, приглашая сесть и Николая Андреевича. Двери в башню были распахнуты, солнце светило у входа ярко, повытравив своими лучами затхлый воздух, - лучшего места для серьёзного разговора и не найти. Впрочем, так ли уж был серьёзен этот разговор?

- А помните, девочки, как и мы тут с вами лазили? - улыбаясь и успокаиваясь, спросил Николай Андреевич.

Он сел между сёстрами, обнял их за плечи, и, переглянувшись, они

рассмеялись вместе, помолодев как-то сразу лицами, подобрев, отойдя от нынешних своих взрослых-превзрослых забот.

- А как же, такое не забыть! - мечтательно проговорила Ольга Чижова, и в голосе её сейчас не было ни ехидцы, ни елея. Просто добрый, тихий голос.

- А на балку на самую верхнюю ты так забраться и не решилась, - напомнила ей сестра.

- Подумаешь, героиня! Залезть-то залезла, а снимал тебя Коля.

- Всё-таки залезла.

- Вот ты теперь и хирург.

- А разве следователю смелость не нужна? - спросил Николай Андреевич. Он совсем успокоился, ему было радостно сидеть вот так со своими школьными подругами, жмуриться на солнце и болтать - вспоминать про что-то далёкое и ласковое, как эти солнечные лучи.

- Следователю прежде всего нужна осторожность, - чуть поучая, сказала Оля. - Кстати, какие качества, позаимствованные из детства, пригодились тебе в твоей архитектурной деятельности?

- Да, Коля, чего ты там понастроил в первопрестольном граде Москве? - подхватила Лиза.

Они сидели, всё так же обнявшись и чуть покачиваясь из стороны в сторону, поглядывая друг на друга ласково-смеющимися глазами.

- Наверное, какой-нибудь дворец, а? - спросила Оля.

- Главный дворец мой ещё впереди, - сказал Николай Андреевич. - Так, участвовал в проектировании нескольких жилых домов. Теперь ведь, девчата, всё больше типовые проекты осуществляют, всё больше группами проектируют. Один - одно, другой - другое.

- Интересно? - спросила Оля.

- Ты-то что там осуществлял? - спросила Лиза.

- Если дома, просто дома, так, может, и не надо было уезжать? - спросила Оля. - Просто дома строятся и у нас.

- Зачем же тогда было семью бросать? - спросила Лиза. - У нас тут целую улицу за эти три года построили. У нас тут такое затевают, что...

Они всё ещё сидели обнявшись, но как-то вдруг неуютно стало Николаю Андреевичу сидеть между сёстрами. И солнце, будто нарочно, стало светить пожестче, стало припекать не по-северному всерьёз. Он поднялся и отошёл на несколько шагов от своих приятельниц, поискав у дверей место, куда заскакивал с реки ветер. Такое место нашлось, но и ветер не помог - амбарная духота вдруг ударила в лицо.

- Вот что, - сказал Николай Андреевич. - Вот что, вы уж лучше

спрашивайте обо всём прямо, без подходов. Валяйте.

- А мы уж и спросили, - сказала Оля, и голос её вновь обрёл привычный елей. - Расшифровать тебе наши вопросы?

- Мы спрашиваем тебя, Николай, ради чего бросил ты семью? - перебивая сестру, громогласно заговорила Лиза. Всё стало на свои места - и голоса, и взрослые морщины на лицах, вернувшие этим лицам нынешнюю озабоченность, нынешние тревоги. - Мы спрашиваем тебя, Николай, ещё и о том, зачем ты вдруг спустя три года прискакал сюда? Многие улеглось уже за эти три года, многое определилось. Не жестоко ли всё это вновь ворошить? Ты подумал о жене, подумал о дочери?

- Мы спрашиваем обо всём этом как друзья, и твои и

Машины, - миролюбиво проговорила Оля. - Пойми, три года - это слишком большой срок для эксперимента. Но, может быть, мы чего-то все катастрофически не понимаем в твоей истории?

- А он-то сам понимает? - окончательно вернув своему голосу этукую врачбно-хирургическую безапелляционность, спросила Лиза.

- Это было бы ужасно, если бы и он сам не понимал, что творит, - до предела используя своё умение говорить вкрадчиво, заметила Оля.

- Может быть, и ужасно, - отвернувшись от сестёр и тщетно ловя лицом куда-то подевавшийся с реки ветер, глухо сказал Николай Андреевич. - Теперь, когда разбираешься, всё кажется нелепостью, всё кажется вздорным, ничтожным. Но...

- Объясни, объясни - это очень интересно! - оживилась Ольга. - Смотри, Лиза, оказывается, для любого неблагоприятного поступка есть своё «но».

- Смотрю! Довольно жалкая картина!

- Но... - упрямо наклонил голову Николай Андреевич. - Это когда начнёшь разбираться. А сперва кажется всё иначе. Мне казалось, что мне надо уехать, обязательно надо уехать из этого крохотного городка. Я архитектор, а не строитель изб. Разве я был не прав, когда пустился в путь - в большой город, к большому делу? Не прав? Мне казалось, что мой отъезд ничего не нарушит. Жена не могла уехать - её выбрали судьёй. Я не мог остаться - мне нечего было тут делать. Разве всё это так уж фантастично, так необъяснимо?

- А что же случилось потом? - спросила Оля. - Почему твой отъезд стал смахивать на побег?

- Не знаю, сам не знаю, как это всё дальше получилось. Может быть, не хотел возвращаться ни с чем.

- Обуяла гордыня? - насмешливо спросила Лиза.

- Не знаю, не знаю, что там меня обуяло. Уехал, вырвался к делу. Ну, а там затянулось всё, запуталось. Да, не хотелось возвращаться ни с чем. Слишком много было обещано, слишком многим было пожертвовано...

- Да, сложный случай. - Насмешливая улыбка так и осталась на властном лице женщины-хирурга. - Как у нас говорят: больной не операбелен.

- Тебе бы всё оперировать, - грустно усмехнулся Николай Андреевич.

- Ну хорошо, а зачем же тогда вернулся? - спросила Оля. - Какова, так сказать, цель твоего нынешнего приезда, если допустить, что ты не дитя и понимаешь, что такая женщина, как Маша...

- Довольно! - вдруг решительно распрямился Николай Андреевич.

Вот же он, вот же он, этот ветер с реки. Он идёт поверху, и надо стоять очень прямо, чтобы дотянуться до него лицом.

- Довольно, разберусь как-нибудь сам!

Николай Андреевич стремительно перешагнул порог древней башни, где столь внезапно учинили ему суд и расправу его школьные друзья, и зашагал к городу, идя на ветер - сперва вниз по тропинке к реке, а потом этой же тропинкой круто в гору и к городу.

Покуда происходил весь этот разговор, столь неприменный между друзьями в подобных случаях и столь всегда бесплодный, Таня всё топталась в пыльном палисаднике перед судом, не зная, как добыть ей из него свою маму. Зайти? Страшно. И не велено. Но ничего, что не велено.

Просто страшно туда идти. Ещё страшнее, чем в пахнущую больницей гостиницу. А ведь в гостиницу её провожал Черепанов. Теперь бы она с ним не пошла. Вот и нет у неё этого друга.

Он обманул её, он показался ей хорошим, вовсе не злым, как бы он там ни чудил и ни бранился, чтобы там о нём ни говорили другие. Она ошиблась. Он злой, скверный, жадный старик. Ох, как всё горько, как всё сложно!

Таня пошла вдоль зарешечённых окон суда, заглядывая в их тёмную глубину, нет ли где-нибудь там её мамы. Несколько окон вели в зал, который уже начал пустеть, где мамы её уже не было. Куда же она подевалась? От окна к окну переходила Таня, пугливо оглядываясь на выходящих из суда людей.

Она боялась, что её сейчас станут прогонять отсюда, а ей обязательно надо было ещё хоть раз, хоть через зарешечённое окно поглядеть на мать.

Таня завернула за угол дома. Здесь было лучше: эта сторона здания выходила в тихий и зелёный переулок. Здесь даже акации в палисаднике росли по-настоящему, как перед обычным домом, щедро даря ему тень и нехитрые свои жёлтые цветочки.

Вот и ещё одно окно, жаль, высоко приподнятое над землёй. На окне тоже решётка, но рамы отворены, а на подоконнике виднеются даже горшки с цветами. Таня заспешила к этому окну, очень вдруг понадеявшись на эти цветы в горшках. Мама там. Таня смело ухватила руками за решётку, подпрыгнула и повисла на ней.

Да, она не ошиблась: совсем рядом с окном сидела, устало склонившись над столом, её мама. Совсем не такая, как там, в зале суда, а такая, как дома, когда ей бывает невесело. Теперь Таня знала: в такие минуты мама думает о своей ссоре с мужем. Значит, вот и сейчас она

думает об этом?

- Мама, - шёпотом позвала её Таня. - А я была у папы. А потом мы ходили по городу, а потом... Хочешь, я его позову.

Мать вскинулась, наклонилась к окну.

- Не смей!

Их разделяла решётка, и Таня никак не могла поближе придвинуться к матери, да и висеть всё время на руках было трудно.

- Я сейчас спрыгну, - сказала Таня. - Ещё только гляжу на тебя немножко и спрыгну.

- Ты ела хоть что-нибудь за целый день?

- Нет, но я не хочу, совсем не хочу. Мама, почему вы не можете помириться?

- Целый день ходишь голодная! - горестно проговорила мать. - Ну что мне с тобой делать? Я же всё тебе оставила - только открывай рот и ешь.

- Мама, почему же вы так? - спросила Таня. Она спешила с самыми главными вопросами, потому что руки отказывали ей и, как она ни напрягалась, пальцы начали уже разжиматься. - Неужели ты не можешь с ним помириться?.

- Это всё не просто, дочь.

- Не хочешь? - Таня держалась теперь только на кончиках пальцев.

- А он?

- Я спрошу его! - обрадовалась Таня и выпустила из рук решётку.

- Не смей! - услышала она громкий, гневный даже голос матери. - Стой там под окном! Сейчас я отведу тебя домой! Слышишь, стой и жди меня!

- Стою и жду, - тихо, печально отозвалась Таня. - Значит, не хочешь?..

Николай Андреевич вернулся домой, то бишь в свой неприглядный гостиничный номер. Он подгадал ко времени, когда солнце, идя на закат, заглянуло к нему в номер, так всё тут сразу высветив и выжарив, что, едва переступив порог, Николай Андреевич задохнулся от духоты и ослеп от жестоких лучей. Как пойманный в западню, он заметался от стены к стене, ища здесь хоть какую-нибудь тень. Наконец забился в самый угол за спинку кровати, сев на пол, и затих, упёршись головой в кулаки.

Он не слышал, как к нему постучали, не слышал, как отворилась дверь, и поднял голову лишь тогда, когда на пороге выросла длинная, сутуловатая фигура Дмитрия Ивановича Черепанова.

- Вот пришёл с тобой поговорить, - произнёс он странно, как-то медленно и весомо, будто желая вложить в эти свои слова какое-то особое значение. - Не прогонишь?

Старик тоже притулился за спинкой кровати рядом с Николаем Андреевичем. Они переглянулись, удивились друг другу, нелепым своим позам, но так и остались сидеть на полу, затаившись от изничтожающих солнечных лучей.

- Разговоры-то у меня невесёлые, станешь ли слушать? - снова заговорил старик. И снова медленно как-то, будто торжественно прозвучали его слова.

Николай Андреевич насторожился:

- Про меня, что ли? И вы тоже, Дмитрий Иванович, с осуждениями?

- Нет, Коля, про себя. Ты молодой ещё, успеешь ещё разобраться. А вот я... Скажи-ка мне, дочь ты мою там где-нибудь не встречал?

- Года два назад виделись в Москве. Ехала на курорт, заходила.

- Да ну?! Да ну?! - встрепнулся старик. - Стало быть, видел, разговаривал? - Он поднялся быстро на ноги и, запямятав, широко шагнул навстречу убийственно прямым лучам.

Николай Андреевич посмотрел на него - вот такого, до мельчайших подробностей высвеченного солнцем, и внезапно усмотрел в стариковском лице ту роковую приметку жизненной недолгости, которая порой проглядывает в старом лице, как бы оповещающая о скорой беде. А ещё сегодня утром старик казался совсем иным, по-стариковски подсохшим, пригнутым, но крепким.

Николай Андреевич вскочил и стал усаживать старика на стул,

испуганно всё заглядывая в его омертвелое лицо, в это двойное лица выражение, где живое уже зримо начинает вытесняться мёртвым.

- Что с вами, Дмитрий Иванович?

- А что? Со мной ничего! Ты это зачем так смотришь на меня? Не отпевать ли вздумал? Вот что, расскажи-ка лучше о дочке.

- Что же рассказывать? - усаживаясь напротив старика на свою высокую, нелепую, скрипучую и трясущуюся кровать, спросил Николай Андреевич.

Что ни слово, то что-нибудь звякало, сотрясалось в кровати. Сидеть на ней и говорить надо было сторожась.

- Какая она? Ну какая? - Старик вдруг начал сердиться. - Неужели не понимаешь?! Ну какая? - Он вскинул руки с узловатыми нервными пальцами и, словно лепя что-то в воздухе, стал нежно и быстро поводить ими. - Я её плохо стал видеть, - тихо сказал он. - Забывать стал. Только, когда во сне вот приснится... Рассказывай!

- Меня обрадовала в Лене её какая-то оживлённость, радость, - сказал Николай Андреевич.

- Так-так, так-так!

- Ведь мы много лет не виделись, а она будто и не постарела. Даже что-то иное, наново молодое объявилось в ней.

- А почему? Возможно ли это? Как же? Годы-то идут и для неё?

- Мне думается, разные у человека годы бывают, Дмитрий Иванович. Если человек счастлив, то год-другой его не старит, а даже молодит.

- Счастлив? Стало быть, счастливою её увидел? А про отца она спрашивала?

Николай Андреевич поймал на себе упористый взгляд старика и собрался было покривить душой, сказать, что спрашивала, хотя Лена за те три дня, которые они встречались в Москве, ни словом единым не обмолвилась об отце, но старик не дал солгать ему.

- Молчи, - сказал он. - Знаю: не спрашивала. - Он чему-то вдруг улыбнулся. - Знаю, моя порода. - Старик медленно поднялся со стула, медленно, тяжело согнувшись, побрёл к дверям. Уже с порога, всё так же медленно, трудно переставляя ступни, обернулся. - Ты вот что, Коля, дочерью своей не пренебрегай. Значительная она у тебя, удавшаяся. Ты вот что, Коля, всё только про себя да для себя не думай. Ты о ней подумай. Может, не ты художник-то, а она художник-то. Может, в том и удачливость твоя, что она есть. Ты меня извини, я поучать сроду не любил. Это я не тебя, это я себя по лицу стегаю.

Старик снова двинулся вперёд, медленно, трудно поворачивая своё

тело к дверям, ещё более согнувшись, как-то разом, вот прямо на глазах, одряхлев, поникнув.

- Погодите, Дмитрий Иванович, по стойте! - кинулся к нему Николай Андреевич. - Вам трудно сейчас идти. Посидите, отдохните немного.

- Нет, пойду. Если что надо, сейчас прямо спрашивай. Не тяни, спрашивай. Ну, спрашивай! - Старику удалось выпрямиться, и он смотрел теперь прямо и в упор на Николая Андреевича.

Николай Андреевич отвёл глаза, смутясь чего-то.

Стоя рядом в дверях, они долго молчали. Николай Андреевич слышал трудное, с присвистами, дыхание старика, слышал вползавшие один за другим в окно звуки города - то машина, то телега мимо проедет, то кто-то громко заговорит, проходя под окном, засмеётся, закашляется, видно слишком сильно затянувшись папирасой. Бедные звуки, самые обычные, а вот Николаю Андреевичу они сейчас рассказывали столь многое, что он едва поспевал глядеть вслед за ними, глядеть тем внутренним взглядом, когда иной звук рождает перед тобой целую картину, напоминает вдруг что-то большое, широкое, наиважнейшее.

О чём думал сейчас старик, трудно дыша, трудно выстаивая своё молчание, этого Николай Андреевич не знал. Но догадывался, что мысли старика где-то рядом и с его мыслями.

- Жизнь проходит, - сказал Николай Андреевич вслух. - А жизнь-то проходит.

- И ты тоже понял? - вздрогнул лицом старик. - Понял, значит? Тоже, значит, думаешь, а верно ли, верно ли?..

- Дмитрий Иванович, можно я вас провожу?
- Ну проводи, проводи...

Они вышли на улицу и, спасаясь от закатного зноя, медленно побрели вдоль стен и заборов теневой стороной.

Сперва шли молча, ловя на себе удивлённые взгляды встречных прохожих. Кто узнавал Николая Андреевича и начинал всматриваться в него, проверяя, не ошибся ли. Кто бросал быстрый взгляд на Черепанова и быстро же отворачивался. С Николаем Андреевичем, узнавая его, здоровались. Со стариком, хоть и все его знали, не здоровался никто. Может быть, поэтому он и шёл сейчас, так низко опустив голову. Поотстав, Николай Андреевич глянул на старика со стороны. Подумалось: вот идёт по родному городу человек, проживший чуть ли не всю свою жизнь здесь, а родного, своего, близкого у него и нет ничего. Страшно! Страшна такая старость! И ещё одна мысль подкралась и напугала, будто кто крикнул в самое ухо: берегись! Эту мысль Николай Андреевич не решился даже и додумать до конца, он отмахнулся от неё, головой даже тряхнул что есть силы. Он не хотел, он робел думать сейчас о том, о чём начал было думать. Он поспешно заговорил, ему теперь просто нужно было говорить, чтобы всякие там грозно-печальные мысли не лезли в голову.

- Говорят, Дмитрий Иванович, городок наш скоро большим станет?

- Говорят, говорят, - шевельнул губами старик.

- Глядишь, и вернётся к нему былое величие?

- Глядишь, глядишь...

Они вступили на Торговую площадь и отдали себя пронизывающим лучам закатного солнца. Снова увидел ярко высвеченное лицо старика Николай Андреевич, снова почудилась ему в лице старика та страшная омертвелость, которая как бы упреждает окружающих о скорой, неотвратимой беде.

- Присядем, - предложил Николай Андреевич старику, когда они вошли в сквер, разбитый посреди Торговой площади.

- Присядем, - покорно согласился старик и тяжело опустился на первую же скамью.

Николай Андреевич сел рядом и привычно откинулся на спинку. Так вот, здесь вот он много раз сживал раньше. Отсюда далеко и широко было видно. Вспомнилось вдруг, что здесь, на этой самой скамье, чуть ли не в такой же вот закатный час был у него три года назад решительный разговор с женой. Тогда ему казалось, что он прав, во всём прав. Он был убеждён -

надо уезжать. Городок засасывает его. Здесь нечего ему делать. Он учился, он много лет шёл к тому, чтобы стать архитектором, ну хотя бы строителем больших жилых домов, а ему здесь предлагают чертить планчики изб. Архитектор по пятистенкам! Он был убеждён, что едва лишь попадёт в большой город, подойдёт к большому делу, как всё и сладится, как всё и начнёт ему удаваться. Да, выходило так, что семья тянула его назад, мешала ему, вязала по рукам. Жена не могла уехать вместе с ним: её выбрали судьёй, у неё был свой путь, она на свой лад всё собиралась ладить. Им трудно, невозможно даже становилось вместе. Тогда казалось, что трудно и невозможно. Тогда ещё казалось, что его отъезд не столь уж и великая беда. Тогда говорилось о годе, который понадобится ему, чтобы найти себя и попытать себя в большой работе.

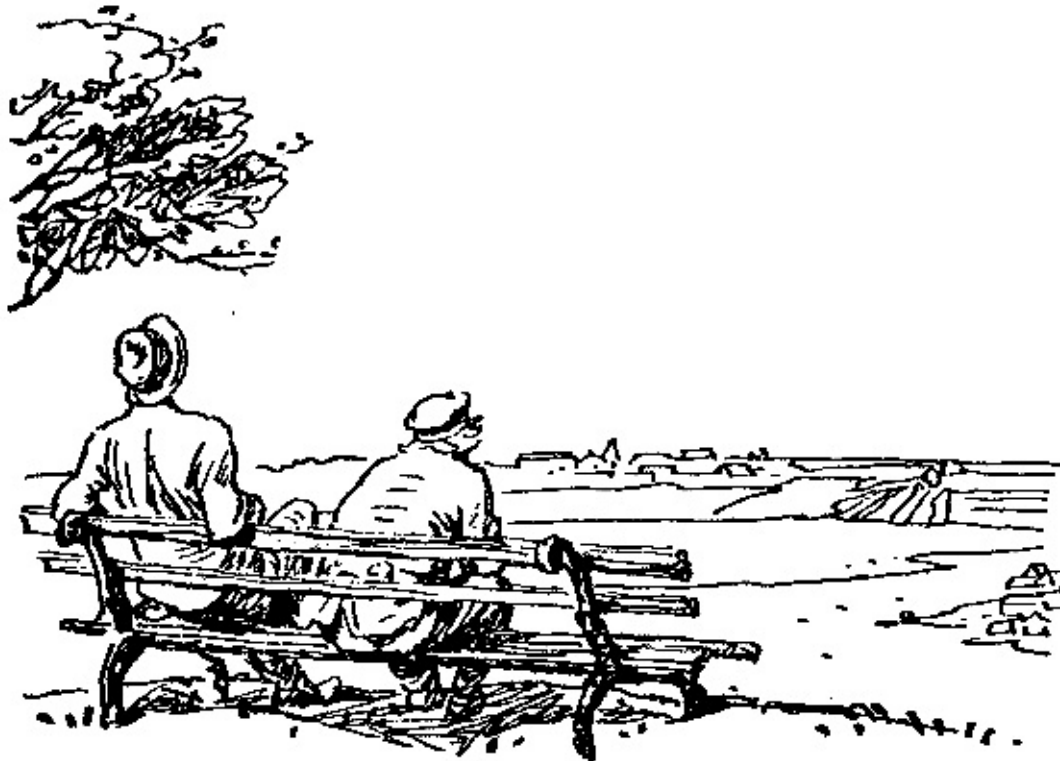

Прошло три года, а большая работа всё ещё впереди. И какая она, эта большая работа? На что ты замахиваешься? Что ты можешь?

Дома, дома, много домов уже вытянулось вереницей перед твоим внутренним взором. Ты их строил, один из многих, ты тоже участвовал в их рождении. Но то ли это, чего ты хотел? И ещё: а где сейчас твой собственный дом? Где он? Куда подевалось все?

Можно винить во всём не только себя, можно винить во многом и жену, её неуступчивый, какой-то мужской твёрдости характер. Пусть так.

Разве дело в том, кто виноват больше, кто меньше? И разве легче станет тебе на душе, если часть вины за случившееся свалишь ты на другого?

Отсюда, с этой скамьи, если сидеть вот так, запрокинувшись, хорошо видны Ключевка и лес за ней, а вон там вон, вдали, - белые стены монастыря. Он вспомнил, как дочь говорила ему об этом монастыре. Она удивительно точно говорила. Ведь вот девочка совсем, а как верно всё увидела. Да, издали легки и приветливы будто эти белые стены, а подойдёшь поближе - начинают они давить на тебя, начинают страшить.

- Вы считаете, Дмитрий Иванович, что у Тани есть талант? - спросил Николай Андреевич притихшего, словно задремавшего старика.

- Обещает, - сказал старик. Нет, он не спал и, казалось, даже был готов к этому вопросу. - Много обещает твоя дочь, Коля. Как знать, кем она там ещё будет - художницей ли, строителем ли, врачом, может быть. Не в этом суть. Она у тебя с хорошей душой, она смысленыш у тебя, она какая-то вся светлая у тебя - вот в чём суть. Да, похоже, похоже, что выработается она и в художницы. Уже и теперь порядочно рисует, пожалуй, получше, чем ты мальчишкой-то рисовал. Но не в этом суть, не в этом суть. - Старик поспешно поднялся со скамьи. - Пойдём, душно тут.

Они снова тронулись в путь, миновали маленький сквер и вот уж и вступили на ту самую улицу, посреди которой друг против друга издавна стоят два дома - черепановский и васильевский. В том, под зелёной крышей

с ветвистой берёзой у калитки, Николай Андреевич и родился. Это был родной его дом. И эта улица была родной ему улицей. И этот город был родным ему городом. И всё окрест было родным. А сам он, а сам он был ныне заезжим здесь человеком. Всего три года, а сколько перемен, перемен... И сколько утрат. Но вот старик живёт здесь всю жизнь, а и он здесь чужой, горько чужой. И уже ничего не поправишь, уже поздно ему что-либо поправить. А тебе?!

Их улица горбилась крутым посредине бугром, и дома за ним открывались не сразу - сперва крыши и деревья, потом наличники, окна. Черепановский дом был здесь самым большим, он уже встал перед глазами во весь свой рост, прихмурившись, нежилой будто. А дом напротив открывался медленно, и Николай Андреевич, сам того не замечая, прибавил шагу, заспешил вперёд.

Вот он, вот он и открылся глазам, его родной дом под зелёной крышей, с ветвистой берёзой у калитки. Взойдя на бугор, Николай Андреевич остановился. Он и думать не мог, что так взволнует его вид этого скромного жилья тех лет, когда он был ребёнком, тех лет, когда он был юношей, и многих-многих лет, за вычетом только трёх последних.

Николай Андреевич задержался на бугре ещё и потому, что прямо перед собой увидел Таню и Сашу, которые, ещё не заметив его, о чём-то оживлённо разговаривали, сидя на низенькой скамейке - он сам врыл её - возле калитки. Сейчас Таня поднимет голову, чуть поведёт глазами и увидит его. Что она подумает? Она подбежит к нему, решив, что это он пришёл домой, вернулся домой. Что он ей скажет? Не надо было идти сюда. Как он не подумал о том, что дом старика стоит напротив его дома? А может, подумал? Может, это он хитрит сейчас с собой?

Черепанов нагнал его и тоже остановился на вершине бугра, чтобы отдышаться.

- А вон и Таня твоя, - сказал он обрадованно. - Сейчас подбежит и начнёт спрашивать про что-нибудь самое важное. У неё теперь всё - самое важное. Вглядывается в жизнь. Начинает разбираться. А человечек она зоркий, пытливый.

Николай Андреевич слушал Черепанова с тяжким сердцем. Он-то знал, что Таня сейчас не подбежит к старику с ясным лицом, не заговорит с ним звонко-радостным голосом.

- Дмитрий Иванович, - желая предупредить его, осторожно заговорил Николай Андреевич. - Что это там у вас вышло с ребятами? Вы стреляли в них, что ли? Таня очень огорчилась, узнав об этом. Очень. Пожалуй, она...

Николай Андреевич не договорил, испугавшись горестно вскинутого к

нему лица старика.

- Узнала? - шепнул тот. - Я и сам заикался... Узнала?.. Ну как ей объяснить, что это я не подумавши, что это я по привычке, что ли? Пальнул, а уж потом и всё вспомнил, что незачем, что не жаль. Вспомнил, что старый, что помру скоро, что не для кого и беречь. Ну как ей объяснить? - Старик мучился и горевал так, что тяжело было смотреть на него. Неожиданным это было всё в нём, новым.

- Пойдёмте, - решительно сказал Николай Андреевич, беря его под руку. - Как-нибудь помирю вас.

Они начали спускаться с бугра, и тут Таня и Саша увидели их. Таня вскочила и заметалась, не зная, как ей быть. К дому шёл отец, и надо было бежать ему навстречу. Но рядом с ним шёл Черепанов, с которым она не могла сейчас встретиться. Что делать?! А они всё ближе, всё ближе.

Вскочил, заметался и Саша. Рядом с ним, на скамье, прислонённая к изгороди стояла какая-то картина. И вот теперь он принялся лихорадочно укутывать её куском мешковины, обвязывать бечёвкой.

Николай Андреевич и Черепанов подошли к ребятам, и старик устало сел на скамью.

- Не прогоните? - Он наклонился к Саше, шепнул ему: - Успел, наябедничал? А я как раз собирался разыскать тебя, хотел, ну что ли, извиниться перед вами.

Очень трудно дались старику эти слова, и так неожиданны они были для него, что Саша, не веря себе, пере-спросил:

- Извиниться?

Старик молча кивнул и раз и другой. Он смотрел сейчас на Таню, она тоже слышала его слова и тоже одними губами повторила вслед за ним: «Извиниться?» Старик и ей покивал. Он смотрел на неё и всё кивал, и всё кивал ей, а в глазах его светилась такая мука, что Таня вдруг шагнула к нему и, сразу всё простив ему, уткнулась лицом в его брезентовую, так остро, так сладостно пахнущую красками куртку.

- Ну вот и хорошо! - облегчённо вздохнув, сказал Николай Андреевич.

Услышав голос отца, Таня распрямилась и кинулась к нему.

- Ты пришёл домой, да?! Пойдём, входи же!

Она изо всех сил потянула его за собой, но он, ничего не говоря ей, избегая её взгляда, оставался стоять на месте. И она поняла и выпустила его руку, снова понуро усевшись на скамью.

Старик попытался выручить Николая Андреевича.

- Что это у вас тут? - спросил он, потянувшись к укутанной в мешковину картине, которую Саша прятал за спиной. - Никак, картина?

- Да- вот, принёс ей показать, - ещё дальше задвигая за спину картину, растерянно пробормотал Саша. - Это так, ничего особенного, просто дом нарисован... Нечего и смотреть...

- А ты покажи, покажи. - Старик взял в руки картину и стряхнул с неё тряпку. Потом, ещё не поглядев на картину, он умело наклонил её, прислоня к ограде. И только уж тогда, и лишь отшагнув на несколько шагов, обернулся, чтобы смотреть.

Увиденное нежданно поразило его до оторопи. Затряслась жалко седея голова, судорожно сжались пальцы. Старик подался вперёд, впился глазами в картину, бессвязно что-то забормотал.

Николай Андреевич, Таня, Саша тоже уставились на эту картину, столь поразившую, даже потрясшую старика.

А картина была тихой, мирной, не тревожной вовсе. На ней был изображён небольшой домик в два этажа, но первый этаж был почти полуподвальный, и домик на два этажа так и не вытягивал. Красные кирпичики полуподвала были любовно выписаны, словно художник сам укладывал их один к одному в том, настоящем, доме, который нынче он написал. Синеватые дощатые стены второго этажа были так тщательно и ровно крашены, словно художник был озабочен прежде всего малярной добросовестностью отделки. Дом был так точен в этом старательном письме, что начинал казаться игрушечным. Но вот деревья за домом и рыхлый, осевший уже снег в саду - он только краешком пролёт в картине - это удалось художнику. Это написалось у него легко и в глубину, а не старательно и поверху. Апрель, вероятно, оттепель, тот и солнечный и пасмурный, северный денёк, когда весна лишь в воздухе, но как её много, как её много в этом воздухе! И ещё - и главное - в картине... У ограды, перед домом, легко прислонясь локтем к ограде, стоит девушка. Она смотрит прямо на вас и куда-то вдаль. И там, куда она смотрит, что-то очень значительное открывается её глазам, очень интересное. Иначе бы она так не смотрела, так широко, так отвлечённо, так увлечшись далёким. Иначе бы не жило её простенькое лицо, обрамлённое смешной, букольками, причёской, такой воистину живой молодостью. Иначе бы это, должно быть, некрасивое, простоватое девичье лицо не казалось бы сейчас на картине изнутри значительным и даже пригожим.

- Кто это? - тихо спросил Николай Андреевич. - Кто-то очень знакомый... Давным-давно, правда...

- Откуда у тебя эта картина? - Черепанов быстро подошёл к Саше, положил обе свои тяжёлые руки к нему на плечи. - Как она попала к тебе?

- Мне Клавдия Николаевна подарила, - сказал мальчик срывающимся

от волнения голосом. - Наша учительница географии, которая теперь на пенсии.

- Вот оно что! - обрадовавшись, что памяти его пришли на помощь, воскликнул Николай Андреевич. - Ну конечно, это она - наша Клавдия Николаевна, но только в пору своей юности. Чья же это картина?

- Моя, - странно хрипло, ослабевшим вдруг голосом сказал Дмитрий Иванович. - Подарила? Как же она могла подарить её тебе? - Он так и не снял руки с плеч мальчика.

- Она сказала, что ей её не жалко, - шёпотом ответил Саша. - Я не хотел брать, а она сказала, что ей не жалко.

- Не жалко?.. И ей тоже не жалко... - Старик сбросил руки с Сашиных плеч и снова вернулся к картине.

Весна, оттепель, молоденькая девушка, изумлённо куда-то глядящая мимо вас, может быть, туда, где видится ей вся её жизнь впереди. И вот жизнь прожита, пришла старость.

- Не жалко... - повторил старик. - Зачем тебе эта картина? - Он повёл трясущейся головой в сторону Саши. - Отдай её мне, а? Отдай, а?

- Берите! - Саша кинулся к картине, схватил её и протянул старику.

Но тот не взял.

- Забыл, забыл, не нужна она мне, не для чего! - принялся он отталкивать от себя картину. - Забыл, забыл, не для чего, не для кого!

Старик повернулся и шатко пошёл к своему дому. Не раздумывая, Таня бросилась за ним, подхватила его руку, помогая ему идти.

- Вы не думайте, Саша эту картину сбережёт! Вы только не думайте, что она пропадёт, испортится. Я понимаю, это ваша удача - эта картина. Я понимаю...

- Удача?.. - Старик пошатнулся, тяжело надавив рукой на плечо девочки.

Она едва удержала его и в отчаянье оглянулась на отца, прося о помощи. Николай Андреевич подбежал к ним, подхватил старика под руки.

- Я сам, сам, - бормотал старик.

Но куда там сам. Ноги у него подгибались, и он почти повис на руках Николая Андреевича.

Подбежал и Саша, чтобы помочь. Втроем они подвели старика к дверям его дома. Потом Николай Андреевич помог старику отомкнуть дверь. На пороге их встретил воинственно ощетилившийся, звероподобный пернатый сожитель старика. Он будто понял всё, будто догадался о надвигающейся беде. Он разом сложил крылья, поник головой, странно поменьшал, стушевался, жалобно, не по-петушину, а по-куриному как-то

заключив горлом. Тане стало жаль его, и она, не страшась, погладила его по поникшему гребешку.

Поддерживая старика, все вошли в дом и медленно стали подниматься по скриплым ступенькам. «Кто тут? Что надо? Зачем пришли?» - тревожно принялись спрашивать ступеньки.

И вот она, чудо-комната старика. Его убежище от людей, его хранилище сокровищ. Вся жизнь его, весь жизненный его итог.

Был ещё день, и не кончился ещё закатный ток солнечных лучей. Они врывались в комнату, прямым светом осветив ту самую стену, на которой у старика висели картины, как бы слагавшие древнюю улицу его родного города. Это прямое, яркое и глубокое закатное свечение подарило картинам живые краски, добавило им глубины. Стена ожила, раздалась, встала перед глазами и вправду древней улицей, на которую попал ты каким-то чудом. Вот здесь ты живёшь, по этим мостовым ходишь, вот в этой лавке прицениваешься к нужной тебе вещи.

Старика ввели в его комнату, помогли улечься на узкую и бедную, лишь стареньким солдатским одеялом покрытую кровать.

Но Саша не пошёл туда, где за ширмами укладывали старика. Как Таня, когда в первый раз попала она сюда, замер он на пороге, а потом робко двинулся вперёд, изумлённо, зачарованно глядя на всё вокруг.

Таня вернулась к нему и пошла рядом. Ей хотелось многое объяснить Саше, рассказать всё то, что рассказывал ей старик, но она только сказала:

- Теперь и я, Саша, знаю всё про себя... Я буду художницей. Веришь?

Саша наклонил голову. Он верил ей.

Двигаясь вдоль стен, они подошли к углу, где за ширмами лежал старик. Николай Андреевич сидел у него в ногах. Они молчали. Черепанов тяжело дышал, прерывисто, коротко и очень сильно вздымая грудь. Увидев Сашу, он встрепенулся, чуть оборотил к нему голову - и это уже было трудно ему сделать - и шёпотом спросил:

- Нравится?

Саша наклонился к нему, собираясь сказать что-то очень значительное, выговорить ему все те слова, которые бы могли выразить сейчас его восхищение, и ничего, просто ничего не сумел сказать. Мальчик растерялся от увиденного, ему вспомнилась вдруг его собственная коллекция, и в эту минуту, когда наклонялся он к старику, вспомнились и померкли в глазах мальчика все его собственные сокровища. На глаза у него навернулись слёзы - он ничего не мог сказать старику. Саша прощался сейчас со своей игрой, со своей мечтой. Николай Андреевич понял это.

- Саша тоже собирал свой музей, - пояснил он старику. - Он и его друзья. Сделали убежище в варнице и стали сносить туда всякую старину.

- Зачем? - спросил старик. - Зачем?

- Я хотел... - сказал Саша. - Мы хотели открыть потом в школе наш собственный музей. Но...

- Ведь вы только начали, - утешая мальчика, сказал Николай Андреевич. - А чтобы собрать то, что здесь собрано, надо положить много, очень много лет. Не правда ли, Дмитрий Иванович?

- Музей в школе... - пробормотал Черепанов. - Музей в школе... - Он поискал глазами Таню. - И ты тоже собирала что-то для этого музея?

- Нет, я только собираюсь, - сказала Таня. - Ребята сперва меня не приняли, а теперь вот приняли.

- Приняли?.. Но это не игра, Таня, это не игра. Дело это может выпить все твои силы, всю твою душу.

- Но я не одна, нас много, - сказала девочка. - А потом будет всё больше. А потом, когда мы кончим школу, начнут собирать другие ребята. А потом...

- Не одна... Нас много... - Старик порывисто приподнялся на локтях, широко раскрывшимися глазами поведя вокруг. - Уберите эту ширму! Темно!

Николай Андреевич вскочил, рывком отодвинул ширму в сторону.

Старик сел на постели и принялся оглядываться, задерживая широко раскрытые свои глаза то на одном, то на другом. На картине, где была изображена его дочь в сиреневом саду, взгляд старика остановился надолго.

- Не спросила, не вспомнила, - почти беззвучно шевельнул он губами. - Ты права, права, ты права. - Руки старика подогнулись, он тяжело повалился на спину. Но тотчас снова стал приподниматься. - Завещание! - проговорил он громко, очень явственно выговаривая каждую букву этого тяжкого на звук слова. - Таня, позови свою мать, она юрист, позови её. - Он откинулся на подушку, невнятно повторив: - Позови её.

Таня вопросительно глянула на отца. Он кивнул ей - иди.

Таня повернулась и побежала к дверям. Скрипкие ступеньки ни о чём не успели спросить её. Она уже была на улице, уже вбежала в свою калитку, уже распахнула дверь своего дома.

- Мама! - сказала она тихо, но с таким напором в голосе, что Марии Сергеевне показалось, что дочь кричит ей, - Мама, идём, Черепанов зовёт тебя! Он странно-странно дышит... Как бабушка тогда... Идём!

Таня перебежала через дорогу, распахнула дверь черепановского дома, глазами торопя мать. Она пропустила её вперёд и, вдруг оробев, вспомнила, что там, наверху, рядом с Черепановым, сидит её отец. Сейчас они встретятся - мама и он. Вот сейчас, сейчас...

Мария Сергеевна пошла вперёд и уже поднялась на второй этаж, а Таня всё ещё стояла внизу, не решаясь стронуться с места.

Поменьшавший, притихший, жалкий петух подошёл к ней и, как собака, потёрся о её ногу.

- Не бойся, - сказала она ему. - Не бойся.

Она решилась и начала медленно подниматься по лестнице. Так медленно и тихо, что скрипные ступеньки снова ни о чём её не спросили.

Когда Таня вошла в комнату, её поразило, что и отец и мать сидят почти рядом у постели старика. Её поразило безмолвие в этой комнате. Её поразило солнце, которое уже ушло со стены, где белели древние соборы её города, и остановило свои лучи лишь на одной-единственной картине здесь - на девушке в сиреневом саду.

Послышался голос Черепанова. Слабый, невнятный, уходящий голос. Он приказывал, этот голос, хоть и был он слаб и невнятен:

- Всё, всё, чем владею, дом этот, собрание это, - приказывал голос, - всё завещаю я, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, детям своего родного города. - Старик помолчал. - Записали, Мария Сергеевна?

- Да, - сказала она.

Как звонок, как упруг, каким живым был её голос!

Таня подошла поближе, чтобы поглядеть на свою мать, чтобы поглядеть на отца. Они сидели рядом, почти совсем рядом. О чём они сейчас думают? Что сказали они друг другу минуту назад, когда свиделись? Не узнать, не угадать. Она ещё маленькая, да, это так, она ещё совсем маленькая - ей не понять их.

Положив листок бумаги на краешек шаткой тумбочки, что стояла в головах кровати, мать сейчас записывала то, что говорил ей Черепанов. А он вот уж и снова заговорил:

- Пусть в этом доме моём... - И снова его слабый голос прозвучал, как приказ, которого трудно послушаться. - Пусть в этом доме моём учредят городские власти музей, если собрание моё того стоит. Но пусть владеют этим музеем дети нашего города. Всё! - Он умолк, но тут же снова приподнял голову и внятно позвал: - Таня, подойди.

Таня быстро шагнула к нему, а отец и мать встали и отошли. И Саша тоже отошёл. Его опять потянуло туда, где легла через всю стену древняя улица его города. Вот ушло из комнаты солнце, и там, на древней улице, тоже начались сумерки. Это казалось чудом, и к этому чуду робко приблизился сейчас мальчик, чтобы понять, разгадать его.

- Таня, дружочек мой, - по-прежнему внятно проговорил старик, когда они остались вдвоём. - Я скоро умру, пожалуй... Не печалься, я пожил...

Ящик с красками мой возьми себе... И ещё: пригляди за Альфредом, он к тебе пойдёт...

Старик откинулся на подушку, устало закрыл глаза, затих.

- Вам нельзя умирать! - заплакав, сказала Таня. - Нельзя!..

Кто-то взял её за руку и заставил отойти от постели старика. Таня подняла глаза - это был отец. Он повёл её к двери, он хотел, чтобы она ушла. Но Таня упёрлась и потянула отца за собой, к окну, туда, где стояла мать. Таня подвела отца к ней. Таня больше не плакала. Она заставила себя не плакать.

- Помиритесь! - сказала она тихо и приказывая.

Они молчали.

- Если вы не помиритесь, - сказала она, - я уеду с папой в его Москву. Ему нельзя быть совсем одному, ему нельзя больше быть одному.

Они молчали. Но слушали, очень внимательно слушали то, что тихо, шёпотом почти, говорила им дочь.

- Я ему нужнее, - шепнула Таня и замолчала, ожидая.

Ей было нестерпимо смотреть в побледневшее лицо матери. Та будто спрашивала глазами: «Это ты серьёзно, серьёзно?!»

- Да, - кивнула Таня.

- Никуда тебе не нужно ехать, - сказал отец.

Какое сейчас было у него лицо! Таня вглядывалась и не могла понять, отчего его лицо вдруг стало таким. Каким? А вот таким, когда человек и радуется и печалится, здороваётся и прощается - и всё сразу, сразу.

- Я решил остаться в Ключевом, - сказал отец. - Попробую найти здесь себе работу.

- Ты будешь строить пристань? - спросила Таня, как и прежде, тихо. Она побоялась громким голосом спугнуть его решение.

- Не знаю, что я буду строить. Может быть, и пристань.

- Конечно, пристань! - сказала Таня. - Подумай только, к ней будут приплывать громадные пароходы! «Эй, откуда вы?» - «Мы с Камского моря!» Подумай...

- Хорошо, Танюша, хорошо. - Он, прижмурившись, кивнул ей.

Таня тоже прижмурилась и быстро пошла назад, к Черепанову.

- Дмитрий Иванович, - тихо окликнула он? его. - Как вам теперь? Получше?

Широко открыв глаза, старик ясно, из глубины, посмотрел на девочку.

- Получше... - внятно проговорил он. - Ступай, теперь ступай...

Таня послушно двинулась к двери. А с порога ещё раз оглянулась на Черепанова, а потом посмотрела на отца и на мать.

Они стояли в раме окна, стояли совсем рядом, касаясь друг друга плечами и словно не видя друг друга.

«Как всё не просто, трудно как», - по-взрослому подумалось Тане.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)